ПИОНЕР

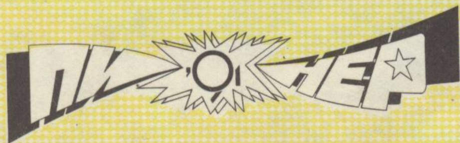
'01

ЯНВАРЬ

ISSN 0130—8009

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва 1991
издательство «Правда»

1

ЧИТАЙ В ЯНВАРЕ

На обложке:
рисунок К. Гераймовича.

С НОВЫМ

Мы приветствуем всех вас, наши дорогие читатели, и благодарим за то, что вы выбрали своим спутником именно «Пионер», отправляясь в 1991 год. Мы ценим ваше доверие и спешим сразу сказать: мы готовы откликнуться на любое ваше предложение и вместе с вами искать ответ на любой вопрос.

А вопросов сегодняшняя действительность ставит перед каждым из нас неимоверно много. И главные — кто мы в современном мире и как жить дальше? Тем более что наша история, которая изложена в учебниках, так разительно отличается от того, что мы видим и слышим вокруг.

Долгое время советским людям внушалось: у нас самый передовой строй, у нас самые великие достижения, а весь остальной мир только и мечтает о том, чтобы иметь наши свободы и нашу счастливую жизнь.

Мы пели: «Нам нет преград ни в море, ни на суше...», «Всех звонче советские скрипки на конкурсах мира звучат...» и еще про то, что «По полюсу гордо шагает, меняет движение рек, высокие горы сдвигает советский простой человек».

И вдруг оказалось, что все вроде бы и так и в то же время далеко не совсем так, как мы уверяли самих себя.

Конечно, вряд ли правы те, кто сегодня одной черной краской пишет историю Советского государства. И героический труд, и массовый энтузиазм, и открытия, и победы — все это было. Но с другой стороны, если бы все было правильно в прошлом, разве пришли бы мы к такому положению, когда нам не хватает самого элементарного: одежды, еды, жилья и еще многого-многого другого. И со свободами оказалось, мягко говоря, не все в порядке, раз лучшие люди вынуждены были покидать страну. Мы уж не говорим о тех, чья участь была еще горше.

Общество наше на перепутье. Идет ломка прежнего политического и экономического устройства. Спорят ученые, политики, государственные деятели, писатели, журналисты, рабочие, крестьяне: не ошибиться бы снова в выборе пути. Ведь мы уже

Годом, здравствуйте!

знаем, сколь дорого обходятся ошибки народу.

Перестройка внесла в нашу жизнь понятия, о которых прежде вслух и размышлять-то было небезопасно. Гласность сняла многие запреты и умолчания. Мы можем свободно обсуждать любые темы, не боясь высказывать свои суждения открыто и без оглядки на авторитеты и обладателей высоких постов.

Мы научились выговаривать слово «плюрализм». Плюрализм в политической жизни означает множественность мнений, свободу образования политических партий и движений. И мы видим, как буквально на глазах растет число взрослых партий, молодежных и даже детских организаций. И каждый может выбрать то объединение, которое его больше устраивает. И нас не смущает уже, что рядом с пионерами действуют скауты, «зеленые» и другие детские группы.

Но множество партий и разных, часто взаимоисключающих друг друга мнений — этого еще недостаточно для того, чтобы народ стал жить лучше. Нужно еще много товаров. А этого добиться, хозяйствуя по-старому, нельзя. В этом мы уже убедились. И в нашем лексиконе появилось еще одно слово — «рынок». Как перейти на рыночные отношения, когда производство товаров будет определяться не кем-то сверху, а исключительно тем, пользуются они спросом или нет; так вот, как перейти на эти новые отношения,— общего мнения ни у государственных деятелей, ни у экономистов нет. Единственное, с чем согласно большинство,— это понимание того, что рынка нам не избежать. И здесь нас всех ожидают большие трудности.

Конечно, это далеко не все вопросы, которые волнуют вас, ваших родителей и учителей. И на которые нет однозначных ответов.

Нет готовых рецептов и у нас. И мы не обещаем, что на все каверзные вопросы вы получите прямолинейный ответ. Но, размышляя вместе над сложными проблемами, мы хотим помочь вам научиться думать. В конце концов способность думать — самое важное качество, которое вам предстоит вынести из ученических лет.

Мы хотим, чтобы вы умели отличать добро от зла и сами стремились бы к справедливости. Мы хотим, чтобы вы, споря, уважали мнение других и признавали за каждым человеком право на собственную точку зрения. Мы хотим, чтобы вы были милосердны и не стеснялись сострадать ближнему. И в этом, мы надеемся, вам помогут наши лучшие прозаики, поэты, сказочники, художники, которым мы с удовольствием предоставим страницы «Пионера» в новом году. О чем их новые повести, рассказы, стихи? Тут нет тайны: о прошлом страны, о жизни сегодняшних ребят, о фантастических путешествиях и о том, что возможно только в сказках.

Как и прежде, будет действовать «Пионер»ское агентство «Факт». А «Узел связи» будет откликаться на самые острые ваши письма.

Мы продолжим разговор о чести, достоинстве, дружбе и любви. И не только в рубрике «Переходный возраст».

Мы намереваемся и впредь знакомить наших читателей с жизнью обитателей «Планеты детей» и делиться «Секретами со всего света».

Можно ли представить детский журнал без юмора и сатиры? Безусловно, нет. Поэтому мы не только продолжим готовить выпуски «Сатирикончика», но и постараемся делать их интереснее.

Для любителей домоводства с первого номера открывается «Домострой для начинающих». А тех, кто беспокоится об охране родной природы, ожидают встречи с «Зеленой каретой».

«Клип-клуб», «Кораблик», «Чиж», «Аудитория», шахматы, викторины и конкурсы — всего не перечислить. Тем более что будут появляться новые разделы. И тут мы надеемся на вашу помощь. Пишите нам, что вам нравится, а что нет, что бы вы хотели видеть на страницах «Пионера», какие темы, на ваш взгляд, должны появиться прежде всего.

Давайте вместе делать интересный журнал!

PIONNIER. ПИОНЕР.

«Пионер» — слово французское. Pionnier означает «зачинатель», «первопроходец». Для многих в нашей стране это слово связано прежде всего с именем члена детской организации. Той самой, по поводу которой стало модно злословить, что она-де бездумно повторяла лозунги взрослых. Как будто не сами взрослые повинны в том, что дети не были хозяевами в своей собственной организации.

Значение слова «пионер» изначально было шире и глубже. Ведь пионерами называли людей, которые прокладывали новые пути в науке, открывали неизведанные земли, проникали в глубины планеты и тайны космоса, были первыми в избранной сфере деятельности.

Мы решили посвятить пионерам первую разминку 1991 года.

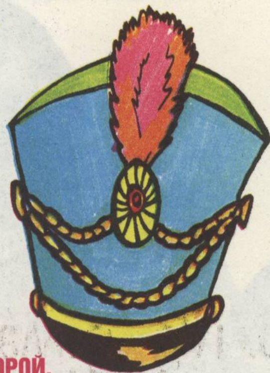
Но, прежде чем предложить вам наши вопросы, необходимо пояснить тем читателям, которые впервые подписались на «Пионер», что же такое «разминка». Так называется серия конкурсов, которую мы начали в июне прошлого года. Победители каждой разминки награждаются интересными книгами. А по результатам двенадцати туров, летом, мы определим и Абсолютного Чемпиона, и Круглого Отличника нашей разминки. Ему-то и достанется сундук пиастров, орден Семи Пядей и Самый Главный Приз «Пионера».

Ну а теперь пора задавать вопросы. Итак, внимание!

ВОПРОС ПЕРВЫЙ, из области литературной.

Чингачгук — Большой Змей и Кожаный Чулок. Мы не сомневаемся, что имена этих знаменитых индейцев большинству из вас знакомы. А вот какое отношение они имеют к пионерам?

ВОПРОС ВТОРОЙ, из военной истории.

Гусары, драгуны, уланы... Кто не слышал о них? А известно ли вам, что в русской армии были и пионеры? Попробуйте узнать, кого так называли и к какому роду войск они относились?

ВОПРОС ТРЕТИЙ, географический.

«Восточная часть Пионера покрыта ледниковым куполом». О каком Пионере идет речь и где он находится?

ВОПРОС ЧЕТВЕРТЫЙ, свободный.

Где еще вы встречались со словом «пионер» (в названиях предметов, фирм, предприятий и т. д.)?

Ответы присылайте до 1 марта. На конверте пометьте: «Разминка». Желаем удачи!

Сообщаем итоги разминки «Буриме» («Пионер» № 8, 1990 год).

Наиболее интересные стихи нам прислали Костя Саратовский из поселка Новое Леушино Тейковского района Ивановской области, Таня Тимошенко из города Калининграда (областного), Лена Порфирьева из города Харькова. Стихи Кости читайте на 4-й странице обложки.

Рисунки И. КЛИМОВА.

В 1865 году в Англии вышла книга о приключениях девочки Алисы. И вот уже 125 лет эта сказка — одна из самых любимых детских книг во всем мире. «Пионер» предлагает своим читателям новую версию приключений Алисы в пересказе Леонида Яхнина.

Льюис Кэрролл

Приключения Алисы в Стране Чудес

Lewis Carroll
Alice in WonderLAND

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

По речке, солнцем залитой,
На легкой лодке мы скользим.
Мерцает полдень золотой
Дрожащим маревом сквозным.
И, отраженный глубиной,
Застыл холмов зеленый дым.

Речной покой, и тишь, и зной,
И ветерка дыханье,
И берег в тени вырезной
Полны очарованья.
А рядом спутницы со мной —
Три юные созданья.

Все трое просят поскорей
Рассказывать им сказку.
Одной — смешней, другой — страшней,
А третья скорчила гримаску
И просит сказку постранней.
Для сказки я ищу завязку.

И начинается рассказ,
Где ждут вас превращенья.
Не обойдется без прикрас
Рассказ мой, без сомненья.
Страна Чудес встречает нас,
Страна воображенья.

Живут там чудо-существа,
Картонные солдаты,
Сама собою голова
Летает там куда-то
И кувыркаются слова,
Как в цирке акробаты.

Но сказка близится к концу,
И солнце движется к закату,
И тень скользнула по лицу
Бесшумно и крылато,
И бликов солнечных пыльцу
Дробят речные перекаты.

Алиса, милая Алиса,
Запомни этот светлый день.
Как театральная кулиса,
С годами он уходит в тень,
Но он всегда нам будет близок,
Ведя нас в сказочную сень.

ГЛАВА 1.

НЫРОК В КРОЛИЧЬЮ НОРКУ

Алиса скучала, томилась, маялась, вздыхала, зевала, потягивалась, сидя на берегу реки безо всякого дела. А тут еще и сестра уткнулась в скучную книжку.

«Ну и скукота эти книжки без картинок!» — лениво думала Алиса.

Ее разморило от жары. Мысли путались. Мозги плавились. Веки слипались. Сплести, что ли, венок? Но для этого надо подняться. Пойти. Нарвать. Одуванчиков.

Вдруг!.. У нее перед глазами! Или в глазах? Промелькнул белый кролик. С розовыми глазками.

Ну и пусть... Сонная Алиса ничуть не удивилась. Она не шевельнулась даже тогда, когда услышала голос кролика:

— Ай-я-яй! Припоздал!

Потом-то Алиса удивлялась, как это она не удивилась, но ведь удивительный день еще только начинался, и нет ничего удивительного, что Алиса еще не начала удивляться.

Но тут Кролик — это же надо! — вынул из жилетного карманчика карманные часы. Алиса насторожилась. А когда Кролик, взглянув на жилетные карманные часы, припустил через всю поляну, Алиса сорвалась с места и махнула за ним.

Кролик юркнул в круглую кроличью нору под кустами. Алиса, не задумываясь, нырнула следом.

Поначалу кроличья нора шла прямо, как тоннель. И вдруг круто оборвалась! Алиса ухнула вниз, в колодец. Да еще вниз головой!

То ли колодец был бесконечно глубоким. То ли Алиса падала слишком медленно. Но она наконец начала удивляться, и самое удивительное, что она успевала не только удивиться, но еще и оглядеться. Первым делом она поглядела вниз, пытаясь разглядеть, что там ее ждет, но слишком уж было темно, чтобы разглядеть что-нибудь. Тогда Алиса стала глазеть по сторонам, вернее по стенкам колодца. И заметила, что все они увешаны посудными и книжными полками, картами и картинками.

С одной полки Алиса ухитрилась на лету ухватить большую банку. Называлась банка «АПЕЛЬСИНОВОЕ ВАРЕНЬЕ». Но варенья-то в ней и не было. С досады Алиса чуть было не швырнула банку вниз. Но вовремя спохватилась: так и прихлопнуть можно кого-нибудь там, внизу. И она исхитрилась, пролетая мимо очередной полки, ткнуть на нее пустую банку.

— Вот наловчилась так наловчилась! — обрадовалась Алиса.— Приведись мне теперь скатиться с лестницы или еще того лучше — грохнуться с крыши, уж я не задержусь!

По правде говоря, мудрено задержаться, когда уже падаешь. Так она падала,

и падала,

и падала...

И долго так будет продолжаться?

— Хотела бы я знать, докуда долетела? В какой я точке? Неужто в самом центре Земли? Сколько до него? Каких-нибудь сколько-то тысяч километров. По-моему, в самую точку. Теперь только определить эту точку, на какой она широте и долготе.

По правде сказать, Алиса понятия не имела, что такое ШИРОТА, а тем более ДОЛГОТА. Но то, что кроличья нора достаточно широкая, а путь у нее долгий, она поняла.

И она полетела дальше. Сначала без всяких мыслей, а потом подумала: «Вот будет штука, если я пролечу всю Землю насквозь! Забавно будет встретиться с людьми, которые живут под нами. Они, наверное, так и называются АНТИ-ПОДНАМИ».

Впрочем, в этом Алиса не совсем была уверена и потому вслух такого странного слова не произнесла, а продолжала думать про себя: «А как же называется тогда страна, где они живут? Придется спросить? Простите, уважаемая антиподнам... нет... антимадам, куда я попала? В Австралию или Новую Зеландию?»

И Алиса попыталась вежливо раскланяться, приседая. Попробуйте присесть на лету, и вы поймете, что у нее не получилось.

«Нет, пожалуй, спрашивать не стоит,— продолжала думать Алиса.— Еще, чего доброго, обидятся. Лучше я сама догадаюсь. По вывескам».

И она продолжала

падать,

и падать,

и падать...

И ей ничего не оставалось делать, как думать,
и думать,
и думать.

«Дина, кошечка моя, представляю, как ты по мне соскучишься к вечеру. Кто тебе нальет молочка в блюдечко? Моя единственная Дина! Как мне тебя здесь не хватает. Мы бы летели вместе. А как бы она ловила на лету мышей? Хотя здесь наверняка водятся летучие мыши. Летящая кошка вполне могла бы ловить и летучих мышей. Какая ей разница? Или кошки смотрят на это по-другому?»

Алиса так долго летела, что ее уже укачало и начало клонить ко сну. И уже в полудреме она бормотала:

— Мыши ле-тучие. Мыши ли, тучи ли...

И сама себя спрашивала:

— Летят ли тучи кошек? Едят ли кошки тучек? Какая разница, что спрашивать, если спрашивать некого?

Она летела и засыпала,
засыпала,
засыпала...

И уже видела сон, будто идет она с кошкой под мышкой. Или с мышкой под кошкой? И разговаривает: «Скажи-ка мне, Дина, ты едала когда-нибудь мышучих летей?..»

Как вдруг — тр-рах! Та-ра-рах! — Алиса зарылась с головой в сухие листья и хворост. Прилетела! Но она ни чуточки не ушиблась. В мгновение ока вскочила и стала вглядываться в непроглядную тьму. Прямо перед ней начинался длинный тоннель. И там, вдали, мелькал Белый Кролик!

В ту же секунду Алиса сорвалась с места и понеслась, словно ветер, следом. Кролик пропал за поворотом, и уже оттуда до нее донеслось:

— Ой, опаздываю! Голову мне оторвут! Эх, пропадай моя головушка!

Алиса прибавила ходу, но за поворотом Кролика уже не было. И тут Алиса наконец-то огляделась: она оказалась в длинном низком зале. С потолка рядами свисали лампы.

Повсюду, куда ни глянь, были двери. Но когда Алиса подергала одну, другую, третью, оказалось, что все они заперты. Она растерянно стояла посреди зала, не понимая, как же ей выбраться из этой ловушки?

И вдруг откуда ни возьмись — столик! Маленький стеклянный столик на трех ножках, а на нем крошечный золотой ключик. Алиса схватила его и тут же попробовала отомкнуть одну из дверей. Но то ли замок был велик, то ли ключик мал, но дверь не поддалась.

Алиса пошла от двери к двери, вставляя крохотный ключик в громадные замочные скважины. Все без толку. И тут она заметила какую-то шторку. Алиса отогнула ее и обнаружила махонькую, ниже колена дверцу. Она приладила к ней золотой ключик, и — ура! — дверца распахнулась.

А за ней Алиса увидала узкий ход, в который разве мышка протиснется. Ход этот открывался в чудесный сад. Алиса присела на корточки и с тоской рассматривала сад. Как же ей вдруг захотелось выбраться из низкого, мрачного зала и очутиться в том необыкновенном саду среди цветов и фонтанов!

«Но если бы даже моя голова прошла, то я-то уж наверняка не пройду! — сокрушенно думала Алиса.— А что там делать голове без меня? Вот как нескладно все получается. Жалко, что я не умею складываться. Знать бы, как это делается, я, не задумываясь, превратилась бы хоть в подзорную трубу».

С Алисой уже приключилось столько странностей, что она не удивилась бы и этой.

Но что толку без толку сидеть перед дверцей, в которую не пролезешь? И Алиса побрела к стеклянному столику. Вдруг на нем еще что-нибудь найдется? Ключик от другой двери или учебник по складыванию. Но обнаружила она флакончик.

«Ручаюсь, его раньше тут не было!» — подумала Алиса.

К флакончику был приклеен аптечный ярлычок, а на нем два слова крупными буквами: «ВЫПЕЙ МЕНЯ!»

Выпить-то не штука, а что потом?

«Нет уж,— подумала Алиса,— сначала посмотрим, не написано ли где-нибудь тут слово «ЯД»?»

Недаром она наслышалась разных захватывающих историй про то, как нельзя делать того, чего нельзя. Стоило детям забыть это важное правило, как они тут же попадали в лапы диким зверям или, того хуже, поджаривались в жутком пламени пожара. А если они не слушали старших и играли с раскаленной кочергой или острым ножом, то непременно обжигались или истекали кровью. Но самое ужасное приключалось с теми, кто пытался отхлебнуть из флакончика с надписью «ЯД». Такое еще никого и ни к чему хорошему не приводило. Это Алиса знала наверняка.

К счастью, на этом флакончике страшной надписи не было. И Алиса — будь что будет! — лизнула. Ей показалось, что она отведала разом всякой всячины — вишневого пирога, ананаса, жареной индейки, сливочных помадок и поджаренных в масле хлебцев. Тут уж она не удержалась и выпила все!

— Что за чудеса! — воскликнула Алиса.— Я складываюсь, будто превратилась в складную подзорную трубу!

И верно, Алиса стала сама себе по колено. Как раз такой, чтобы легко пройти в дверцу. А там — в прекрасный сад. Но сначала она подождала — а вдруг уменьшение не кончилось? Это было бы совсем некстати.

— Если я еще буду уменьшаться, то недолго стать величиной со свечку,— испугалась Алиса,— а потом и вовсе истаять. Интересно бы поглядеть на то, что от меня останется, когда меня не останется.

И она попыталась представить себе пламя свечки, которой уже нет. Но такого ей пока еще ни разу видеть не приходилось.

На всякий случай Алиса подождала немного, но ничего больше (или меньше?) с ней не произошло. Она уже было собиралась пойти в желанный сад, как вдруг — ах, растяпа! — обнаружила, что золотой ключик позабыла на столе. Пришлось вернуться. Но тут оказалось, что Алисе теперь до верха стола никак не дотянуться. А ключик, вот он, поблескивает сквозь стекло над самой головой. Сгоряча Алиса попыталась добраться до ключа по стеклянной ножке стола. Но она была такая стеклянная и такая скользкая, что все попытки Алисы кончились ничем. С отчаяния несчастная крохотная, маленькая девочка села на пол и заплакала. Она плакала и при этом строго говорила себе:

— Довольно! Слезами горю не поможешь. Советую прекратить сию же минуту! Кому я сказала?

Сама себе Алиса давала иногда неплохие советы. Жаль, что не всегда к ним прислушивалась. Однажды непослушанием самой себе она сама себя довела до слез. А в другой раз, когда сама себя

поймала на жульничестве в игре, она сама себя даже попыталась выдрать за уши.

Эта странная девочка просто обожала сама себя раздваивать, становиться двумя девочками одновременно.

«Но только не сейчас,— подумала Алиса,— меня, такой маленькой, и для одной нормальной девочки маловато».

Вдруг она увидела тут же под столом какую-то стеклянную шкатулку. В шкатулке оказался крохотный пирожок, на котором черными и красными ягодками было выложено: «СЪЕШЬ МЕНЯ».

— Была не была! Съем! — решилась Алиса.— Увеличусь — достану ключик. Уменьшусь — проползу в щелку под дверцей. А в сад все равно попаду.

Она откусила от пирожка самую малость и поскорей приставила ладони к макушке, чтобы сразу почувствовать: увеличилась? уменьшилась?

Вот странность! Она не изменилась! В обычной жизни Алиса, съев пирожок, и не ждала никаких превращений. Но здесь, среди необычностей, все обычное Алисе казалось таким глупым и таким скучным. Ничего теперь не ожидая от пирожка, она равнодушно доела его.

ГЛАВА 2.

НАПЛАКАННОЕ МОРЕ

— Ой, заначиналось! Опять заначиналось! — воскликнула Алиса.

От неожиданности она даже забыла все правильные слова.

— Я раздвигаюсь, будто и вправду превратилась в подзорную трубу! А где мои ноги?

Она увидела, как стремительно удалялась от собственных ступней. Вот-вот они скроются из виду.

— Прощайте! — крикнула она им.— Бедные мои ножки. Я до вас теперь не достану. Кто же вас будет одевать и обувать? Мне-то уж не удастся. Ничего, ничего, сами помучаетесь.

И тут Алиса прикусила язычок:

— Ножки-то все-таки мои, не стоит их сердить. А то не туда заведут.

И она ласково прокричала:

— Эй, ножки! Я вам на Новый год туфельки подарю!

Алисе так понравилась эта идея, что она стала фантазировать:

— Приходит почтальон и приносит моим собственным ногам от меня посылку. Ну чудеса! А на посылке адрес:

«Где-то в районе Пола,
в области Коврика,
два шага влево.
Сестрице Правой ноге лично
с низким поклоном
от Алисы».

Ерунда какая-то!

И как раз в это мгновение ее голова врезалась в потолок. Ну и выросла! Чуть ли не три метра.

Алиса схватила со стола золотой ключик и нагнулась к дверце, ведущей в сад.

Несчастная! Все, что ей оставалось,— это лечь на пол и глянуть сквозь ладошечную дверцу одним глазком. И Алиса горько заплакала.

— Сама себя постыдилась -бы! — попыталась она себя урезонить.— Вон какая большая вымахала, а ревешь в три ручья!

Но слезам хоть бы что — они лились и лились. Вот уже наплакалась целая лужа. А ей все плакалось и плакалось. И лужа растекалась и растекалась по залу.

Неожиданно издали прилетел дробный топоток. Кто это? Алиса, чтобы лучше видеть, протерла заплаканные глаза. Оказалось, это снова Белый Кролик. Он расфрантился. В одной лапке он зажал лайковые перчатки, а в другой — громадный веер.

Кролик, вероятно, ужасно опаздывал, потому что на ходу приговаривал:

— Ах, если я не приду вовремя, то уж Герцогиня наверняка придет в ярость. Придется поторопиться.

Алиса находилась в таком отчаянном положении, что готова была звать на помощь кого угодно. Даже Кролика. И когда тот был уже недалеко, она громко окликнула его:

— Эй!

Кролик подпрыгнул, шарахнулся в сторону и умчался в темноту, роняя перчатки и веер. Алиса подобрала все это и тут же стала обмахиваться веером — щеки у нее пылали.

— Ну и денек выдался,— вздохнула она.— Вчера был день как день. А сегодня происходит такое!.. Я прямо сама не своя. А может быть, это вовсе не я? За ночь меня поменяли? На кого, хотела бы я знать?

И Алиса стала прикидывать, кто из подружек мог бы оказаться на ее месте.

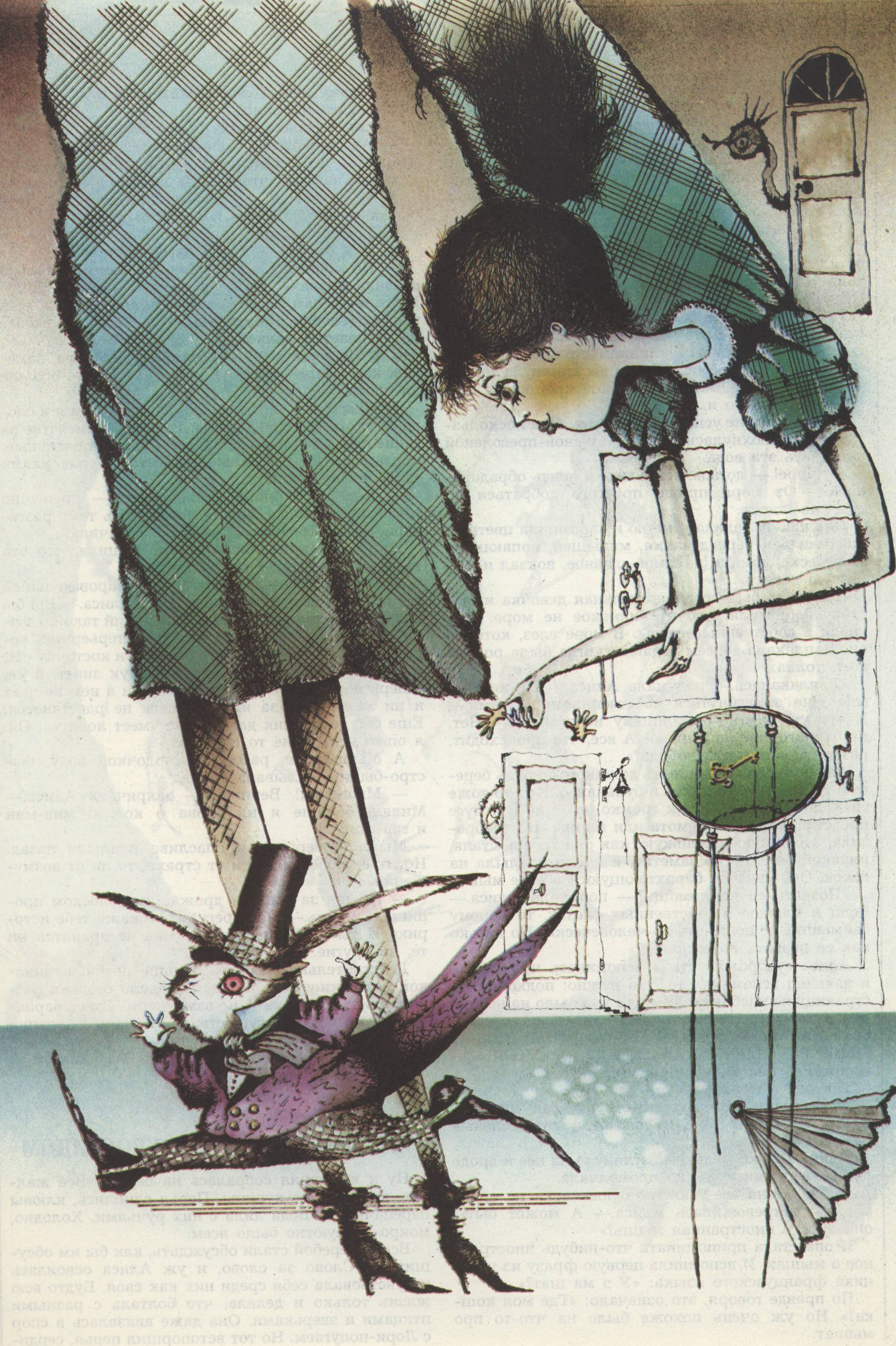
— Надеюсь, я не Ада. Она вся в кудряшках, а у меня волосы гладкие. И уж тем более я бы не хотела быть Мейбл. Я столько знаю всего обо всем, а она — ничего и ни о чем. Да о чем тут говорить! Она — это она, а я — это все-таки я... Ой, сама себя собой запутала! Смогу ли я выпутаться из этой путаницы? Проверим. Должна же я знать хотя бы то, что я знать должна. 4×5=12, 4×6=13, 4×7=... Так я не знаю, до чего дойду, но уж до двадцати дело не дойдет. Таблица умножения что-то не умножается. А как у меня с географией? Лондон — столица Парижа, а Париж чья столица? Рима! А Рим? Опять не туда заехала. Неужто я и впрямь превратилась в Мейбл? Проверю еще раз. Прочту какой-нибудь стишок.

В лесу родилась телочка,
Вовсю она росла.
Сама все лето знойное
Она себя пасла.

Денек осенний серенький
За летом прискакал,
И телочку под елочку
Он дождиком загнал.

Слова на что-то похожи, а стишок ни на что не похож! Неужто я действительно Мейбл? — прошептала Алиса, и слезы снова покатились из ее глаз.— А если так, то и жить придется теперь не у себя дома, а в их скучном, скверном домишке. И моих игрушек у меня больше не будет. А будут только уроки, уроки, уроки. Нет уж, если я теперь эта дурочка Мейбл, то ни к чему возвращаться домой. Лучше навеки остаться здесь. Пусть хоть умоляют вернуться. Прежде чем я выясню, кто я теперь, с места не сдвинусь. Вот если я та, кем я хочу быть, тогда пожалуйста, а если я не та, которая та, то... Ой, милые, не хочу я здесь больше быть! Возьмите меня отсюда! Я тут совсем одна! — И Алиса залилась слезами.

Она поднесла руку к глазам и вдруг заметила, что незаметно для себя натянула на руку крохот-

ную перчатку Кролика.

— Как это я ухитрилась? — удивилась Алиса.— Неужели я снова меньшею?

Она вскочила, подбежала к столику, чтобы примерить к нему свой рост. Ого! Она уже была величиной со столик и становилась все меньше и меньше. Да так быстро! Тут она сообразила, что виной всему веер, и отшвырнула его.

И вовремя!

— Еще чуть-чуть, и от меня бы ни чуточки не осталось! — обрадованно воскликнула Алиса: все-таки она здорово испугалась! — А теперь в сад! Скорей в сад!

И она бросилась к дверце. Но дверца-то была по-прежнему заперта! А золотой ключик лежал себе, полеживал на стеклянном столике.

— Этого еще не хватало! — воскликнула теперь уже огорченная Алиса.— И какой крошкой я стала. Еще немного и...

И... и Алиса не успела договорить. Она поскользнулась и плюхнулась в воду. Соленой-пресоленой оказалась эта вода.

— Море! — догадалась Алиса и опять обрадовалась.— От моря проще простого добраться до дому на поезде.

Она как-то ездила к морю и запомнила цветные кабинки для переодевания, малышей, копающихся в песке, домики и, самое главное, вокзал и железную дорогу.

Но Алиса была сообразительная девочка и быстро сообразила, что это никакое не море. Она упала в собственные слезы. В море слез, которое она наплакала совсем недавно, когда была ростом до потолка.

«Доплакалась,— подумала Алиса.— Не хватает мне еще захлебнуться собственными слезами.— И тут уж она по-настоящему испугалась:— Нет, нет, такого еще не бывало! А все, что происходит, разве бывало когда-нибудь?»

Алиса пыталась доплыть до какого-нибудь берега и тут услышала плеск и бульканье. Кто-то тоже свалился в воду. Да так громко, что она в испуге представила себе бегемота или моржа. Но сообразила, что такую маленькую, как она теперь стала, никакой бегемот не заметит, и смело поплыла на плеск. Она увидела барахтающуюся в воде мышь.

«Позвать ее на помощь? — подумала Алиса.— Если я плаваю в собственных слезах, то почему бы мышке не понимать по-человечески? Но только как ее позвать повежливее?»

Алиса судорожно стала вспоминать что-нибудь и наконец вспомнила то, что нужно: подходящую страницу из учебника. Там как раз было написано, как разговаривать с мышами. Алиса быстро перебрала в голове вопросы: КТО? КОГО? КОМУ? МЫШКА. МЫШКИ. МЫШКЕ... «О, МЫШЬ»,— вспомнила она подходящее обращение.

Так она и крикнула:

— О, мышь! Не подскажете ли, как мне выплыть на берег? Мне не по вкусу эти соленые слезы. О, мышь!

Мышь только мельком взглянула на нее и вроде бы даже подмигнула, но промолчала.

«Может, она все-таки по-человечески не понимает? — встревожилась Алиса.— А может быть, она просто иностранная мышь?»

И она стала припоминать что-нибудь иностранное о мышах. И вспомнила первую фразу из учебника французского языка: «У э ма шат?»

По правде говоря, это означало: «Где моя кошка?» Но уж очень похоже было на что-то про мышат.

И потому Алиса смело сказала вслух:

— Ou est ma chatte?

Мышь в страхе метнулась в сторону.

— Ах, простите! — спохватилась Алиса, догадавшись, что мыши не по душе разговор о кошках.— Я забыла, что вам не нравятся кошки!

— Не нравятся! — пропищала Мышь.— А тебе бы на моем месте они понравились?

— Боюсь, что нет,— растерялась Алиса.

— И я боюсь! — перебила ее Мышь.

— Но зачем же вы сердитесь? — примирительно сказала Алиса.— Знали бы вы мою кошечку Дину. Уж она-то вам непременно понравилась бы. Она такая ласковая, так славно мурлычет и так забавно умывается лапкой. А уж мышей ловит!.. Ой, что я? Не сердитесь! — воскликнула Алиса, заметив, как мышь оскалила зубки.— Давайте больше ни слова о кошках.

— Давайте? — возмутилась Мышь.— Да я и слова-то этого не произносила. В нашем семействе за такие слова знаете, что бывает? Гадкие, противные, мерзкие, отвратительные существа — вот каких слов они достойны!

— Хорошо, хорошо, успокойтесь,— поспешно согласилась Алиса, желая переменить тему разговора,— давайте поговорим о... о собачках!

Мышь промолчала. И Алиса решила, что эта тема как раз самая подходящая.

— У наших соседей есть такой очаровательный песик! — восторженно тараторила Алиса.— Вы бы только на него посмотрели. Маленький такой, глазки блестят, шерстка вьется, а сам терьерчик, коричневый, ученый, палку приносит, и косточку ест, и служит, и еще много всяких штук знает, я уж теперь не упомню. Его хозяин души в нем не чает и ни за что, ни за какие деньги не расстанется. Еще бы, терьерчик даже крыс умеет ловить... Ой, я опять что-то не то сказала!

А Мышь уже, рассекая мордочкой воду, быстро-быстро уплывала от нее.

— Мышечка! Вернись! — закричала Алиса.— Милая, больше я ни слова о ко... о мяв-мяв и гав-гав!

Мышь повернула и опасливо поплыла назад. Носик ее побелел то ли от страха, то ли от возмущения.

— Плыви за мной,— дрожащим голоском пропищала мышь.— На берегу я расскажу тебе историю. И ты поймешь, почему мне не нравятся ни те, ни другие.

Действительно, плавать больше не было никакой возможности — в воду попадало столько разных птиц, что и рукой не взмахнешь. Здесь барахтались странные существа: Уткогусь, Древний Дронт, Орланчик, Лори-попугай.

Все они цепочкой потянулись за Алисой к берегу.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ С БЕСТОЛКОТНЕЙ И С ХВОСТИКОМ

Ну и компания собралась на берегу! Все жалкие, как мокрые курицы. Перья слиплись, клювы перепачканы. Вода лила с них ручьями. Холодно, мокро и неуютно было всем.

Все наперебой стали обсуждать, как бы им обсушиться. Слово за слово, и уж Алиса освоилась и чувствовала себя среди них как своя. Будто всю жизнь только и делала, что болтала с разными птицами и зверьками. Она даже ввязалась в спор с Лори-попугаем. Но тот встопорщил перья, серди-

то распушил хохолок и заладил:

— Я старше, значит, умнее! Я умнее, значит, старше!

Алиса попыталась выяснить, сколько же ему лет, но Лори повторял свое:

— Я старше! Я старше! Я старше!

И ничего больше из него вытянуть было нельзя. Тут Мышь, как видно, самая уважаемая среди них, пискнула:

— Все слушайте меня! Я вас мигом высушу!

Все тут же успокоились и расселись вокруг Мыши. Алиса смотрела на Мышь просто с нетерпением, потому что еще немного — и простуда обеспечена.

— Кху! — солидно прокашлялась Мышь.— Готовы? Сейчас вы у меня не только высохнете, но и засохнете.— Она раскрыла какую-то книгу и начала читать:— «Вильгельм Замалеватель с разрешения Папы замалевал Англию, которая желала крепких вожжей после непрерывных разборов и замалеваний. Эдвин граф Мерси и Моркар граф На Тумбе и...»

Лори-попугая так и передернуло.

— Ффу! — фыркнул он.

Мышь строго посмотрела на него и сухо спросила:

— Вы что-то хотели сказать?

— Нет, нет,— смешался Лори-попугай.

— Выходит, мне послышалось? — пискнула Мышь.— Итак, продолжаем: «...граф На Тумбе и... и даже Стиганд, архиепископ Кентер-бер... бер... Неразберийский поддержали Вильгельма Замалевателя, находя это весьма».

— Весь... что? — переспросил Уткогусь.

— Находя весь Ма. Целиком. Неужели непонятно, что они находят весь? Весь Ма,— недовольно пояснила Мышь.

— Если он весь, то почему его так Ма? Когда мне попадается червяк, то он весь. А если он только чер, то он не весь, его просто ма, то есть мало,— недоуменно пробормотал Уткогусь.

Мышь пропустила мимо ушей его слова и продолжала:

— «Находя весь Ма подходящим. И они отправились вместе с Этим Лингом Эдгаром к Вильгельму Замалевателю, чтобы предложить ему корову. Вильгельм Замалеватель вначале вел себя сносно и нормально. Но несносные его нормальны...» Ну как, малышка,— перебила сама себя Мышь,— суше?

— Суше некуда, но это меня не берет,— ответила дрожащая Алиса.

— Ввиду всего вышесказанного,— вмешался Древний Дронт,— вношу на рассмотрение всего собрания предложение о дальнейших мерах...

— Что за бели-бер-бер-да? — возмутился Орланчик.— Я и половины не понял. Бьюсь об заклад, что и все остальные тоже.

И Орланчик ехидно ухмыльнулся. А все остальные захихикали.

— Я хотел предложить не Белиберду, а Бестолкотню,— сказал обиженный Древний Дронт.— Это лучший способ просохнуть.

— А что это такое? — спросила Алиса.

Ей было сейчас не до вопросов, но уж очень расстроился Древний Дронт, что никто не удивляется и не спрашивает его.

— Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! — оживился Древний Дронт.— Сейчас все проделаем!

Если вам вдруг захочется как-нибудь зимой поиграть в Бестолкотню, то приглядитесь повнимательней к тому, что делал Древний Дронт. Сначала он начертил круг. Не совсем, правда, правильный.

— Чем неправильнее, тем правильнее,— пояснил он.

Потом расставил всех аккуратно как попало, где придется по неправильному кругу. И тут все без команды как по команде вдруг стали толкаться, бестолково бегать туда-сюда, устроили такую бестолковую толкотню, что получилась полная неразбериха, а вернее Бестолкотня.

Все так разгорячились, что через каких-то полчаса высохли до нитки.

И Древний Дронт тогда крикнул:

— Конец Бестолкотне!

Запыхавшиеся, они окружили Древнего Дронта и наперебой стали кричать:

— Кто победитель? Кто побегитель?

На такой вопрос так сразу и не ответишь. Даже Древний Дронт задумался. Он упер кончик пера в лоб, будто знаменитый писатель Шекспир, и постоял так в неподвижности немного. Все тоже застыли в ожидании. Потом Древний Дронт провозгласил:

— Победители все! И каждому полагается награда!

— А кто будет награждать? — вскричали все победители разом.

Древний Дронт отнял кончик пера ото лба и показал им на Алису:

— Она. Кому же еще?

И все приступили к ней, выкрикивая:

— Давай! Награждай!

Алиса растерялась. Она пошарила по карманам и обнаружила неожиданно коробочку леденцов. К счастью, в слезах они, вероятно, не размокают. Леденцов хватило всем-всем тютелька в тютельку. Кроме самой Алисы.

— Но ей тоже полагается! — заметила справедливая Мышь.

— Само собой,— уверенно сказал Древний Дронт и обратился к Алисе: — Пошарь-ка в кармане. Что еще там найдется?

— Ничего,— грустно сказала Алиса.— Вот разве наперсток.

— То, что нужно! — воскликнул Древний Дронт.— Давай его сюда.

Все окружили Алису, а Древний Дронт торжественно провозгласил, вручая Алисе ее собственный наперсток:

— Мы все просим вас принять от нас эту скромную, но заслуженную награду — этот скромный, но заслуженный наперсток.

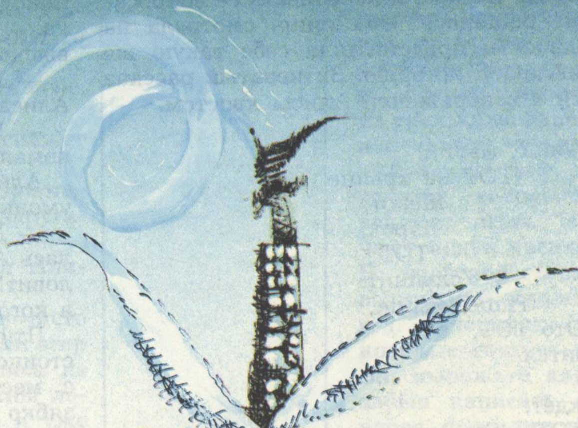
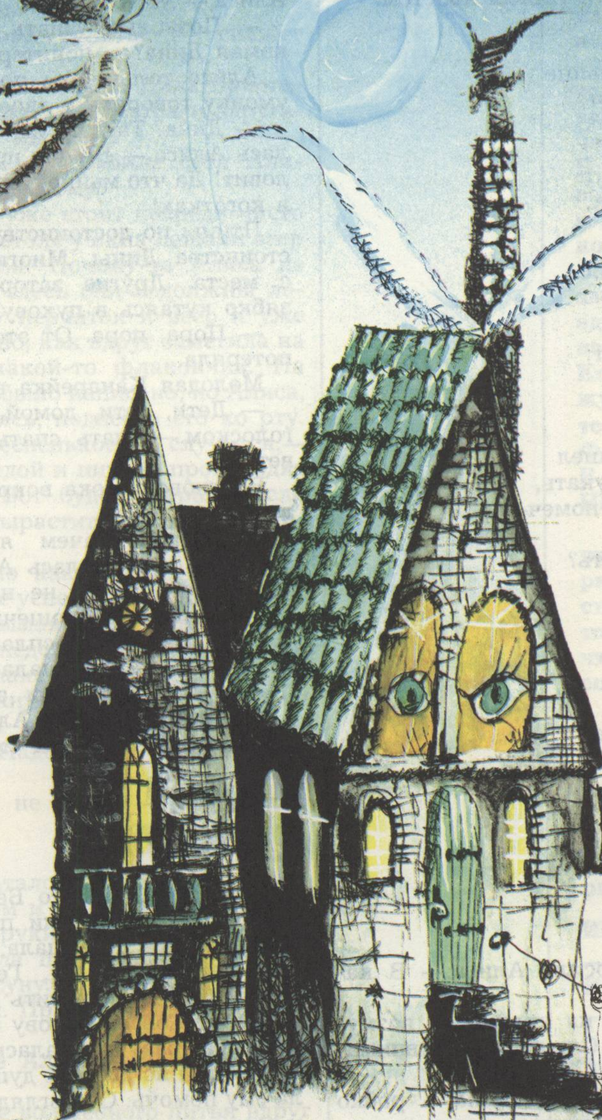
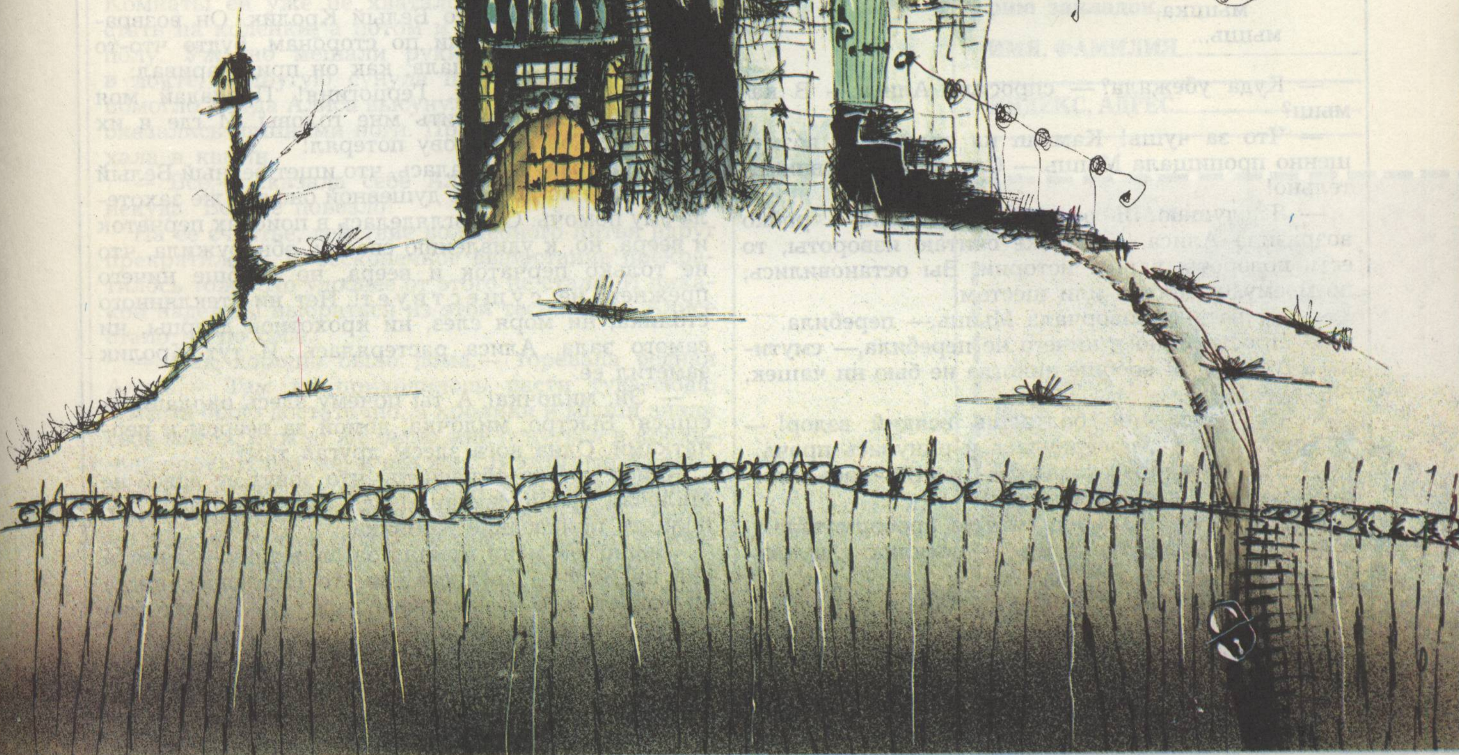
Древний Дронт с достоинством помолчал, а все, кто мог, захлопали крыльями.

Все это было так забавно, что Алиса чуть не прыснула со смеху, но сдержалась, чтобы не обижать остальных: они были так серьезны и торжественны. И она также серьезно и торжественно поклонилась и приняла наперсток от Древнего Дронта без улыбки.

Наконец дело дошло до леденцов. Все стали поспешно их глотать. Но большие птицы даже не успели распробовать, а маленькие тут же поперхнулись. Пришлось похлопать их по спинкам.

В конце концов все благополучно полакомились и окружили Мышь, требуя какого-нибудь развлекательного рассказа.

— Вы же обещали рассказать, почему вам не нравятся Мяв и Гав,— напомнила Алиса. Последние два слова она произнесла осторожно, чтобы ненароком снова не обидеть Мышь.

Б. Кролик

— Это история длинная и простая. Как хвост,— сказала Мышь.

«История, как хвост?» — удивилась про себя Алиса.

Но Мышь уже начала, и перебивать ее вопросами Алиса не решилась. Она лишь смотрела на мышиный хвост и представляла себе такую же длинную, как хвост, историю. Витиеватый рассказ Мыши вился в воображении Алисы хвостом.

Тише, мыши,
ТОТ на крыше.
Шепот,
Шорох,
ТОТ
Услышит.
Тише, мыши,
Это ТОТ,
кто таится
тут
и ждет.
ТОТ мурлычет,
лапу лижет:
— Я не тот,
не бойтесь, мыши.
Я на крышу
шишел-вышел
помяукать,
помеч-
тать
Тать?
Воришка!
Как не знать?
Не найти
на свете
мышки,
чтобы
верила
воришке!
И, махнув
хвостом:
— Шалишь!
Убежала
мышка,
мышь...

— Куда убежала? — спросила Алиса.— В камыш?

— Что за чушь! Камыш на крыше! — возмущенно пропищала Мышь.— Слушать надо внимательно!

— Я слушаю. Я очень внимательна,— робко возразила Алиса.— Я даже считаю извороты, то есть повороты вашей истории. Вы остановились, по-моему, на пятом или шестом.

— Ну вот,— проворчала Мышь,— перебила.

— Простите, но я ничего не перебила,— смутилась Алиса.— Я вообще никогда не бью ни чашек, ни тарелок...

— Ты назло мне болтаешь всякий вздор! — пискнула Мышь, повернулась и ринулась прочь.

— Что я такого сказала? — растерялась Алиса.— Какая же вы обидчивая!

Мышь, не оглядываясь, что-то пробормотала.

— Пожалуйста, вернитесь! — воскликнула Алиса.

И все остальные тоже закричали:

— Умоляем, вернитесь!

Но Мышь только хвостиком махнула и даже не оглянулась.

— Жаль, жаль, что она не осталась,— сокрушался Лори-попугай.

А старая Рачиха проскрипела:

— Видишь, дочь моя, никогда не надо лезть вперед!

— Ах, матушка, помолчали бы! Уж вы-то никогда вперед не полезете! — огрызнулась дочка.— От ваших поучений и Устрица из скорлупы выскочит.

— Жаль, Дины нет,— рассуждала сама с собой Алиса,— уж от нее-то Мышь не ушла бы!

— Позвольте узнать, а кто такая эта ваша знакомая Дина? — поинтересовался Лори-попугай.

Алисе только бы повод, а уж она готова без умолку говорить о своей любимице.

— Дина? Так это же моя кошечка! — заторопилась Алиса.— Вы бы посмотрели, как она мышей ловит! Да что мышей, даже птиц. Прыг — и птичка в коготках!

Птицы по достоинству оценили неоценимые достоинства Дины. Многие из них мигом снялись с места. Другие заторопились. Старая Сорока, зябко кутаясь в пуховую шаль, прострекотала:

— Пора, пора. От этой сырости я уже и голос потеряла.

Молодая Канарейка всполошилась.

— Дети, дети, домой,— запела она дрожащим голоском.— Спать, спать, в гнездышко, повыше на ветку.

В мгновение ока вокруг Алисы никого не осталось.

— Глупая. Зачем я им рассказывала про Дину? — сокрушалась Алиса.— Это же ясно, что она никому здесь не нравится, моя милая, моя лучшая на свете кошечка!

И Алиса снова расплакалась, так ей стало обидно. Вдруг она услышала дробный мелкий топоток.

«Уж не Мышь ли это решила вернуться? — с надеждой подумала Алиса.— И я все-таки услышу, чем кончилась ее история?»

ГЛАВА 4.
БИТЫЙ БИЛЛ

Оказалось, что это Белый Кролик. Он возвращался, шаря глазами по сторонам, будто что-то искал. Алиса услышала, как он приговаривал:

— Герцогиня! Ох, Герцогиня! Пропадай моя головушка! Не сносить мне головы. И где я их потерял? Совсем голову потерял!

Алиса сразу догадалась, что ищет бедный Белый Кролик. И по доброте душевной она тут же захотела ему помочь. Она огляделась в поисках перчаток и веера, но, к удивлению своему, обнаружила, что не только перчаток и веера, но вообще ничего прежнего не существует! Нет ни стеклянного столика, ни моря слез, ни крохотной дверцы, ни самого зала. Алиса растерялась. И тут Кролик заметил ее.

— Эй, милочка! А ты почему здесь околачиваешься? Быстро, милочка, домой за веером и перчатками. Одна нога здесь, другая там!

Алиса хотела объяснить, что зовут ее вовсе не Милочка, но неожиданно для себя бросилась исполнять приказание Кролика.

«Верно, он меня принял за служанку,— думала она на бегу.— Представляю его смущение, когда он узнает, кто я на самом деле. Но где же мне искать эти перчатки и веер?»

Не успела она закончить свою мысль, как перед ней возник игрушечный домик с табличкой на двери:

Б. КРОЛИК

Не постучавшись и бесшумно отворив дверь, чтобы не столкнуться с настоящей Милочкой или как бы ее там ни называли, Алиса взбежала по лестнице наверх.

— А ведь я в услужении у Кролика! — сообразила Алиса.— Если дело так пойдет дальше, то и Дина скоро станет мной помыкать.

И тут же, на бегу, она стала представлять себе, как это будет происходить:

«Алиса! Одевайся, пора гулять!» — скажет няня.

«Ой, нянечка, мне никак нельзя. Дина приставила меня к норке. Она скоро вернется и заругается, если я не устерожу мышку!»

— А кончится все тем,— перебила себя Алиса,— что Дину выставят из дому.

Тут оказалось, что она уже стоит посреди чисто прибранной комнаты. На столе у окна лежали веер и несколько пар перчаток. Почему-то Алиса не сомневалась, что именно здесь они и должны лежать. Она схватила пару перчаток и веер и уже собиралась нестись обратно, как вдруг заметила на полочке под зеркалом какой-то флакончик. На этот раз на нем ничего не было написано, но Алиса, ни секунды не задумываясь, поднесла его ко рту.

«Уж что-нибудь интересненькое да случится,— подумала она.— Здесь с едой и питьем происходят всякие забавные вещи. Вот будет здорово, если этот флакончик меня вырастит. Побыла крошкой — и хватит!

И тут ее действительно как хватит чем-то по голове! Потолок! Алиса не успела и половины флакончика осушить, а уж вымахала до потолка. При такой скорости и шею недолго свернуть. И она в испуге отшвырнула флакончик.

— Достаточно! — крикнула Алиса.— Мне уже достаточно! Я и так уже в дверь не протиснусь. Зачем я все выпила? Надо было мне остановиться.

Но остановиться она не могла — все росла,
и росла,
и росла...
Комнаты ей уже не хватало. Пришлось сначала стать на коленки, а потом и вовсе скрючиться на полу. Ужасно мешали руки. Одну она согнула в локте, а другую сунула под голову. И это не помогло. Тогда Алиса высунула руку в окно. Но тут оказались лишними ноги. Правая сама собой въехала в камин.

— Все,— сказала себе Алиса.— Дальше ехать некуда. Вот не повезло!

На ее счастье, действие волшебного питья вдруг прекратилось. И бесконечное вырастание прекратилось тоже. Но удобнее от этого не стало. И никакой надежды выбраться из этой теснотищи. Алисе стало не по себе.

— Как хорошо было дома,— горевала бедная Алиса.— Там не приходилось расти туда-сюда, и места было достаточно, а кролики и мыши знали свое место. Нужно же было мне сунуться в кроличью нору! И все же, и все же... В этом что-то есть. Я думала, что такое случается только в сказках. И вот, пожалуйста, такое случилось со мной! Можно считать, что я угодила в самую середину сказки. Хоть книжку обо мне пиши. Да я и сама ее напишу, когда вырасту... Ой, а ведь я уже в ы р о с л а!

Она оглядела комнату и добавила печально:

— И дальше расти некуда!

«Но если я уже выросла и все равно остаюсь маленькой девочкой, то я никогда, выходит, не состарюсь,— продолжала думать Алиса.— И при-

КАЛЕНДАРЬ-ЗАКЛАДКА

ДРУЗЬЯ!

Вам понравилась игра в календарь-закладку? Если да, то давайте продолжим игру. Как и в прошлом году, мы будем печатать календари сериями, и каждая серия составится из трех календарей. За год мы напечатаем четыре серии.

А теперь тем, кто выписал журнал впервые, объясняем условия игры. Надо угадать, чему будут посвящены серии. На обратной стороне карточки возможные варианты серий на год. Зачеркните те клеточки, которые сочтете выигрышными, вырежьте карточку и, не забыв написать свой индекс, адрес, фамилию и имя, в конверте отправьте в «Пионер». Кстати, наш адрес в конце журнала. На конверте пометьте: «Закладка». ИМЕНА И ФАМИЛИИ ПОБЕДИВШИХ В ИГРЕ БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ В ЖУРНАЛЕ.

Чтобы начать игру, мы предлагаем вам первую серию — «Рыцарь». Соответствующую клеточку на карточке мы уже зачеркнули, так что вам остается зачеркнуть еще три клеточки.

Имейте в виду, мы ждем от вас заполненные карточки не позднее 1 марта, потому что со 2 марта начнется розыгрыш номеров, а в «Пионере» № 4 мы назовем выигрышные номера и начнем печатать новую серию закладок.

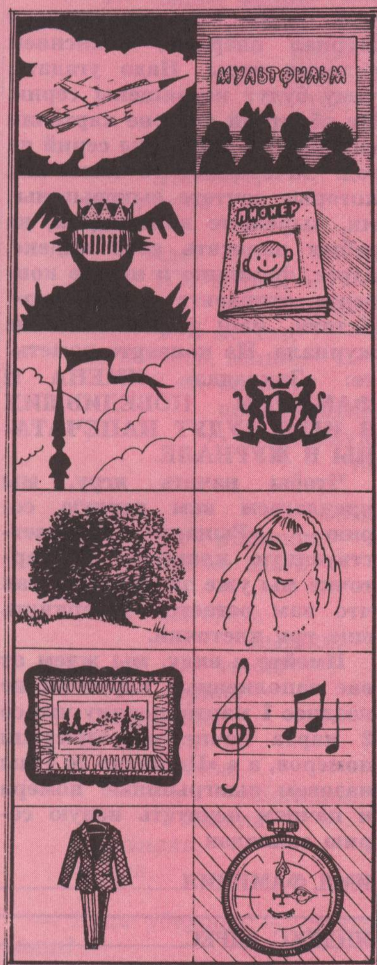
ИМЯ, ФАМИЛИЯ ____________________

ИНДЕКС, АДРЕС ____________________

1. ВЫСОТА. 2. ЭКРАН. 3. РЫЦАРЬ. 4. ЖУРНАЛ. 5. ШПИЛЬ. 6. ГЕРБ. 7. КРОНА. 8. КРАСОТА. 9. МУЗЕЙ. 10. МУЗЫКА. 11. КОСТЮМ. 12. ВРЕМЯ.

УГАДАЙ 3 НОМЕРА ИЗ 11!

Посмотрите, какой сложный «костюм». А тяжелый какой! Если рыцарь во время турнира падал с лошади наземь, он не то что на лошадь залезть обратно, но и просто встать на ноги без посторонней помощи не мог. Облачал рыцаря в доспехи и снимал их специальный человек.

А теперь прикиньте, смог бы современный человек носить на себе такую тяжесть или нет?

ЯНВАРЬ

ПН		7	14	21	28
ВТ	1	8	15	22	29
СР	2	9	16	23	30
ЧТ	3	10	17	24	31
ПТ	4	11	18	25	
СБ	5	12	19	26	
ВС	6	13	20	27	

дется мне всю жизнь учить уроки. Нет, это мне не подходит!»

— Ну и глупа же ты, моя милая! — отругала она сама себя.— Тебе и самой-то здесь некуда деться, а где же ты разложишь учебники?

Так она довольно складно рассуждала сама с собой и, само собой, была сама собой вполне довольна, как вдруг снаружи послышался чей-то голос. Алиса притихла.

— Эй, милочка! — кричал кто-то.— Долго мне дожидаться перчаток?

И тут же на лестнице послышался дробный топоток. Алиса сообразила, что это Кролик. И он ищет именно ее. Она так задрожала, что домик зашатался. С испугу она и не вспомнила, что во много раз переросла Кролика и не ей бы его бояться, а наоборот.

Первым делом Кролик толкнулся в дверь. Но не тут-то было: дверь открывалась внутрь, а внутри была Алиса, которая упиралась в дверь локтем. Кролик озадаченно хмыкнул:

— Придется лезть в окно.

— Попробуй,— усмехнулась Алиса.

Она прикинула, когда Кролик окажется под окном, стремительно высунула руку и попыталась сцапать его. Она промахнулась, но услышала писк и звон разбитого стекла. Похоже, что Кролик шмякнулся в какой-нибудь парник с огурцами.

И тут же раздался пронзительный визг:

— Пат! Па-ат! Да где же ты в конце концов?

А какой-то другой, незнакомый голос ответил спокойно:

— Тута я! Вот с яблочками копаюсь, хозяин!

— Чего же ты копаешься, когда меня скорей вытаскивать надо! — разозлился Кролик.

Снова зазвенело стекло.

Глянь-ка, Пат, что это из окна торчит?

Я так полагаю, хозяин, что ладошка. С пальчиками.

Последнее слово он произнес так невнятно, что получилось — «с палочками».

— Какие палочки, дурень, оно с бревно величиной! Все окно разворотило!

— Спорить не стану, хозяин, а только оно с пальчиками.

— Хватит пререкаться. Пойди и выволоки ЭТО оттуда прочь!

В ответ молчание и возня. Потом до Алисы донесся шепот:

— Не нравится мне все это, хозяин, вот что я скажу.

— Жалкий трус! Делай, что велят!

Алиса пошарила рукой в воздухе. Тут уж взвизгнули оба, а стекла так и посыпались.

«Ого! Сколько же там у них парников? — подумала Алиса.— Хотела бы я знать, что у них на уме. «Выволоки ее прочь!» Я бы и сама не прочь отсюда выбраться. Помогли бы».

Она подождала немного, но все было тихо. Потом заскрипели, завизжали колеса то ли тачки, то ли тележки. И сразу же заверещало, запищало, затрещало множество голосов.

— Тащи другую лестницу!

— Мне велено эту нести. А другую Билл волочит.

— Волоки ее сюда, парень!

— Да не сюда! К этому углу!

— Коротка. Связать обе надо, не то до окна не дотянется.

— Хорошо и так будет.

— Эй, Билл, хватай веревку!

— Крыша-то выдержит?

— Гляди! Черепица сейчас отломится!
— Так и есть — падает!
— Побереги-ись!
Хрясь! — что-то грохнулось.
— Эй, кто там швыряется?
— Небось Билл!
— А кто в трубу полезет?
— Только не я! Сам лезь, если нравится.
— Ага! Разбежался!
— Билл полезет!
— Слышал, Билл, что хозяин сказал? Полезай!

«Ох, этот Билл,— подумала Алиса.— Ну и достанется ему, бедняжке. Не хотела бы я быть на его месте. Ему не позавидуешь. У меня тоже положение незавидное, но я-то хоть лягнуть его могу».

Она протолкнула, насколько сумела, ногу внутрь камина и замерла, покуда не услышала, как кто-то маленький карабкается и корябается в каминной трубе. Но какой он из себя, этот кто-то,— догадаться было трудно.

«Вот и Билл!» — подумала Алиса, шваркнула изо всех сил ногой в камине и стала ждать, что из этого выйдет.

Такая вышла суматоха! Раздались крики:
— Гляньте! Билл летит!
И вслед за этим голос Кролика:
— Эй, там, у забора! Ловите его!
Потом тишина, и новый взрыв голосов:
— Приподними ему голову.
— Дайте ему глоток.
— Осторожней, он захлебнется.
— Как себя чувствуешь, дружище?
— С чего это ты так взвился?
— Что случилось-то?

Потом до Алисы донесся слабенький тонкий голосок.

«Билл!» — сообразила она.

— Будто я знаю,— пищал Билл.— Так меня хватили! Не-ет, с меня хватит. Немного как будто полегчало... А все равно не по себе... Я и охнуть не успел, как оно ахнуло меня. Я и полетел вверх тормашками. Вылетел, можно сказать, в трубу.
— Это уж точно — в трубу,— поддакнули ему.
— Нужно поджечь дом,— сказал Кролик.
И тогда Алиса закричала что есть мочи:
— Посмейте только! Я на вас Дину напущу!
Мгновенно наступила мертвая тишина.

«Хотела бы я знать, что они еще придумают,— размышляла Алиса.— Будь у них хоть капля ума, они сообразили бы снять крышу».

Через минуту-другую там, снаружи, зашевелились, и до Алисы долетели слова Кролика:
— Одной тачки будет довольно. Для начала.
«Тачки чего?» — забеспокоилась Алиса.

Не успела она поразмыслить на этот счет, как была осыпана градом мелких камешков. Некоторые даже угодили ей в лицо.

— Пора с этим покончить,— подумала Алиса и как закричит:
— Только посмейте еще раз — я вам задам!
За окном снова замерли.

Тут изумленная Алиса увидела, что камешки на полу превратились в круглые печенья, и ей пришла в голову счастливая мысль.

«Если я съем печеньку,— подумала она,— со мной что-нибудь непременно случится. Расти вперед уже некуда. Остается расти обратно».

Она проглотила целиком одно печенье и с облегчением почувствовала, что стремительно уменьшается. Наконец она стала маленькой-маленькой и тут же выбежала из дома. И сразу наткнулась на целую толпу птиц и зверюшек. В самой середке ее лежала маленькая ящерка — это и был Билл. Две морские свинки, приподняв несчастному голову, старательно пихали ему в рот горлышко бутылки.

Как только Алиса показалась на пороге, вся толпа устремилась за ней. Она бросилась бежать со всех ног и вскоре очутилась в густом лесу.

«Первым делом надо бы дорасти до своего нормального роста,— раздумывала Алиса на ходу,— а вторым делом надо найти тропинку к тому прелестному садику. Мне кажется, что лучшего и не придумаешь».

Придумала она действительно здорово. Оставалась самая малость — придумать, как все это осуществить. Алиса опасливо всматривалась в лесной мрак, как вдруг прямо над ней кто-то ка-ак гавкнул! Она вздрогнула и глянула вверх. Громадный щенок уставился на нее большими круглыми глазами и нерешительно протягивал лапу, пытаясь ее потрогать.

— Бедняжка! Малышка! — подлизываясь, протянула Алиса и попыталась посвистеть ему. Но дрожащие губы ей не повиновались, потому что она думала о том, как бы этот громадный малышка, этот ужасный бедняжка не слопал ее, крошку, с голоду.

Мало чего соображая от страха, Алиса нашарила на земле какую-то веточку и протянула ее щенку. Тот с радостным визгом подпрыгнул, схватил ветку и стал ее яростно теребить. Алиса, не мешкая, нырнула в самую гущу чертополоха, чтобы щенок ненароком не раздавил ее. Но только она выбралась из колючек обратно, как щенок снова накинулся на бедную ветку, не рассчитал прыжка и кувырком полетел прямо на нее.

«Да,— подумала Алиса,— это все равно, что танцевать со слоном: того и гляди раздавит».

И она снова забилась под куст. А щенок продолжал нападать на ветку. Он пятился, нацеливался и делал гигантский прыжок, промахивался и снова пятился. И лаял не умолкая. Алиса улучила момент, когда обессиленный борьбой с веткой щенок сел передохнуть, тяжело дыша открытой пастью и зажмурив громадные глаза, и улепетнула.

Пока не стих лай щенка, она неслась без оглядки. И только тогда остановилась в тени развесистого цветка лютика, чтобы перевести дух.

— А щенок-то был просто прелесть! — сказала Алиса, обмахиваясь желтым лепестком лютика.— Я могла бы обучить его всяким штукам, будь он другого роста... Ой, глупая! Я совсем забыла, что другой рост нужен вовсе не ему! Ну, как же, как же мне вырасти? Постойте... Ну, конечно, нужно что-нибудь съесть или выпить. Но попробуй догадайся, что?!

В рассуждении, что бы такое съесть, Алиса стала присматриваться к цветам и травинкам. Но все это было не то. А ей требовалось именно ТО питье или ТА еда. Тут ее взгляд уперся в большой гриб, чуть ли не с нее ростом. Она обошла его вокруг, заглянула под шляпку, ничего особенного не увидела и приподнялась на цыпочки: вдруг сверху что-нибудь обнаружится? И обнаружила Бабочкину Куколку!

Толстая и важная Куколка, укутанная шалью до глаз, невозмутимо попыхивала длинной фарфоровой трубкой.

Пересказал с английского
Леонид ЯХНИН.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Ескен ЕЛУБАЕВ

Милосердие

На улице котенок
Мяукал у подъезда,
Он плакал, как ребенок,—
Ну что с котенка взять?
Тут подошел мальчишка
И приласкал малышку,
И даже не заметил,
Как подбежала мать.
Мать закричала громко:
«А ну-ка брось котенка,
Иди-ка вымой руки
И поменяй рубашку!»
Орал отец с балкона:
«Да как ты мог, негодник,
Взять на руки такого
Котенка-замарашку?!»

Ну что, друзья, тут скажешь,
Ведь взрослым не прикажешь
Быть милосердней к сыну
Хотя б наполовину?..

Кто самый смирный?

— Кто самый тихий, самый смирный?
— Кто самый безобидный, мирный?!
— Ну, кто не злой по крайней мере?! —
Друг друга спрашивали звери.
Собранье лаяло, мычало,
Визжало, крякало, рычало,
Хвостами, лапами стучало,
Но потихоньку замолчало,
Когда перед толпой возник
Огромный круторогий бык;
И молвил этот великан:
— На свете лучше всех баран!
Он самый добрый, безответный,
Он самый скромный, незаметный...
С быком решили согласиться,
Собранье стало расходиться,
Но вдруг
Из-за соседних юрт
Примчался старый каракурт*.
Он тут же на трибуну влез,
Вскричал:
— Баран — головорез!
Он каракуртов ест, как траву,
Найдите на него управу!

Да, жить на свете очень тяжко,
Когда пугаешься барашка!..

*Каракурт — ядовитый степной паук, однако овцы не боятся его и охотно поедают как особое лакомство.

Закон природы

В Алма-Ате есть зоосад,
И в нем всегда полно ребят.
Ребята взрослым говорят:
«Пойдем,
Посмотрим на зверят!»
И дружно публика спешит
Туда,
Где тявкает, пищит
Звериный крепкий молодняк,
На свет явившийся на днях
(Ты посещал наверняка
Площадку игр молодняка):
С котенком возится щенок,
А медвежонок-сосунок
С козленком рядышком лежит,
Зайчишка вовсе не дрожит,
Когда, проснувшись,
Видит он
Волчат и львят
Со всех сторон.
Растут в вольере малыши.
Ты их увидеть поспеши.
Так быстро пролетают дни,
И скоро
Вырастут они,
И каждый
В клетке станет жить,
И не заставишь их
Дружить.

Рисунок Д. ГОНЧАРОВОЙ.

Футбол

Возвращаемся из школы —
Начинается игра.
Мы любители футбола,
Кандидаты в мастера.
Мячик бей, пока не лопнет,
Он не лопнет ни за что.
Мы любители футбола
В перепачканных пальто.
Танабай у нас недаром
Самый «грамотный» игрок —
Сокрушает мяч ударом
Мощных кирзовых сапог.
Танабай не знает правил,
Но, гляди, проворней всех
Он в ворота мяч направил
И бежит, вздымая снег.

Пар идет от Танабая,
Он вспотел, как от жары,
Запыхтел и, уставая,
Вывел мячик из игры,
Отряхнул его от снега,
Повертел и оглядел,
А потом — совсем без смеха! —
Мяч на голову надел.
И тогда один из нас
Скинул шапку в тот же час —
Для любителей футбола
Этот мячик в самый раз!

Вратарь

Вратарь Токпай —
Любой удар берет.
И сам, как мяч,
Он скачет у ворот.

Но вот сегодня
Прозевал он мяч.
Настало время
Наших неудач.

А мы почти
Выигрывали матч...
И вот теперь...
Что делать нам?
Хоть плачь!

Вратарь Токпай —
Веселый балагур,
Ну а сейчас
Печален он и хмур.

Он так поник —
Грустит, под нос ворча,—
Как будто воздух
Вышел из мяча.

Вот это да!

Нурлан закончил третий класс,
Курман второй закончил класс,
Нурман закончил первый класс,
Курбан собрался в первый класс —
Они промчались мимо нас.

По улице сбегают вниз.
Куда они так понеслись?
Ах вот в чем дело...
Со всех ног
За ними гонится щенок.

Вот это да, вот это да!
Я б не поверил никогда,
Что четверо озорников
Боятся тявканья щенков!

Отец и сын

— Отец, купи мне винограда,
Купи мне дыню, груши, сливы...
Мне больше ничего не надо —
Послушным стану и счастливым!

— Купи мне персиков и вишен,
Я мандаринов ждать устал! —
Мы этот голос часто слышим —
Канючит он
На весь квартал.

Отец сынку несет с базара
Все то,
Что может лишь присниться.
Ну а сынок?
То «три», то «пара»,
А то и вовсе
«Единица»...

Перевел с казахского
Владимир КОЖЕМЯКИН.

«ФАКТ»

Помните ли вы о X слете?

Помните ли вы, ребята, о том, что в сентябре прошлого, 1990 года прошел X Всесоюзный пионерский слет? Мы возвращаемся к этому событию зимой потому, что только сейчас можем дать «оперативную» информацию, ведь каждый номер журнала делается четыре месяца.

На X слете родилась новая организация. На смену Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина пришел Союз пионерских организаций (Федерация детских организаций) СССР — СПО (ФДО) СССР.

Делегаты утвердили Устав Союза. В нем записано: «Союз пионерских организаций (Федерация детских организаций) СССР — добровольная, самодеятельная, самоуправляемая, общественная, многонациональная организация детей, подростков и взрослых, ориентированная на идеалы гуманного и демократического общества, действующая в соответствии с Конституцией СССР».

Девиз Союза: «За Родину, добро и справедливость!».

Члены новой организации следуют в своей жизни основным пионерским законам:

— единства слова и дела;
— дружбы и творчества;
— чести и совести;
— заботы и милосердия.

Впервые на слете из нескольких кандидатов избран председатель организации. Им стала Елена Евгеньевна Чепурных. До слета Елена Евгеньевна была первым заместителем председателя Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

«Отказываемся от монополии...»

Мы заявляем, что в условиях рождающейся многопартийности наш Союз решительно отказывается от монополии в детском движении и провозглашает свою независимость от диктата каких-либо партий и политических сил.

Мы безоговорочно отказываемся от воспитания детей на приоритетах классового над общечеловеческим, на политических догмах и идеологических стереотипах, десятилетиями формировавших личность ребенка. Вместе с тем берем в новый Союз все доброе, здоровое и разумное из многолетнего опыта детского движения.

Мы заявляем, что целью Союза является социальная защита детства, помощь Отечеству и народам нашей страны в воспитании гражданина своей Родины, здорового духом и телом, любящего отчий край и родную природу, подготовленного к самостоятельной жизни.

Наша главная задача — воспитывать в каждом ребенке нравственность и трудолюбие, милосердие и справедливость, благородство и чувство собственного достоинства.

Мы обращаемся к родителям: ваш профессиональный и социальный опыт, все ваши умения и увлечения обогатят деятельность наших организаций и сделают жизнь детей интересной и увлекательной.

Предлагаем всем государственным организациям, всем партиям, общественным организациям и религиозным конфессиям сотрудничество в реализации Конвенции ООН о правах ребенка, о воспитании будущего страны.

Считаем, что сегодня любая партия, движение, организация должны думать не о создании своих припартийных детских организаций, а вносить лепту в общее дело воспитания детей.

Мы призываем всех, кому небезразлично будущее страны, оказать посильную помощь нашему Союзу.

Из ЗАЯВЛЕНИЯ работников СПО (ФДО) СССР после слета.

Детско-юношеская организация Армении «Уйс» («Надежда»), федерация детских организаций и объединений Грузии, детская организация Молдовы «Ватра» («Очаг») объединяются с пионерскими организациями союзных республик, автономных республик, краев и областей РСФСР в рамках СПО (ФДО) СССР на добровольной основе для реализации тех целей и программ, которые они разделяют и в которых намерены принять участие.

Их деятельность регулируется собственными уставами, и никакие решения, касающиеся этих организаций, не могут быть приняты без их согласия.

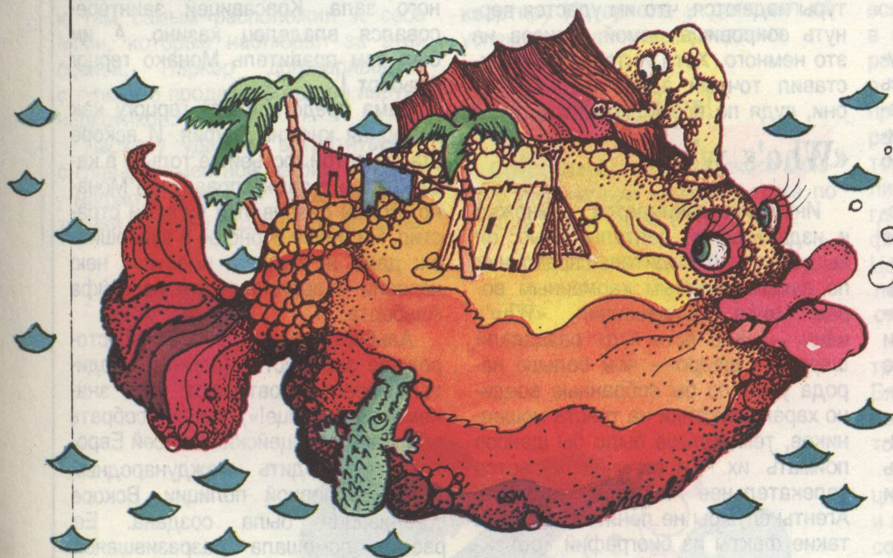
Из Устава СПО (ФДО) СССР

Фотография Р. ГАЛУШКО.

СЕКРЕТЫ СО ВСЕГО СВЕТА

Новая робинзонада

Тринадцать новоявленных юных Робинзонов высадились парами на безлюдных островах Белого моря и остались там без еды и лодок, лишь с одной-единственной дымовой шашкой, которую можно было зажечь в минуту полного отчаяния или смертельной опасности. Один Робинзон, Даниил Захаров, остался без пары и потому оказался на скалистом островке размером 120 на 70 метров в полном одиночестве.

Тринадцатилетний чех Ладя Шафранек попал на остров Волчья Луда вместе с Романом Гриценко из Бендер. Они успешно справились с ролями Робинзона и Пятницы. Помогло и то, что Ладя хорошо знает русский язык. Ребята вырыли землянку, в которой спать было все же теплее, чем на камнях острова, со всех сторон «проветриваемого» свирепыми норд- и зюйд-вестами.

Румын Стефан Паун встретил на своем острове Валеру Иванова, который прибыл в Заполярье из Белгородской области. Чтобы спастись от холода, который донимал ребят не хуже голода, они смастерили избушку. Общались между собой по-английски. Правда, последние несколько дней Стефан не хотел говорить уже ни на одном из известных ему языков — слишком велика была стрессовая ситуация. Валера старался, как мог, помогать товарищу.

На всех островах были умело запрятаны НЗ со сгущенкой, сухарями и тушенкой, но ни один из ребят, даже обнаружив тайники, не воспользовался заманчивой возможностью поесть. Большинство Робинзонов голодали, ибо надежды на рыбалку не оправдались.

Румын Николай Паштару «робинзонил» вместе с Максимом Прокуниным. Как потом сказал Николай, «мы хорошо провели время на острове». Ребята ловили мидий и даже заваривали чай из брусничного листа.

По две недели пробыли ребята на пустынных островах Белого моря. Похудели в среднем на пять — семь килограммов. И доказали всем и в первую очередь себе, что могут выдержать в экстремальной ситуации. А опыт выживания необходим сегодня всем.

Международную акцию «Полярный Робинзон» проводил Фонд народной дипломатии совместно с карельским клубом «Полярный Одиссей».

В. ЗЛОБИН

Рисунок М. КАЗАКА.

Сколько лет человечеству, столько лет, увы, и порокам человеческим. Даже Прометей, хоть и на благо людям, но украл огонь... И какими только методами не боролись с воровством и преступностью — люди нарушали, нарушают и будут нарушать законы человеческие и уголовные.

А нарушителей ловили, ловят и будут ловить доблестные сыщики, полицейские, милиционеры, детек-

Сыщик, ищи вора!

тивы и секретные агенты. Будут выслеживать воров и шпионов, ловить контрабандистов, выходить один на один с мафией, разыскивать пропавших без вести и похищенные музейные ценности, пресекать террористические акты и угоны самолетов.

Сегодня мы приоткроем завесу тайны над работой международной организации, объединяющей полиции 150 стран мира. Это могущественный и дразнящий воображение ИНТЕРПОЛ.

ИНТЕРПОЛ — это сотни секретных агентов, маскирующихся под торговцев рыбой, таксистов, барменов, крупных гангстеров...

ИНТЕРПОЛ — это отлично налаженная паутина тайных троп и безотказно действующая система каналов связи.

ИНТЕРПОЛ — это 3 126 000 персональных досье на самых разных международных преступников, 5250 карточек с отпечатками пальцев, 890 карточек с отпечатками одного пальца, а также 2500 снимков в профиль и 1 300 000 карточек с криминальными досье.

ИНТЕРПОЛ — это высокопрофессиональные аналитики, умеющие систематизировать сведения, делать безошибочный выбор и единственный вывод.

И при этом, как не раз повторял бывший генеральный секретарь Интерпола Марсель Сико, «дело Интерпола — не стрелять и арестовывать преступников, а вовремя предоставлять информацию и по каналам связи координировать действия

полицейских в разных странах».

Нет сомнений: агенты Интерпола умеют попадать в цель из пистолета с завязанными глазами, прыгать с крыш небоскребов, пользоваться ядами и тайнописью. Но в большинстве случаев они эти умения оставляют при себе. А действуют по-другому.

Поклонники Пикассо

31 января 1976 года трое вооруженных грабителей ворвались в папский дворец в Авиньоне, связали сторожей и похитили сто восемнадцать картин и рисунков Пабло Пикассо.

Кража произведений искусства — дело весьма тонкое, ведь не только все шедевры, но и практически все наброски или незаконченные работы известны искусствоведам, музейным работникам и экспертам. Есть, правда, и такие «любители» искусства, которые готовы держать у себя дома редкостные произведения и никому их никогда не показывать из боязни быть разоблаченными в воровстве или скупке краденого.

Интерпол пристально изучил обстоятельства кражи в Авиньоне. Вся подробнейшая информация легла в досье. Вскоре в генеральный секретариат Интерпола поступило сообщение, что в Голландии одному антиквару предложили приобрести картины Пикассо. Интерпол, проанализировав ситуацию, послал в Голландию «посредника» — некоего важного коллекционера из Бразилии. Месье Матье, прилетев из Бразилии, сумел заинтересовать обладателей картин. Они сошлись в цене, и Матье вручил солидный аванс.

Когда обладатели картин прибыли в Марсель, где должны были встретиться с Матье и передать ему полотна, их ждала засада. Грабители отстреливались, но «наши» оказались ловчее и подготовленнее.

«Месье Матье» хорошо поработал в тот раз, и благодаря его стараниям и работе еще нескольких сотрудников Интерпола, собиравших всю информацию, картины Пикассо вернулись в музей.

Увы, гораздо больше в картотеке Интерпола ненайденных ценностей. Ежегодно исчезает чуть ли не 50 тысяч произведений искусства, а всплывает из них едва ли десятая часть... А даже если агентам Интерпола удалось напасть на след, далеко не всегда удается доказать сам факт кражи, хотя, казалось бы, он бесспорен. Ведь мошенники тоже не лыком шиты и тщательно заметают следы. Так, представители Интерпола уверены, что сокровища, похищенные за несколько недель до окончания второй мировой войны в Кведлинбурге, хранятся сейчас на маленькой ферме в Техасе. Среди них рукопись, датированная 1513 годом, несколько кубков из горного хрусталя, золотые и серебряные распятия. Эти средневековые произведения искусства просто бесценны, и хотя германские деятели культуры надеются, что им удастся вернуть сокровища домой, шансов на это немного. Хотя Интерпол и представил точный адрес фермы, где они, судя по всему, хранятся...

«Who's who»

Интерпол занимается немножко и издательской деятельностью: он выпустил путеводитель-справочник по самым упрямым карманным ворам мира. Справочник **«Who's who»** — «Кто есть кто» раздавали широко и щедро — чем больше народа увидело бы собранные воедино характеристики на триста мошенников, тем больше было бы шансов поймать их. Справочник читается увлекательнее некоторых романов. Агенты службы не ленятся собирать такие факты из биографий «объектов», как названия их яхт, любимые цвета машин, умение стрелять и пристрастие к определенному вину, виду оружия, имена любимых женщин и животных и, конечно, связи и преступления. А фототека «зашифрована» специальным кодом: даже если преступник сделает пластическую операцию, код неизменных характеристик лица все равно выдаст его с головой!

Если следствие не располагает ни именем, ни фотографией, ни тем более отпечатками пальцев, а вся информация сводится к нескольким характерным чертам, например, осанке, походке или голосу, Интерпол все равно найдет в картотеке нужное досье. Порой сведений о хриплом голосе или манере прикуривать достаточно, чтобы человеку предъявить необходимые доказательства о его виновности.

Один из знаменитых воров-карманников, испанец Лопес, гастролировал по миру не один десяток лет. 27 раз сидел в испанской тюрьме. Потом бежал во Францию, где также был пойман и после отбытия срока выслан из страны. С этого момента по следу Лопеса идут агенты Интерпола. Они колесят за ловким воришкой по всему миру: Бельгия, Италия, Израиль, Кения, Скандинавия... Всюду его ловят, всюду приговаривают к определенной мере наказания, и отовсюду он умудряется бежать! У Лопеса десятки псевдонимов, сотни хитрых уловок... Он профессионал и предан своей профессии самозабвенно.

Кстати, с воровской истории Интерпол и начинался.

История романтическая и прозаическая одновременно разыгралась незадолго до первой мировой войны в Монте-Карло. Каждый вечер в казино появлялась таинственная незнакомка. Она делала небольшие ставки и вскоре исчезала из игорного зала. Красавицей заинтересовался владелец казино. А им был сам правитель Монако герцог Альберт I.

Дама представилась герцогу как немецкая княжна София. И вскоре стала частой гостьей не только в казино, но и в замке правителя Монако. Роман развивался бурно и страстно. Не менее бурно он и завершился: дама исчезла, а вместе с нею исчезли и драгоценности из сейфа Альберта.

Альберт, кляня себя за неосторожное знакомство (помните, родители всегда повторяют: «не знакомься на улице!»), решил собрать в Монако полицейских со всей Европы и учредить международный центр уголовной полиции. Вскоре организация была создана. Ее работе помешала разразившаяся война.

Тем не менее именно 1914 год принято считать годом учреждения Интерпола.

Фактически же организация начала работать с 1923 года, когда в Вене по предложению полицай-президента Австрии Иоганна Шобера собрались начальники полиции двадцати стран. Они постановили создать международную организацию по сбору и обмену информацией со штаб-квартирой в Вене. Иоганн Шобер стал первым президентом Интерпола.

Проклятие XX века

В штаб-квартире Интерпола висит карта мира, на которой выделены не туристические маршруты или столицы, а главные маршруты контрабанды наркотиками. Интерпол один из первых поднял тревогу в связи с распространением наркотиков в мире. В его картотеке хранятся сотни описаний способов, которыми когда-либо пользовались поставщики опасного зелья: в автомобильных покрышках, в контейнерах с живой рыбой и даже в желудке верблюдов!

Сотрудники Интерпола не верят легендам, они верят фактам. Однако про их собственную деятельность легенд уже немало. И вот одна из них.

В Измир на экспрессе из Анкары прибыл американец, по виду которого можно было сразу сказать, что

Рисунок М. КАЗАКА.

парень он не простой. Гарри Паркер остановился в лучшем отеле.

Вечером Паркер отправился в притон «Метрополь» в районе порта. И у всех расспрашивал про известного турецкого контрабандиста наркотиками Мейи. В одном из баров к нему пристал подозрительный тип. Не задумавшись, Паркер расправился с ним мощнейшим ударом и тем самым расположил к себе Мейи, который наблюдал за этой сценой. Паркер договаривается с турком о продаже большой партии наркотиков.

Паркеру удалось встретиться и с главарем местной мафии. А когда у мафиози возникли какие-то подозрения, Паркер скрылся на машине, полной наркотиков, и ушел от погони, продемонстрировав класс автомобилевождения, буквально проскочив через автоматные очереди.

После этого турецкая полиция арестовала главаря мафиози и раскрыла тайную лабораторию по переработке наркотического сырья.

А Гарри Паркер вернулся в штаб-квартиру Интерпола и доложил об успешном выполнении задания.

Дай руку, друг!

Сотрудничество Советского Союза с Интерполом началось тоже по поводу наркотиков в 1987 году.

С таможни было получено сообщение, что из Афганистана транзитом через СССР в Канаду следуют несколько контейнеров с наркотиками, запрятанными в кипы необработанной шерсти.

В Москву по приглашению советских работников прибыли сотрудники полиции Канады и выработали совместный план действий. Груз без всяких осложнений отправили в Мурманск, там погрузили на корабль «Бухтарма», следовавший в Монреаль. Канадские агенты сопровождали груз и следили за его разгрузкой и дальнейшим маршрутом. В результате наркотики прибыли в фирму «Шенкер оф Кэнада», где в итоге было обнаружено и конфисковано более пяти тонн гашиша. Цепочка была прослежена от начала до конца, и арестованы все преступники.

Таким же успешным стало сотрудничество с Великобританией. Благодаря операции «Дипломат» было конфисковано около четырех тонн гашиша.

И, наконец, временная кооперация переросла в полноправное и полноценное сотрудничество — на состоявшейся в Канаде осенью 1990 года сессии Интерпола Советский Союз стал его членом.

Министр внутренних дел СССР В. Бакатин так оценил это историческое событие: «Теперь только от нас зависит, как мы сумеем воспользоваться теми огромными возможностями в борьбе с преступностью, которые предоставляет эта организация. Если мы будем достаточно сообразительны и мобильны в использовании информации, которой обладает мировое полицейское сообщество, это принесет нашей стране огромную пользу».

Берегитесь, мошенники!..

(По материалам зарубежной и советской печати.)

Мяч в игре!

Самуил Яковлевич Маршак заставил мяч подпрыгнуть сто пятнадцать раз подряд. В стихотворении, конечно. Но и это уже казалось солидным достижением.

Тринадцатилетний же итальянец Мауро Палавичино добился неслыханного результата: ему удалось ударить по мячу 33 680 раз подряд! Мауро рассказывает, что он потратил на тренировки не одну неделю и лишился трех мячей. Один мяч лопнул, не выдержав напряжения, другой погиб под колесами машины, а третий отобрал сосед, возмущенный непрерывным стуканием по асфальту во дворе.

Похвальное слово в честь Мастера

— Достоевский умер,— сказала гражданка, но как-то не очень уверенно.
— Протестую! — горячо воскликнул Бегемот. — Достоевский бессмертен.

Булгаков, Мастер и Маргарита.

Булгачить — тревожить, беспокоить, будоражить, полошить, баламутить.

Даль, Толковый словарь живого великорусского языка

Знатоки литературы и ревнители точности могут предъявить нам претензии: слишком рано, мол, начали праздновать, герой родится еще не скоро — через пять месяцев. Но что значат пять месяцев по сравнению со столетием? Да мы и не празднуем день рождения. Мы открываем Год Булгакова...

И для начала рекомендуем всем отступить от совета, данного мессиром Воландом. Совет, как известно, был таким: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат и сами все дадут!» Так вот, один-единственный раз стоит не прислушаться к этому, в сущности, совершенно верному совету, чтобы попросить — Книгу. Пожалуйста, о пожалуйста, выпросите, одолжите, добудьте любым (но, конечно, честным) способом «Мастера и Маргариту» и прочтите этот роман. Найдутся другие книги: «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Собачье сердце», «Роковые яйца», «Записки юного врача», пьесы — читайте и их. Но главное — «Мастер и Маргарита». Если вы никогда еще не читали роман, прочтите в первый раз, если читали, прочтите во второй, в третий... Эту книгу можно читать несчетное количество раз.

И всякий из этих несчетных количеств раз книга будет читаться по-новому. Что и является одним из трех доказательств ее бессмертия.

Второе доказательство — превращение отдельных строк книги в то, что изящно называют «крылатыми фразами».

Вы слышали, наверное, как кто-нибудь говорил: «Что же это у вас, чего ни хватишься, ничего нет!» Или: «Ну что же, они — люди, как люди... квартирный вопрос только испортил их». Или: «Свежесть бывает только одна — первая, она же и последняя. А если осетрина второй свежести, то это означает, что она тухлая!» Это все из «Мастера». Мне, правда, особенно нравятся фразы не столь известные, но весьма полезные в общении с родными и близкими. Если родные и близкие начинают укорять вас за излишнюю болтливость или за нанесение вреда окружающей среде, очень полезно, для их успокоения, произнести небрежно: «Хорошо, хорошо, готов молчать. Я буду молчаливой галлюцинацией». Или: «Не шалю, никого не трогаю, починяю примус». Правда, иногда после произнесения этих фраз родные и близкие не успокаиваются, а еще больше возмущаются. Это происходит, когда родные и близкие недостаточно знают классический текст. В таком случае следует произнести: «Считаю долгом предупредить, что кот древнее и неприкосновенное животное»,— после чего возмущение родных и близких стремительно перейдет в изумление и остолбенение, и вы окажетесь в полной безопасности...

...Но мы отвлеклись от главной темы: доказательств бессмертия «Мастера и Маргариты». Так вот, третье, и последнее, доказательство — это уравнение в сознании читателей созданных автором героев с реально существующими людьми. В нашем сознании мирно уживаются какой-нибудь Иванов из Торжка, Смит из Бирмингема и Степа Лиходеев из «Мастера». Более того, Степа для нас живей и реальней, чем Иванов и Смит, потому что их мы не знаем совсем, а Лиходеева знаем отлично. Мы ищем подвальчик Мастера и особняк Маргариты точно так же, как ищем, например, дом, где родился Пушкин, и, что всего удивительнее, мы восхищаемся шалостями Бегемота точно так же, как восхищаемся шалостями нашего лучшего друга...

Этих трех доказательств достаточно, чтобы определить степень бессмертия любой книги, а значит, и бессмертия ее автора. Но есть еще одно доказательство, не столь важное, может быть, для нас, читателей, но определяющее все остальные и предопределяющее бессмертие книги и ее автора. Доказательство это заключается в следующем.

Нам только кажется, что книга написана автором, измышлена его воображением и создана его талантом. В действительности книга существует сама по себе, в каком-то неизвестном нам, пятом измерении. Но наступает момент, когда книге необходимо явиться в свет. И тогда она отыскивает автора, которому предопределено написать ее, и начинает беспокоить его воображение, будит его талант, чтобы с их помощью воплотиться на бумажных листах. И если книга находит действительно своего автора, то, что бы он ни делал, как бы ни старался уклониться от весьма неприятной обязанности, какие бы препоны ни возникали на его пути, книга будет в конце концов написана.

«Мастер и Маргарита» писалась одиннадцать лет. Булгаков начинал роман, оставлял его и начинал снова. Один из вариантов был даже сожжен. Но — рукописи не горят! — в конце концов роман был написан, завершен так, как завершил свою книгу Мастер, словами «пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат», вместе с романом завершилась жизнь его автора, и в этот самый момент они стали бессмертны, хотя еще долгих двадцать семь лет нужно было ждать встречи с читателями.

А теперь нам кажется, что Булгаков был всегда, и всегда были Мастер, его возлюбленная, Иванушка

Рисунок А. БОГАТОВА.

Бездомный, Воланд, его свита... Но ведь могло случиться так, что никого из них — ни автора, ни героев — не было бы. Они могли исчезнуть навсегда. Как исчезают по произволу какой-то страшной силы один за другим герои булгаковского романа.

Михаил Афанасьевич Булгаков, хотя и называл себя мистическим писателем, был прежде всего писателем-сатириком. Любая сатира расшатывает здание жизни и «выбивает» из него плохо изготовленные кирпичи — дурные законы, дурные поступки, дурные привычки... Это благодетельный процесс — сатира не дает нам ветшать и плесневеть. Но в те годы, когда Булгаков начал карьеру сатирика, выяснилось, что сатира не нужна стране, что сатира (любая) — это происки врагов. Наверное, дело было в том, что подспудно власть понимала свою слабость и боялась любой критики, тем более критики смехом. Поэтому одних критиков уничтожали физически, других — как Булгакова — оставляли в живых, но лишали возможности писать (с 1927 года Михаил Афанасьевич не сумел опубликовать ни строки). В 1930 году Булгаков обратился к власти с письмом. Там были и такие слова: «Невозможность писать для меня равносильна погребению заживо». Нет, конечно, Булгаков писал, но написанное должно быть напечатано, должно стать книгой. Рукопись, лежащая в столе,— тоже погребена заживо. Погребение заживо, исчезновение лежит отсветом на страницах «Мастера и Маргариты».

Даже если ничего не знать о том, что называется историческим фоном книги, с каждым очередным исчезновением становится все страшнее. И наконец понимаешь, что жизнь, описанная в романе, не имеет права называться жизнью. Это скорее некая бредовая фантасмагория, которая, казалось бы, вот-вот должна прерваться, чтобы уступить место реальной жизни, но не прерывается, а, наоборот, становится все кошмарнее.

Человек не может жить под гнетом постоянного страха, человек не может жить, видя в каждом из окружающих врага и шпиона. То есть жить-то он может, но теряет при этом свою человеческую сущность, свою человеческую свободу. И место свободы занимает трусость. А как заметил Некто, трусость — это один из главных человеческих пороков.

Конечно, трусость-порок — это не боязнь мышей, лягушек или темноты. Это совершенно другая трусость...

Над «Белой гвардией» Булгакова витает дух «Апокалипсиса» — «Откровения Святого Иоанна Богослова» — последней, пророческой книги Библии. Есть в «Апокалипсисе» и слова, очень точно говорящие о том, что же такое порок трусости. «Знаю твои дела: ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих». Вот, вот в чем суть порока трусости — в боязни выбрать, неважно даже, добро или зло. Большинство героев «Мастера и Маргариты» свой выбор сделать боятся и этим отдают право выбора, вплоть до права распоряжения их жизнями, внешней силе. Силе зла. Эта мощная сила, имеющая отнюдь не адское происхождение, лишая людей свободы, старательно выращивает в каждом человеке низость и подлость.

И нужна еще более мощная внешняя сила, чтобы наказать низость и подлость, защитить правду и добро...

В отличие от жизни Михаила Александровича Берлиоза, трагически завершившего свои дни под колесами трамвая, наша с вами жизнь складывается так, что к необыкновенным явлениям мы привыкли. Во всяком случае, летающие тарелки и пришельцы из иных миров не вызывают в нас ужаса. Наоборот, некоторые земляне умудряются полетать на тарелках, погостить у инопланетян, поправить свое здоровье с помощью внеземной медицины. Более того, мессира Воланда и его свиту теперь пытаются также причислить к инопланетным гостям, пришельцам из космоса, не замечая, что, в сущности, идут проторенной дорожкой. Представители официальных кругов в «Мастере» объясняли все необычные происшествия гипнозом, нынешние специалисты — космическими штучками. И то, и другое объяснение как бы реальное: гипноз — вещь доказанная, инопланетяне — почти доказанная, во всяком случае, возможная. Но право же, единственно верное и честное объяснение всего происходящего в романе — это объяснение вмешательством Сатаны.

Не будем сейчас вдаваться в теоретические рассуждения о том, существует или не существует на самом деле дух зла и повелитель теней. Но то, что он посетил Москву «Мастера и Маргариты», не требует доказательств.

Точно так же, как не требует доказательств всеобщая читательская любовь ко всем без исключения представителям сил зла, которые сопровождают мессира, и всеобщее читательское восхищение проделками двух негодяев — Коровьева и Бегемота.

Но неужели мы до того испорченный народ, что восхищаемся безобразиями вроде отрывания головы, поджигания магазинов и ресторанов, подкладывания валюты и прочих «невинных шалостей»? Да нет, дело не в этом. Конечно, странно было бы, если бы представители сил зла вели себя, как ангелы. Но, во-первых, все «шалости» обращаются только против бесчестия и низости и в конце концов приносят «объектам» этих шалостей или окружающим добро (припомните — Варенуха перестал лгать после весьма, впрочем, жестокого наказания, Аркадий Аполлонович Семплеяров вместо того, чтобы плохо руководить акустикой, хорошо руководит грибнозаготовочным пунктом, а Иванушка Бездомный стал профессором, сотрудником Института истории и философии).

Во-вторых, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что коровьевские и бегемотские штучки совершаются не всерьез, а играючи. И не в том только смысле, что совершаются легко, без усилий (какие там усилия у сверхъестественных деятелей!). Главное в том, что Коровьев и Бегемот играют спектакль, «ломают комедию», не всегда, правда, изысканную, но всегда остроумную. А кто не любит комедии и хороших комедиантов!

В-третьих, при еще более близком рассмотрении оказывается, что в Воланде, Азазелло, Коровьеве, Бегемоте больше человеческого, чем в людях. Правда, в отличие от людей им несвойственно чувство милосердия, но в отличие от людей же они обладают чувством высшей справедливости. И возможностью ее осуществлять.

...Для полноты обзора следовало бы поговорить еще об Иешуа Га-Ноцри и Понтии Пилате, а также о Мастере и Маргарите. Но тогда разговор затянется. А Год Булгакова, хотя только начался, пройдет быстро, как и все остальные годы. И нам необходимо успеть прочесть книги Булгакова, получше разобраться в том, что там написано, и, может быть, чуть-чуть измениться к лучшему.

А чтобы дело шло веселее, попробуйте-ка сами себе ответить на следующие вопросы.

«Нехорошая» квартира, как известно, находилась на Садовой, в доме 302-бис. Что за номер, и как зашифрован под этими цифрами, и почему именно по этому адресу поселил Булгаков своих героев?

Фагота автор несколько раз называет «гаер». Что значит это слово, и почему Коровьев-Фагот — гаер?

Мессир Воланд при первом появлении имел при себе трость с набалдашником в виде головы пуделя. На груди Маргариты в ночь бала висело изображение того же пуделя, а под ноги ей бросили подушку с вышитым пуделем. Откуда у Воланда такое пристрастие к этой породе собак?

Мессир Воланд прибыл в Москву в среду, «однажды весною, в час небывало жаркого заката». Завершилась же история Мастера и Маргариты в ночь с субботы на воскресенье той же весенней недели. Как называется эта неделя, и почему именно в те дни посетил Воланд Москву?

Однажды Михаил Афанасьевич получил в подарок книгу, в которой одним из главных действующих лиц был Сатана, а рассказ велся от лица Булгакова. Кто был автор этой книги, и как сложилась его судьба?

Если вы сумеете сами себе ответить на все эти вопросы — это и будет означать, что вы великолепно отпраздновали Год Булгакова. И, значит, имеете право отпраздновать его день рождения в мае. И вашему празднику не смогут помешать ни гражданин Семплеяров, ни Алоизий Могарыч, ни даже жестокий пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат.

Е. ВЛАДИМИРОВА.

ЗООБЕСЕДКА

Андрей УСАЧЕВ

Ехал Поросенок на рассвете

Громкий звук раздался утром рано.
Я в окошко выглянул спросонок:
Розовый, веселый, аккуратный,
На машине ехал Поросенок.

Поросенок был красив собою.
Был костюмчик в клеточку на нем.
Он вертел довольно головою,
Вместе с головой вертел рулем.

На копытцах — белые перчатки,
И панамка вышита цветами.
Ехал он на травке поваляться
Или же в деревню, в гости к маме,—
Я не знаю, вы решайте сами.

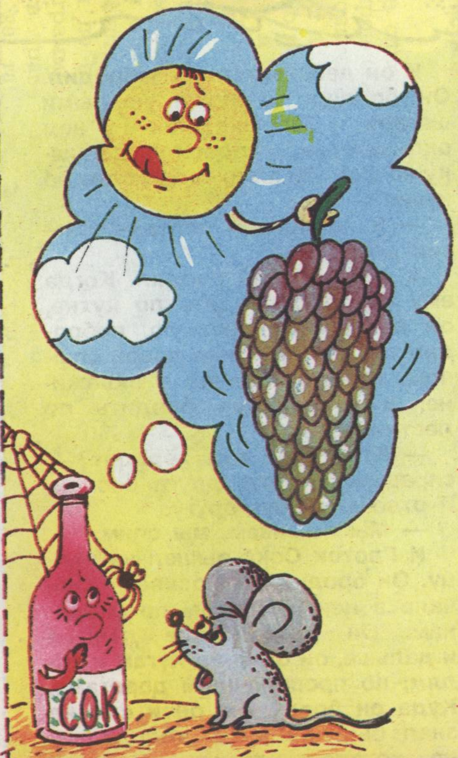
Ехал Поросенок на рассвете,
Розовый, похожий на зарю.
И, предупреждая всех на свете,
Нажимал на пятачок:
Хрю-хрю!

Рисунки Э. ДЕСЯТНИК.

Евгений КЛЮЕВ

Глоток сока

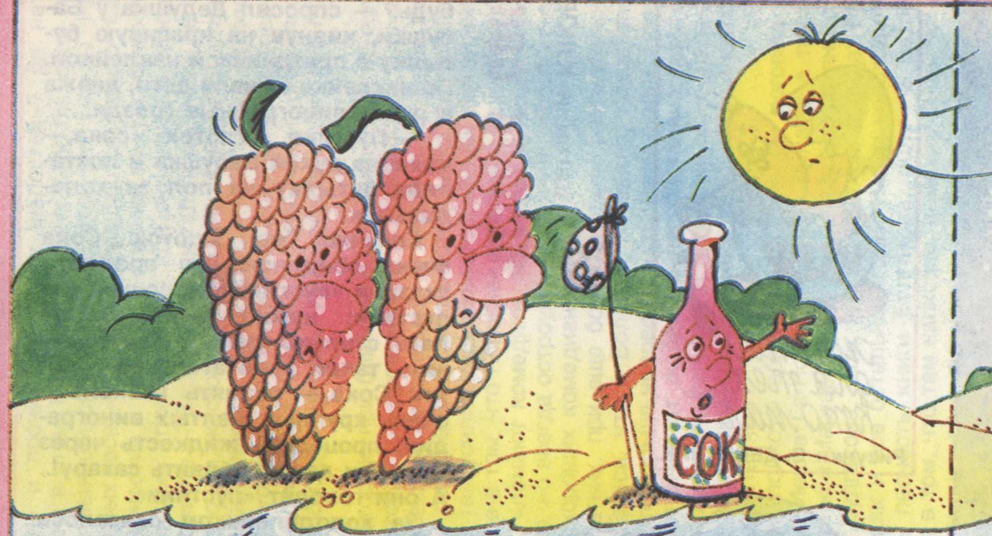
— Там осталось еще что-нибудь? — спросил Дедушка у Бабушки, кивнув на красивую бутылку с праздничной наклейкой. По наклейке бежали дети, держа в руках виноградные грозди.

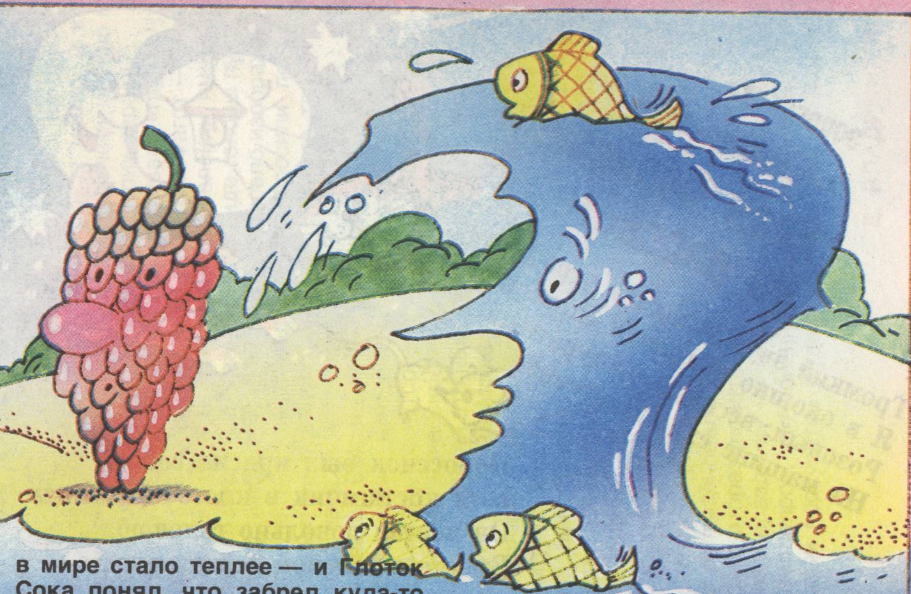
— Пустяки, глоток сока,— махнула рукой Бабушка и поставила бутылку на пол за холодильник.

Конечно же, Глоток Сока очень обиделся, что про него сказали «пустяки». Хорошенькие пустяки: нужно было проделать столько дел, чтобы получить такой замечательный Глоток Сока,— размять несколько очень крупных желтых виноградин, процедить жидкость через марлю и даже добавить сахару!.. А они говорят «пустяки».

За холодильником оказалось одиноко и не с кем побеседовать. Раньше Глоток Сока беседовал с другими глотками сока, заполнявшими бутылку до самого горлышка. Обычно они вспоминали о тех временах, когда не были еще глотками сока, а были виноградом и висели на ветках и просились в рот всем, кто шел мимо, покачивал головой и произносил: «Ну и виноград в этом году! Прекрасный виноград!» О, тогда они не знали, что ждет их дальше, и думали, что будут зреть и зреть, пока не превратятся в огромные золотые шары, а там...— неизвестно, как именно они представляли себе будущее, но оно казалось прекрасным. И оно не разочаровало их: виноград собрали в большие новые корзины и торжественно везли на автомобилях, а потом виноградинки очнулись уже в бутылках, глотками сока — прозрачными и ароматными. И была зима.

Тогда-то Бабушка и купила

для Дедушки бутылку виноградного сока, в которой был закупорен и наш с вами Глоток. Дома она познакомила Дедушку с виноградным соком, сказав: «Это виноградный сок». А Дедушка сразу признался: «Я очень его люблю».

— Ах, как это вкусно! — воскликнул Дедушка, отхлебывая виноградный сок из тоненького стакана.— Сразу вспоминаются лето и дальние страны. И южное солнце, и южное море... И даже белый кораблик на волнах, и молодость, молодость!

— Выпей сок сразу, а то он забродит. Он не может стоять долго,— предупредила Бабушка.

В который раз уже подумав обо всем этом, Глоток Сока даже всплакнул за холодильником. Ведь самого-то его даже не вылили из бутылки!

— Я тоже не могу стоять долго,— подумал он.— Они тут забыли меня — и я заброжу. Это неизбежно...

И он действительно забродил. Он бродил по кухне унылыми шагами, и Бабушка, забыв о нем окончательно, спросила Дедушку во сне: «Кто это там бродит по кухне?»

— Я не знаю, я сплю,— ответил Дедушка.

А Глоток Сока бродил. Когда ему надоело бродить по кухне, он вышел в прихожую, побродил там, потом отпер дверь ключом, который торчал в скважине, и отправился бродить по лестнице.

— Кто это там бродит? — спрашивали друг друга соседи. И отвечали друг другу:

— Мы не знаем, мы спим.

И Глоток Сока вышел на улицу. Он бродил по Москве — сначала в центре, потом по окраинам. Он уходил все дальше и дальше, он брел по лугам и полям, по проселочным дорогам... Куда он брел? Ах, он и сам не знал: была зима и от холода ему не хотелось думать. Но вот в мире стало теплее — и Глоток Сока понял, что забрел куда-то очень далеко. Он осмотрелся и узнал местность: здесь он вырос. И ему вспомнилось лето, милое детство. И южное солнце, и южное море... И даже белый кораблик на волнах, и молодость, молодость!

Вокруг были виноградники: они тянулись до самого горизонта, и не было им ни конца ни края. Крупные желтые виноградины с удивлением смотрели на путника, в котором нельзя было узнать уже Глоток Сока, и переговаривались меж собой:

— Откуда он бредет, этот путник?

И тогда Глоток Сока обратился к ним:

— Я бреду издалека. Я забродил на кухне, где забыли обо мне два хороших человека. Они были старенькие, и у них была плохая память, поэтому я и забродил. И пока я бродил, я понял что-то очень важное: никто не должен забывать ни о ком. Потому что если кто-нибудь о ком-нибудь забудет, тот забродит, забродит, забродит и забредет далеко-далеко, и потеряется там...

Глоток Сока вздохнул и побрел дальше, чтобы окончательно заблудиться и потеряться, а крупные желтые виноградины не поняли, о чем это он: они думали, что будут зреть и зреть, пока не превратятся в огромные золотые шары, а там...

Глоток Сока остановился под южным солнцем, у берега южного моря и скользнул в воду, чтобы раствориться в ней бесследно.

Но Южное море, приняв в себя Глоток Сока, тоже забродило, забродило, забродило, и, грозное, могучее, побрело по большой земле и шумело на весь мир: «Никто не должен забывать ни о ком! Никто не должен забывать ни о ком!..»

Дина РУБИНА

Астральный полёт души на уроке физики

Рисунок А. БАЛДИНА.

В школе, где-то в классе четвертом, на одном из уроков я отвлеклась от учебного процесса на книгу Конан Дойла, которую не дочитала дома. И благополучно проглотила ее за два с половиной урока, держа на коленях и осторожно перелистывая под партой страницы. С этого дня я поняла, какая бездна свободного для чтения времени пропадает у меня даром. Я прозрела.

Итак, я отвлеклась от учебного процесса и с того дня как бы отделилась от него. Мы мирно расстались. Учебный процесс существовал сам по себе, я же болталась где-то в иных пространствах. Весь класс натруженным маршем шагал по асфальтированному шоссе школьной программы, я сбежала на обочину, под откос, где в траве белели кашки и желтели одуванчики, да так и осталась там навсегда.

Успеваемость моя резко упала, и приблизительно с этого же времени мой хилый интеллект стал крепнуть. Я запоем читала на уроках. Ежедневно, с половины девятого до двух, я жила полнокровной жизнью — странствовала, спасалась от погони, трепетала от любовных объяснений и умирала от глубокой ножевой раны в груди.

Словом, школьную программу я запустила настолько, что даже и не пыталась решить что-то самостоятельно. На подсказках и списывании я медленно плыла к десятому классу, судорожно подгребая одной рукой, а другой держась за полупотопленное бревно дружеской помощи однокашников.

Жужжали, как пули над ухом, опросы. Где-то грохотала канонада четвертных и годовых контрольных... Я старалась списать побыстрее, чтобы открыть под партой очередную книгу, оставленную на известной лишь мне странице... Это было бесстрашие идиота...

Итак, в восьмом классе, на уроке физики, я читала книгу немецкого профессора. Не хотелось бы уточнять ее название, дабы не бросать тень на мои чистые и светлые в ту пору устремления. Наоборот, хотелось бы связать то необычное, что произошло на этом уроке, с чем-то возвышенным и прекрасным, например, с поэзией Баратынского, томик стихов которого, честное слово, лежал в это время в портфеле. Но, увы... Придется все-таки сказать, что книжка называлась «О половой жизни в семье». Книгу мне дала на два дня знакомая десятиклассница, которая, в свою очередь, взяла ее на неделю у одной знакомой студентки.

Надо сказать, книга мне не нравилась. Даже в названии было что-то лживое. Старый немецкий профессор как бы подмигивал читателю и намекал, ухмыляясь: «Это, братцы... в семье! А что бывает вне семьи, я вам как-нибудь в другой раз расскажу, когда здесь не будет любознательных восьмиклассниц...»

И вообще вся эта самая жизнь в семье выглядела очень благообразной и пристойной. Позже я поняла, в чем там была загвоздка,— в книжке почти не говорилось о любви. Впрочем, я, конечно, не стану пересказывать содержание книжки.

С умеренным любопытством я просматривала страницу за страницей, где, кстати, и картинки попадались тоже неинтересные, медицинские, пока не наткнулась на одну фразу. Я остановилась, потому что в этой фразе скрыто было некое противоречие: «Стройная девушка должна быть довольна своим бюстом».

«Нет, давайте разберемся»,— подумала я, потому что совершенно искренне считала себя стройной девушкой. А говоря иными словами, была в ту пору тощим и несуразным сутулым подростком. Этакая оглобля в очках. Странно, почему меня так задела фраза насчет бюста, которого у меня и в помине не было? Вот если б там говорилось о локтях и коленках! Очень мне в то время мешали колени и локти. Они, казалось, главенствовали в моем телосложении.

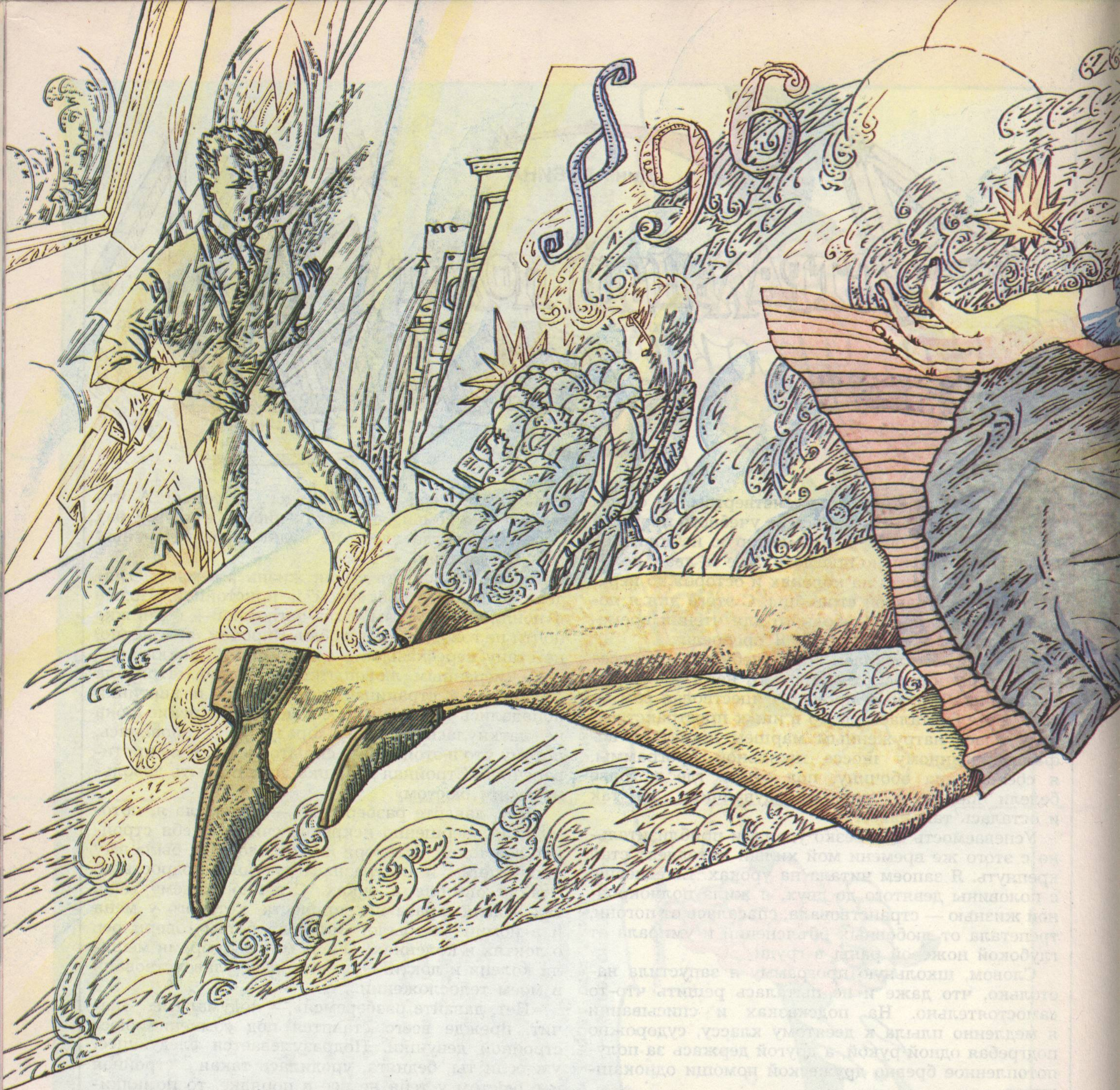
«Нет, давайте разберемся»,— подумала я... Значит, прежде всего ставится под сомнение бюст стройной девушки. Подразумевается следующее: уж если ты, бедняга, уродилась такая... стройная и с бюстом у тебя не все в порядке, то помалкивай, знаешь, хуже бывает... Будь довольна тем, что есть...

Кроме всего прочего, слышалось в этой фразе что-то... фюрерское, что ли, вроде того, как: «каждый немец должен быть доволен своим обедом».

Я представила себе колонну стройных девушек, шагающих под транспарантом: «Я довольна своим бюстом!» Или так: они идут стройными рядами, и у каждой на груди, которой она, в сущности, довольна, висит плакат «Я довольна своим бюстом!». А может быть, и так: мирная демонстрация стройных девушек у здания бундестага, и все дружно скандируют: «Мы! До! Воль! Ны!» и т. д.

Вот это уже становилось забавным. Увлеченная собственным воображением, я сидела, подперев ладонью щеку, и, рассеянно улыбаясь, смотрела на нашего физика.

Собственно, смотрела я не на него, а в пространство. С таким же успехом я могла обласкивать своей улыбкой школьную доску или учебные пособия, потому что перед мысленным моим взором продолжали вышагивать колонны стройных де-

виц, поголовно довольных своей грудью. Они маршировали, как солдаты, и было что-то завораживающее в их мерном шаге. Под ними железно цокала булыжная мостовая. Где-то я уже видела такую булыжную мостовую и шпили, вонзающиеся в застекленное мутное небо... Они проступали сквозь дымку все явственней, и все же хотелось рассмотреть их поближе и как бы... сверху.

Думаю, в эти минуты у меня началось погружение в состояние того самого астрального полета души.

Но моя потусторонняя улыбка, уже оторванная от смысла бренной жизни и по случайной траектории направленная в нашего физика, не могла остаться незамеченной. Во всяком случае, моя душа, уже готовая к отлету, была задержана в теле грозным окриком: «А?! Я тебя спрашиваю!»

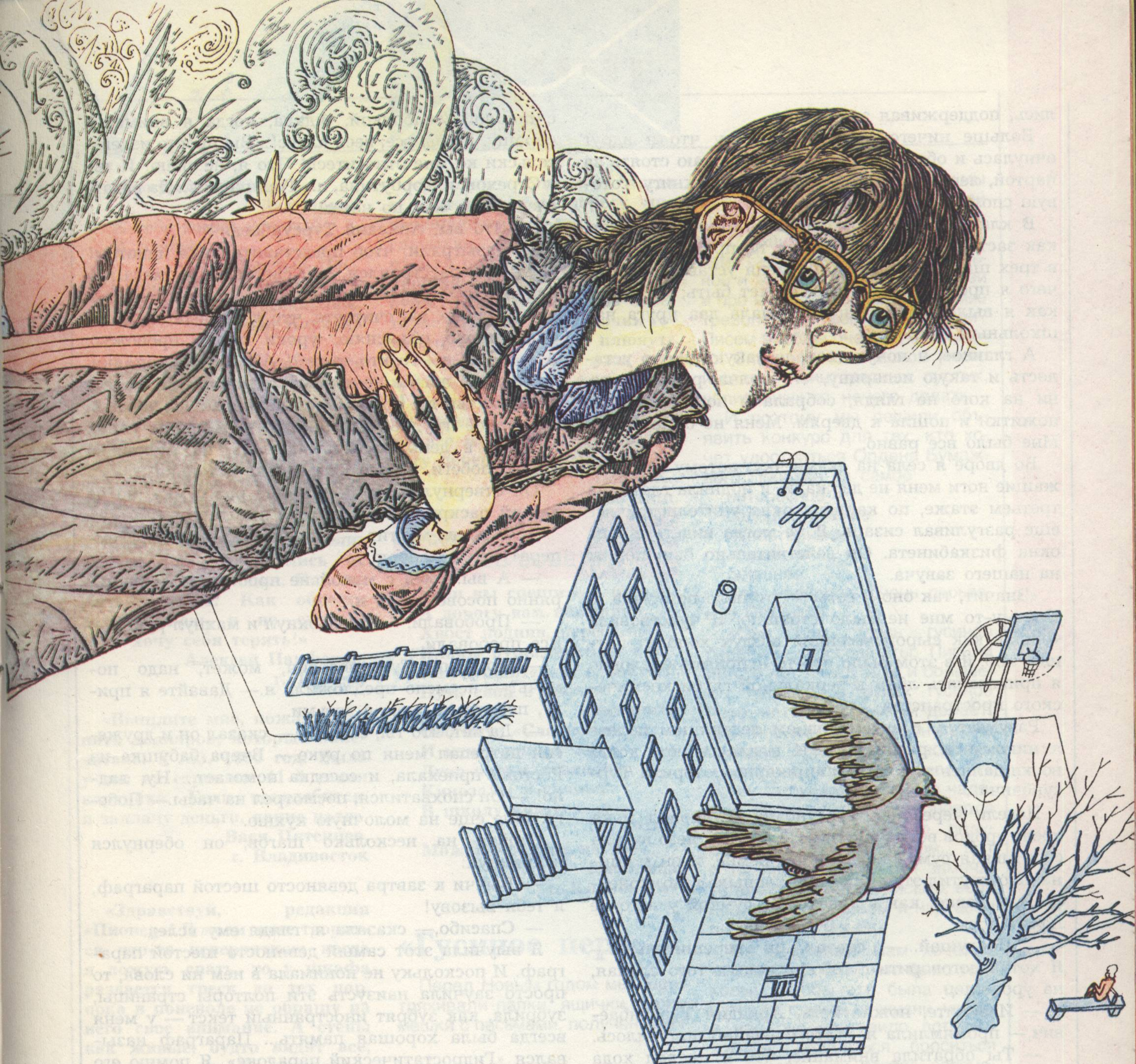
Потом ребята рассказывали, что физик по крайней мере трижды поинтересовался, чем это я так довольна, прежде чем моя почти отлетевшая душа приподняла из-за парты мое почти бесчувственное тело.

Все-таки я успела деревянной коленкой подтолкнуть раскрытую книгу внутрь парты, но она поползла назад, так что мне пришлось стоять на одной ноге, приподняв под партой другую и поддерживая коленом проклятую книгу.

— А?! — ядовито переспросил физик.— Чем? Чем ты так довольна?

Нашего физика звали Аркадий Турсунбаевич, или просто Турсунбаич. Турсунбаич был смугл, молод и плечист. И этим исчерпывались его достоинства. Турсунбаич был глуп и зол, как юный шмель.

Он отделился от доски, у которой объяснял новый материал, и, красиво жонглируя указкой, стал приближаться к моей парте. При этом моя душа, замершая в состоянии полуотлета приблизительно на том уровне, на котором живописцы рисуют нимбы у святых, рухнула вниз, как мне показалось, с сокрушительным грохотом. Во вся-

ком случае, свою коленку, поддерживающую в парте неприличную книгу, я ощутила уже не деревянной, а свинцовой.

Сейчас должен был разразиться страшный скандал, и его позорные круги достигли бы учительской, комсомольского собрания, родителей... Матери еще можно было бы что-то объяснить. Но мой бедный папа... Он всегда был слишком высокого мнения о своей дочери...

Самое ужасное заключалось в том, что к моим, побелевшим от страха устам прикипела дурацкая улыбка, а перед глазами продолжали маршировать стройные фантомы под бодрым транспарантом.

Турсунбаич остановился в трех шагах от моей парты, играючи проделал несколько движений указкой, подобно тому, как церемониймейстер манипулирует своим жезлом, и воскликнул:

— Не слышу. А?! Ответа на вопрос не слышу. Что за улыбочка? Чем ты так довольна?

Тогда я, завороженно глядя на летающую в его руках указку, проговорила внятно и даже слегка раздельно, как чтец в филармонии:

— Я довольна своим бюстом.

Моя бедная душа, ужаснувшись сказанному, оторвалась наконец от тела и с колокольным звоном полетела в — как это теперь называют? — астральный полет. Да-да, я не шучу, я не выдумываю. Я даже не могу допустить, что это был обморок, потому что, по свидетельству одноклассников, мое тело продолжало стоять и довольно доброжелательно смотреть на онемевшего Турсунбаича.

А душа моя вылетела в простор сырого весеннего воздуха, совершила два плавных разворота над школьной спортплощадкой с распростертыми на ней лакированными серыми лужами, поднялась повыше и засмеялась: по карнизу окна учительской гулял упитанный сизарь, похожий на нашего завуча, а в сером весеннем небе, как свежевспаханные борозды, лежали длинные пышные облака... Испуг и счастье — два крыла — трепетали и би-

лись, поддерживая этот полет...

Больше ничего не было, потому что я вдруг очнулась и обнаружила, что продолжаю стоять за партой, левой коленкой придерживая книгу, готовую сползти на пол.

В классе висела обморочная тишина, тяжелая, как застойный воздух. Физик по-прежнему стоял в трех шагах, оцепенело на меня уставившись, из чего я предположила, что, может быть, он видел, как я вылетела в окно и сделала два круга над школьным двором...

А главное, я почувствовала такую дикую усталость и такую испарину, что молча, равнодушно, ни на кого не глядя, собрала в портфель свои пожитки и пошла к дверям. Меня не остановили. Мне было все равно.

Во дворе я села на скамеечку, потому что дрожащие ноги меня не держали, и подняла глаза: на третьем этаже, по карнизу окна учительской все еще разгуливал сизарь. Я не могла видеть его из окна физкабинета. Он действительно был похож на нашего завуча.

«Значит, так оно и есть»,— отупело подумала я. Почему-то мне не было страшно. Я чувствовала только, как сырой весенний воздух холодит потный лоб, и в этом было что-то неприятное, словно я прикасалась лбом к зеркальной глуби космического пространства...

Разумеется, о своем дивном леденящем полете я никому не рассказала. И в классе еще долго восхищались тем, как я «шикарно» отбрила Турсунбаича.

Недели через две Турсунбаич остановил меня после уроков возле школы. На плече у него висела спортивная сумка на длинном ремне, и он машинально крутил эту сумку и похлопывал, но, конечно, так ловко, как с указкой, с сумкой у него не получалось.

— Послушай...— сказал он нерешительно.— Я хотел поговорить с тобой... насчет того случая, на уроке...

— Извините, пожалуйста, Аркадий Турсунбаевич,— промямлила я,— это случайно получилось.

— Ты обратила внимание, что я не дал хода этому делу?..

— Спасибо, Аркадий Турсунбаевич...

— Потому что это было бы непедагогично...— На словах «непедагогично» его голос окреп.— Но я хотел лично с тобой поговорить... Выяснить, для себя... Зачем ты это... Зачем этот демарш! — На слове «демарш» его окрепший голос зазвенел. Он крутанул сумку на ремне, та быстро завертелась, ремень скрутился спиралью, дошел до определенной точки равновесия и стал медленно раскручиваться.

Мы оба смотрели на этот процесс, и я подумала, что, вероятно, это происходит в согласии с каким-нибудь законом физики, которого я, конечно, не знаю...

— Извините, пожалуйста, Аркадий Турсунбаевич,— повторила я бубняще, чтобы поскорей отделаться от Турсунбаича,— это случайно получилось...

— Да какое там «случайно»! — расстроенно воскликнул он.— Ты же нарочно весь урок сидела с пошлой улыбочкой, ждала, когда я внимание обращу. Да вы все, весь класс!.. Вы просто издевательски ко мне относитесь! Что я, не знаю? И ты, и Стрехов, и Корбутина, и... Горшкевич... Да вы это разыграли, как по нотам!

— Что вы, Аркадий Турсунбаевич!

— Разыграли, чтоб представить меня идиотом!

Он так расстроился, что светлые его глаза повлажнели и резче выступили восточные скулы.

— Я знаю, вы считаете, что я не педагог, материал плохо объясняю, уроки плохо провожу... А вы?! Ну вы-то кто такие?! А?! Вы же сопляки, ни черта в жизни не понимаете, никого не жалеете!.. Вот ты, ты со своей улыбочкой... Ты знаешь, что такое грудные двойняшки?! А?! Это сорок пеленок в день постирай-погладь, на молочную кухню побеги, ночью как ванька-встанька!..

Он отвернулся, крутанул еще раз сумку, но не дал ей раскрутиться, закинул за плечо...

— У жены мастит,— жалобно сказал он.— Температура под сорок.

— А вы... мед с мукой не пробовали? — растерянно посоветовала я.

— Пробовали.— Он вздохнул и махнул рукой.— Все пробовали...

— Аркадий Турсунбаевич, может, надо помочь? — несмело предложила я.— Давайте я приду, помогу, я умею с детьми...

— Да нет, что ты, спасибо,— сказал он и дружески потрепал меня по руке.— Вчера бабушка из Ростова приехала, и соседка помогает... Ну, ладно! — Он спохватился, посмотрел на часы.— Побегу. Мне еще на молочную кухню.

Отойдя на несколько шагов, он обернулся и крикнул:

— Выучи к завтра девяносто шестой параграф, я тебя вызову!

— Спасибо,— сказала я, глядя ему вслед.

Я выучила этот самый девяносто шестой параграф. И поскольку не понимала в нем ни слова, то просто заучила наизусть эти полторы страницы, зубрила, как зубрят иностранный текст — у меня всегда была хорошая память... Параграф назывался «Гидростатический парадокс». Я помню его до сих пор. Несчастный парадокс торчит в моей цепкой памяти одиноким обломком. Неуютно ему там, в моей памяти, невесело, как приблудному сироте в чужом доме...

— Спасибо,— пробормотала я, глядя вслед нашему физику. Он хотел поддержать меня, хотел подать знак своего прощения и расположения. Он подал этот знак. Как умел.

И больше я не летала. Хотя в жизни моей, ей-богу, были для этого поводы, и не такие дурацкие, как на злополучном уроке физики. Но больше я не летала. Наверное, потому, что с годами стала печальнее. Я, конечно, не хочу сказать, что ум и печаль — это гири, которые не позволяют нам воспарить над нашей жизнью. Но, видно, это тяжелое, как ртуть, вещество с годами заполняет пустоты в памяти и в душе.

Те самые пустоты, которые, наполнившись теплой струей воображения, могли бы, подобно воздушному шару, унести нас в просторы холодного весеннего ветра.

«Пришел однажды
Дед Мороз
К себе домой усталый
И говорит:
«Ох, Красный Нос,
Какой уже ты старый».

Аня Михайлюк,
г. Новая Каховка

«В нашем классе почти все ребята остриглись наголо, «под бокс» или «под ежик». Меня они заставляют сделать то же самое, а я хочу быть нормальным человеком с нормальной прической. Думал, что меня поддержат девочки нашего класса, с которыми я был в хороших отношениях, но они отвернулись от меня. Я остался один. Как же жить дальше? Как обрести друзей? Ведь я не сдамся! Я не хочу себя терять!»

Алексей Парфенов,
г. Тюмень

«Вышлите мне, пожалуйста, пять долларов, которые напечатаны в №3, 1990 год. Была у вас на странице 41-й такая картинка. Если понадобится, я заплачу деньги, какие надо».

Вася Пятенцев,
г. Владивосток

«Здравствуй, редакция «Пионер»! В моем доме творится что-то невероятное: когда я ложусь спать, то у шкафа раздается треск до тех пор, пока я поневоле не обращу на него свое внимание. А стены как живые, будто видят все, что происходит. На них появились пятна от пола до потолка. Упасть случайно они так не могли. Ладно, эти пятна. Так под кроватью появились рисунки. Нарисованы красками, на всех изображены НЛО, летящие к планетам, в окно, вообще неизвестно куда».

Дима Швецов,
Ташкентская обл.

«Уважаемая редакция! Сейчас у нас, у девчонок, в моду вошли чихалки. Но чихалок очень много, и все они разные. Хотелось бы знать, говорят ли они действительно правду или созданы ради забавы. А также прошу опубликовать самую достовернейшую чихалку».

Наташа, г. Демянск,
Новгородская обл.

«Сегодня утром, когда я шла в школу, дорогу мне перешел черный кот. Я много слышала, что черный кот — плохая примета, но я все-таки прошла. Дома спросила бабушку, что будет. А она ответила: «Ничего». Но девочки говорят, что надо было плюнуть в сторону кота три раза или пойти другой дорогой. И я хочу спросить у вас, потому что сама не могу разобраться: все же что будет, если дорогу перешел черный кот?»

Айдай К.,
с. Кой-Таш.

Из серии «ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ»

Если вы спешите в школу,
А дорогу вам нежданно,
Хвост подняв, перебегает,
Планы руша, черный кот,
Не смущайтесь и не бойтесь,
Путь свой в школу
измените.
Обгоните «Сладкоежку»
И идите прямо через
Луна-парки, стадионы,
Кинозалы и салоны.
В школу явитесь чуть
позже,
Может, часиков на пять.

Каролина,
г. Кривой Рог.

«Гусиное перо»

Перед Новым годом мы перетряхивали папки, ящички, даже мешки с письмами, полученными в прошлом году: по обычаю, мы как бы подводим итоги всей ПОЧТЫ — о чем, как писали нам? Каких больше всего писем? Серьезных, о жизни школьной и жизни вообще, про друзей и про мечты, про разные-разные тревоги или веселые случаи? Писем вообще очень, очень много! Спасибо! Но слишком много и совсем неинтересных, пустых, написанных от нечего делать.

И поэтому мы решили объявить конкурс для тех, кто хочет удостоиться Ордена Бумажного Проезда за самое:

интересное
содержательное
неповторимое
толковое
смешное

или, наоборот, очень серьезное ПИСЬМО.

«При чем здесь гусиное перо?»— спросишь ты. Писали им сто лет назад, а то и больше! Но держать в руках гусиное перо, которое только и делает, что норовит выскользнуть из пальцев, макать его в засыхающую чернильницу, выводить букву за буквой при свете чадящей свечи — все это поневоле заставляло хорошенько подумать над каждым словом... Вот и ты представь, каким замечательным получится письмо, если над каждым словом и над всем письмом думать...

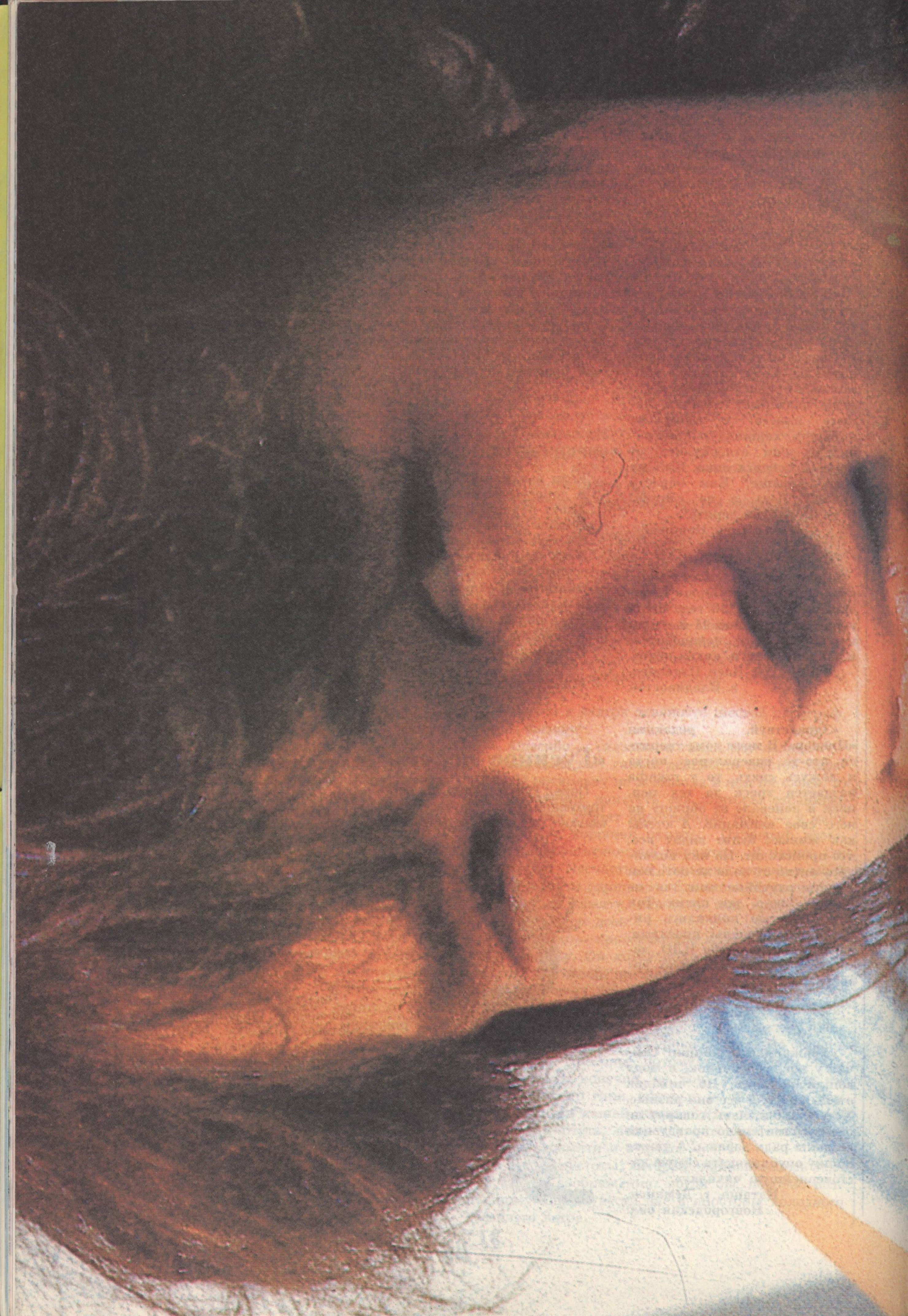
Не обижайся! Нам хочется, чтобы каждое письмо было толковым, чтобы это была целая история, случай из жизни, чтобы и нас оно заставило встревожиться, задуматься, броситься на помощь или просто рассмеяться...

Конечно, это не касается письма, в котором ты просишь не печатать его, делишься с нами чем-то важным, просишь совета. Мы по-прежнему верны тебе, когда надо хранить тайну!

Письма же, присланные на наш конкурс (на конверте ты пометишь: «Гусиное перо»), мы обещаем напечатать. Лучшие авторы будут удостоены Ордена Бумажного Проезда (сообрази — это же наш адрес!).

Письма, которые мы сегодня напечатали,— это вовсе не образцы. Уверены, ты напишешь нам лучше. Просто наугад взяли самые забавные — все-таки Новый год...

Г. ВАСИЛЬЕВА.

ВИКТОР ЦОЙ

1991

	ЯНВАРЬ JANUARY	ФЕВРАЛЬ FEBRUARY	МАРТ MARCH	АПРЕЛЬ APRIL
Пн.	7 14 21 28	4 11 18 25	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Вт.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Ср.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	6 13 20 27	3 10 17 24
Чт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	7 14 21 28	4 11 18 25
Пт.	4 11 18 25	1 8 15 22	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Сб.	5 12 19 26	2 9 16 23	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Вс.	6 13 20 27	3 10 17 24	3 10 17 24 31	7 14 21 28

	МАЙ MAY	ИЮНЬ JUNE	ИЮЛЬ JULY	АВГУСТ AUGUST
Пн.	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26
Вт.	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27
Ср.	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28
Чт.	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29
Пт.	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30
Сб.	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24 31
Вс.	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25

	СЕНТЯБРЬ SEPTEMBER	ОКТЯБРЬ OCTOBER	НОЯБРЬ NOVEMBER	ДЕКАБРЬ DECEMBER
Пн.	2 9 16 23 30	7 14 21 28	4 11 18 25	2 9 16 23 30
Вт.	3 10 17 24	1 8 15 22 29	5 12 19 26	3 10 17 24 31
Ср.	4 11 18 25	2 9 16 23 30	6 13 20 27	4 11 18 25
Чт.	5 12 19 26	3 10 17 24 31	7 14 21 28	5 12 19 26
Пт.	6 13 20 27	4 11 18 25	1 8 15 22 29	6 13 20 27
Сб.	7 14 21 28	5 12 19 26	2 9 16 23 30	7 14 21 28
Вс.	1 8 15 22 29	6 13 20 27	3 10 17 24	1 8 15 22 29

Владимир ПРИХОДЬКО

Я знаю, что анализировать это нельзя, но это чувствуется и усваивается.
Лев Толстой.

В 1829 году в журнале «Московский телеграф» была напечатана заметка, где говорилось: «...Скоро наступит время, что мы будем учиться польскому языку наравне с языками Гете и Байрона: Мицкевич понудит нас к этому». Мицкевичу в то время было едва за тридцать; «умный, благовоспитанный, одушевительный в разговорах, обращения утонченно-вежливого... веселого склада, остроумный, скорый на меткие и удачные слова» (Вяземский), он был принят в русских литературных кругах, дружил с Рылеевым, Бестужевым, Баратынским, Козловым; масштабы его дара были ясны русским литераторам. «Он должен быть великий поэт»,— думал Жуковский. «Какой гений! Какой священный огонь!» — восклицал Пушкин. Пробыв в России четыре с половиной года, Мицкевич написал немало стихов, в том числе «Czaty» («Дозор», или «Слежка», в пушкинском переложении — «Воевода»).

«Воевода» — стихотворение, имеющее сюжет, более или менее поддающийся пересказу. Романтическая баллада (в оригинале подзаголовок: «украинская»). Об этом жанре Мицкевич писал: «Название баллады как будто прежде всего появилось в Италии... и относилось ко всем без различия веселым песенкам, на что указывает само выражение «ballare» (танцевать)... Английская баллада — это краткое повествование, сюжет которого взят из повседневной жизни или из рыцарских преданий и в которое для оживления обычно вводятся чудеса романтического мира... Такова же история баллады и у немцев...»

История, где в тугой узел завязаны конфликты — любовный, социальный и национальный, не потребовала введения никаких чудес. И без них она поражает воображение. Есть три, даже четыре версии о ее источниках. То ли Мицкевич узнал о подлинном происшествии на Украине, то ли услышал этот рассказ от старого слуги в имении Головинских в Стеблеве; он мог использовать мотив баллады Вальтера Скотта, а также народную балладу про пана старосту.

Вот первое четверостишие в оригинале:

Z ogrodowej altany wojewoda zdyszany
Bieży w zamek z wściekłością i trwogą.
Odchyliwszy zasłony, spojrzał w łoże swej żony
Pojrzał, zadrżał, nie znalazł nikogo.

Подстрочный перевод: «От садовой беседки воевода, задыхаясь, бежит в дом (замок) в ярости и тревоге. Отодвинул занавеси, заглянул в постель своей жены. Глянул, вздрогнул, не нашел никого». «Подстрочный перевод никогда не может быть верен»,— считал Пушкин. Тем не менее мы понимаем: воевода, только что заметивший в беседке женщину в белом, убедился: это его жена. Теперь она «dziewka» — изменница, распутница. Дальнейшее развивается быстро. Воевода (в Польше с XVI до конца XVIII века так назывался управляющий городом или округом) зовет слугу-украинца, казака Наума (у Пушкина «хлопец», это слово употребляется у нас, когда говорят о молодом украинце). И вместо того, чтоб, выполнив приказание, убить женщину, слуга убивает господина.

Если эпическую поэму Мицкевича «Пан Тадеуш» называли величественным камнем, положенным рукою гения на могилу старой Польши, то «Воевода» — драгоценный камушек, который своим чистым светом озаряет польскую историческую драму. Персонажи «Воеводы» — участники этой драмы. Не случайно казака Наума воевода клеймит словами «гайдучье племя»: гайдук — это и слуга в богатом доме, и — у южных славян — участник народного движения за независимость. Другая коллизия — богатство и бедность. Старый помещик; женщина, прельстившаяся на trzos (мошну, кошель; у Пушкина: серебро); неимущий влюбленный дворянин, едва ли не двойник самого автора, тоже когда-то пылко любившего девушку (Марылю Верещак), вышедшую замуж за другого, состоятельного.

Пушкин изменил размер подлинника, за что его попрекали: анапест стал хореем. В 1846 году Фет перевел «Дозор» размером подлинника («Не любил, не страдал он, лишь казной побряцал он,— и ты все предала ему вечно»), но звонкой пушкинской силы не достиг.

Нас не должно вводить в заблуждение, что Пушкин называет жену воеводы панной. Панна — по-польски девушка, и у Мицкевича этого слова быть не могло. Но Пушкин сделал «панну» русским словом. Понимать его следует так: молодая полька. Так же, вслед за Пушкиным, его употребил Бальмонт («Нежнее всего», 1900).

Один дотошный юный читатель спросил у меня: мог ли хлопец попасть воеводе в лоб? Стояли они рядом или почти рядом, целились в одном направлении. А как у Мицкевича?

«В сам лэб». Но «лэб» не значит «лоб». Это «башка». Казак Наум угодил воеводе в башку. Все стало на свои места... Для самых дотошных. У Пушкина «лоб» в общем-то и есть «башка» (вспомним старое выражение «лобное место»). А Пушкин был знаком с польским языком, хотя и неизвестно, переводил с оригинала или с французского подстрочника, написанного для него Мицкевичем. Даже если «лоб» неточно, выразительней этого слова не найти (у Фета тоже: «И прямехонько в лоб — воеводе»). Как бы ни было, говоря словами Некрасова — между прочим, тоже о переводах Мицкевича,— «с близкого по духу языка переводить еще труднее,— может быть, оттого, что ближе, нагляднее чувствуется недостижение подлинника».

Баллада Мицкевича положена на музыку немцем Карлом Леве и поляком Монюшко; пушкинский перевод — Чайковским и Направником.

Оформление И. КЛИМОВА.

Адам МИЦКЕВИЧ (1798—1855)

Воевода

Поздно ночью из похода
Воротился воевода.
Он слугам велит молчать;
В спальню кинулся к постеле;
Дернул полог... В самом деле!
Никого; пуста кровать.

И, мрачнее черной ночи,
Он потупил грозны очи,
Стал крутить свой сивый ус...
Рукава назад закинул,
Вышел вон, замóк задвинул;
«Гей, ты, кликнул, чертов кус!

А зачем нет у забора
Ни собаки, ни затвора?
Я вас, хамы!.. Дай ружье;
Приготовь мешок, веревку,
Да сними с гвоздя винтовку.
Ну, за мною!.. Я ж ее!»

Пан и хлопец под забором
Тихим крадутся дозором,
Входят в сад — и сквозь ветвей,
На скамейке у фонтана,
В белом платье, видят, панна
И мужчина перед ней.

Говорит он: «Все пропало,
Чем лишь только я, бывало,
Наслаждался, что любил:
Белой груди воздыханье,
Нежной ручки пожиманье...
Воевода все купил.

Сколько лет тобой страдал я,
Сколько лет тебя искал я!
От меня ты отперлась.
Не искал он, не страдал он;
Серебром лишь побряцал он,
И ему ты отдалась.

Я скакал во мраке ночи
Милой панны видеть очи,
Руку нежную пожать;
Пожелать для новоселья
Много лет ей и веселья,
И потом навек бежать».

Панна плачет и тоскует,
Он колени ей целует,
А сквозь ветви те глядят,
Ружья на земь опустили,
По патрону откусили,
Вбили шомполом заряд.

Подступили осторожно.
«Пан мой, целить мне не можно»,—
Бедный хлопец прошептал:—
«Ветер, что ли, плачут очи,
Дрожь берет; в руках нет мочи,
Порох в полку не попал».

«Тише ты, гайдучье племя!
Будешь плакать, дай мне время!
Сыпь на полку... Наводи...
Цель ей в лоб. Левее... выше.
С паном справлюсь сам. Потише;
Прежде я; ты погоди».

Выстрел по саду раздался.
Хлопец пана не дождался;
Воевода закричал,
Воевода пошатнулся...
Хлопец, видно, промахнулся:
Прямо в лоб ему попал.

(Конец 1827)

Перевод с польского А. С. Пушкина (1833).

«ФАКТ»

А у нас — «Ватра»!

У нас, в Молдове, создана своя детская организация «Ватра». Переводится это слово как «очаг». Организация деполитизирована, имеет свои символы: трехцветный галстук, как трехцветное знамя Молдовы, и голубое знамя — цвета ясного неба. Теперь — о целях и занятиях нашего ДОМа (детская организация Молдовы).

В организацию вступают ребята с 9 лет. Верхней возрастной чертой членство не ограничено. Могут и дедушка с бабушкой стать членами «Ватры». Вступление добровольное.

Есть младшие «жители» ДОМа — ребята с 6 лет. В нашу организацию могут вступить ребята независимо от их национальности и религиозных убеждений. Девиз: «Учись жить достойно!»

В домах детского творчества (бывших домах пионеров) собираются ребята и объединяются в отряды по интересам. Эти отряды, по-нашему они называются, ватагой, гильдией и так далее, могут создаваться при школах, в домах культуры, на местах работы родителей.

Под крышей ДОМа собираются все, кому хочется жить весело и интересно, делать что-то полезное людям.

Оля Гуртовая, 9-й класс, Молдова.

Зеленые радости

Представители Грузии на X слете разделились на две ярко обозначенные группы — зеленых и незеленых. Не следует думать, будто кто-то позеленел от злости или несъедобной каши. «Позеленели» те ребята из Грузии, которые у себя дома организовали Союз «зеленых» и успешно начали в нем работать.

Союз «зеленых» — это «самодеятельная подростковая организация, цель которой учиться понимать и уважать природу, защищать ее, поддерживать и пропагандировать здоровый образ жизни, принимать участие в движении "За мир без оружия и войн"». Это из Устава Союза. А если говорить просто, то ребятам и их руководителю Юрию Вахтанговичу Лукашвили, когда они задумались над тем, что происходит с природой, стало страшно. Грузия — благословенный, цветущий некогда край — стала походить на разоренную бесплодную землю. Уничтожались виноградники, строились заводы без каких-то бы ни было очистных сооружений, менялся цвет рек и воздуха... Чтобы спасти свою землю, ребята и решили объединиться под зеленым флагом.

А объединившись, начали беспристрастно собирать факты экологических нарушений, писать статьи и добиваться их опубликования в местной печати, создавать кино- и фотолетопись преступлений человека против природы. Члены Союза «зеленых», фиксируя факты, ставят о них в известность органы народного контроля республики.

Но не надо думать, будто «зеленые» превратились в организацию новых надзирателей. Они организовали движение полного отрицания и искоренения алкоголя, наркотиков и курения. Начали они с того, что сами стали вести здоровый образ жизни. Группы «Действие» союза постоянно устраивают велопробеги, пешие агитпоходы, во время которых ведется активная экологическая пропаганда. И еще ребята регулярно работают на строительстве завода по производству одноразовых шприцев.

Кто о чем, а я о первом в стране пионерском магазине

Зовут меня Наталья Кравченко, живу в городе Коврове Владимирской области. На слете я много рассказывала как раз о своем родном городе. Он не очень большой, но в нем происходит много интересного. Например, у нас работает первый в стране пионерский магазин. Ребята в школах производят продукцию — выжигают доски, плетут макраме, шьют, вяжут, в магазине все эти изделия продаются. Десять процентов от выручки идет на счет городского Совета пионерской организации, а остальные — ребятам, кто работал.

Кстати, о городском Совете — это тоже интересно. В нем две палаты: палата взрослых и палата детей. Совет разрабатывает программу деятельности на год, а дружины в городе могут работать и по ней, и придумать что-то свое. В прошлом году эта программа называлась «Звездный поход».

Наталья Кравченко, 10-й класс, г. Ковров.

Владимир МОРОЗОВ

ВОВКА

Рисунки И. ПАНКОВА.

— Может, тебя все-таки проводить? — Мама поправила Вовке шарф.

— Да нет, мам, не надо. Сам дойду,— ответил Вовка солидно.

— Ладно,— вздохнула мама,— иди.

— Сначала ты,— возразил Вовка,— холо́дно ведь.

Мама поежилась, поцеловала Вовку в щеку теплыми губами и открыла дверь в зал. В сени ворвалось шумное цветное облако пара и скрыло маму. Хлопнула дверь, облако рассеялось. Вовка остался один.

Мама у Вовки учительница. И еще она классный руководитель. Мамин класс остался на танцы, и потому ей пока нельзя уходить из школы. Ну да танцы неинтересно. То ли дело концерт, который был сначала.

Концерт Вовке понравился. Концерты в школе всегда бывают перед каникулами или на праздники. А тут сразу и праздник Новый год, и послезавтра каникулы.

Собственно говоря, каникулы Вовку не больно-то и касаются. А вот Новый год — это дело. Во-первых, настоящий праздник, а во-вторых, в том году у Вовки совсем новая жизнь начнется. В сентябре в школу, так что и у него будет все, как у людей: и уроки, и каникулы.

Вовка спустился с крыльца и остановился. Было совсем темно. Когда они с мамой шли на концерт в школу, солнце еще висело над околицей. Днем, да тем более с мамой, шагать было весело и приятно. Вовка тогда не думал, как ему придется возвращаться. Казалось, так и должно быть и нет ничего удивительного, что побежит он домой один. Дорога-то знакомая. Не раз по ней бегал.

Когда Вовка шел с мамой в школу, он думал только о концерте. На школьных концертах ребята сами пели, танцевали и даже разыгрывали разные сценки, как настоящие артисты. Так что было еще интереснее, чем в кино. Артистов в кино и по телевизору можно только посмотреть, а ребят — даже потрогать. Они же все свои, из маминого класса.

В этот раз тоже сначала пели песни. Потом Вася, он самый высокий в мамином классе, танцевал с девочкой испанский танец. На Васе была широкая шляпа с бахромой, а на девочке — большой цветастый платок. Потом еще пели, плясали и рассказывали стихи, но больше всего Вовке понравилась сценка.

В сценке показывали, как у одного мальчика заболел зуб. Он повязал голову платком и пришел к доктору. У доктора были клочкастая рыжая борода и толстый фиолетовый нос. Он посадил мальчика на стул, крепко привязал ремнями к спинке и принялся один за другим выдергивать зубы. Мальчик кричал, доктор улыбался и щелкал щипцами, а мама стояла в стороне за занавесом и, делая круглые испуганные глаза, подсказывала громким шепотом.

Вовка сидел в первом ряду и прекрасно слышал, что́ подсказывала мама и как то же самое повторяли ребята. Но все равно было очень весело и интересно. Зал хохотал, и Вовка заливался вместе со всеми.

Обычно с концертов Вовку забирал папа. Но сегодня он уехал в город и вернется лишь к празднику. Папа с мамой даже поспорили утром из-за Вовки. Победил папа. Он сказал, что Вовка парень уже большой и, конечно же, дойдет один. Что улица у них тихая, машины не ходят и вообще пора уже быть самостоятельным.

Тогда, утром, быть самостоятельным было очень заманчиво и привлекательно. А сейчас, в темноте, Вовке очень не хватало папиной надежной и широкой ладони.

Окна школы ярко светились. Оттуда доносились музыка и гул, словно из растревоженного осиного гнезда. Вовка подошел ближе к свету. Стекло было белым от инея. Он подышал в уголок рамы, туда, где чисто светилась едва видимая щель, но окно только сильнее затуманилось.

К другим окнам Вовка подходить не стал, а направился прямо к выходу со школьного двора. Над воротами горел фонарь, и Вовка постоял у калитки, посмотрел, как, сверкая под лампой, падают снежинки. Вернее, это были, пожалуй, и не снежинки, а так, какая-то снежная пыль. Пыль эта парила в густом морозном воздухе и искрилась на свету.

Всегда шумная улица была удивительно пустынной. Пусто было и на тракте, который спускался с горы и, сливаясь с улицей, редкой цепочкой фонарей над домами уходил к дальнему концу села. Обычно по тракту то и дело с грохотом проносились машины, а сейчас было тихо. Лишь мерцали в свете фонарей редкие снежные пылинки.

Вовка вышел на улицу, на самую середину, и побрел к дому. Мерзлый укатанный снег зло взвизгивал под подошвами. Вовка заметил это сразу, едва вышел на дорогу. Звук был резкий и прыгучий. Днем звук терялся в крике галок, людском говоре и рокоте тракторов; а тут он ледышками выпрыгивал из-под валенок и, ударяясь о стены домов, отскакивал обратно.

«Скрумп-п, скрумп-п»,— словно капуста на зубах, хрустел снег.

«Умп, умп»,— отвечали ему избы.

Вовке стало немножко не по себе, и он свернул на обочину. Снег там был помягче, и под подошвами лишь тихо, умиротворенно похрумкивало. Иногда нога ступала мягко и совершенно бесшумно. Это попадались клочки сена.

Клочки на обочине оставались после колхозных тракторов, которые возили сено с лугов на ферму. Возили сразу целыми стогами.

Вовка видел, как трактористы обматывали стог стальным тросом и прикрепляли трос к трактору. Трактор трогался, глубоко вспарывая снег блестящими лентами гусениц, и стог плыл следом.

Ребята поджидали трактора с сеном возле школьных ворот. Гурьбой цеплялись они за стог сзади, и трактор тащил их вместе с сеном до поворота на ферму.

Обычно трактора ходили допоздна, и, даже засыпая, Вовка, бывало, слышал их тяжелый, так что подрагивал пол в избе, мерный гул. Но в этот вечер тракторов на улице не было. Даже свет в окнах горел не везде.

Вовка поднял голову и посмотрел на небо. Оно было черным, как мамин праздничный бархатный пиджак. Луны не было, но зато, словно россыпь мелкой манной крупы на полке шкафа, сияли звезды.

Вовка осмотрелся и отыскал созвездие Большой Медведицы. Его показал папа. Вовка вообще-то и раньше слыхал и про Медведиц — Большую и Малую,— и про Полярную звезду, но только так, слыхал, и все. А уж сейчас — фигушки, он и в глухой тайге не заблудится.

И спасет его Полярная звезда — первый друг и помощник всех путешественников. Она как большой осевой гвоздь у ветряной трещотки на крыше избы. Звезда — гвоздь, а вертушка флюгера — это все небо. Потому что точно так же, как и вертушка на гвозде, все небо крутится вокруг Полярной звезды.

Если встать лицом к ней, то там будет север. Слева окажется запад, справа восток, а позади юг. Ну а когда человек знает, в которой стороне север, в которой юг, а в которой восток, то домой ему выйти пара пустяков. Даже из самого топкого болота.

Так сказал папа, а папе Вовка верил больше всего на свете.

Большая Медведица висела над правой половиной дороги слегка накренившись. Так что если ковш ее и был полон, немножко из него выплеснулось.

Как учил папа, Вовка продолжил переднюю стенку ковша, пока она не уперлась в яркую большую звезду.

Звезда была и вправду ярче и больше других. Как если бы на полке шкафа среди манной мелочи лежало бы одно гречневое зернышко.

Это и была Полярная звезда. Она стояла прямо над дорогой. Вовка шагами вымерил середину улицы и положил вместо метки клочок сена. Он ступил на сено, примерился и пошел прямо на звезду. И словно бы отмяк снег. Он уже не так зло визжал под подошвами, и вообще идти стало веселее.

До дому оставалось немного. Вовка видел яркие квадраты окон на кухне. В одном из них, там, где стоял дедов табурет, маячила тень. Стало понятно,

что дед дома. Сидит на своем любимом табурете и ужинает.

Вовка представил, как дед зачерпывает из миски густой суп с желтыми копейками жира и острыми черными перчинками. Как дует он на ложку сквозь толстые усы. Представил так отчетливо, что ощутил густой наваристый запах. Даже в животе буркнуло.

И Вовка поскорее представил рядом с дедом за кухонным столом и себя. Как будто он уже вымыл руки и сидит на лавке с ложкой в руке. Ноги сами тише пошли, так отчетливо представилась кухня.

И тут Вовка увидел собаку.

Что и говорить, собаки в селе не в диковинку. Они жили почти в каждом дворе, и практически всех их Вовка знал по именам и не боялся.

Собаки тоже узнавали Вовку. Одни из них сразу начинали вилять хвостом и бежали навстречу. Это те, которые любили. Другие Вовку не любили. Они лаяли, и Вовка обходил их стороной. Но ни те, ни другие не оставались равнодушными. Даже большие охотничьи псы старика Пугачева.

Пугачев жил на дальнем конце села, где проходил тракт. Вовке туда ходить запрещали, и потому пугачевских псов он видел редко. Но и они при встрече пару раз взмахивали хвостами.

А эта собака была какая-то странная. Такой в селе раньше не встречалось. Она по-хозяйски, спокойно сидела на дороге против ворот Вовкиного дома. Лампочка в фонаре над воротами не горела, и собака в тени казалась особенно крупной, серой и большеголовой.

По инерции Вовка проплелся еще немного и остановился. Идти дальше было страшновато. Собака-то чужая, поди пойми, что у нее на уме.

«Надо подождать,— решил Вовка,— не век же она будет тут сидеть. Надоест когда-нибудь».

На кухне окна погасли и зажглись в комнате. Значит, дедушка уже поужинал. Наверное, сел в комнате на диван, надел очки с бельевой резинкой вместо одной дужки и читает газету. А бабушка вяжет за столом. А может, тоже читает.

Дом был совсем рядом. Пожалуй, если громко крикнуть, то и услышат. Но кричать Вовка не стал. Чего кричать из-за какой-то собаки!

Собака даже не пошевелилась за то время, пока Вовка перед ней топтался. Сидела себе спокойненько перед воротами и словно бы кого-то поджидала. От этой мысли мальчишке стало неуютно. Вовка решил вернуться в школу и подождать маму.

Под фонарем у школьных ворот собака уже не казалась такой странной. Форточки в окнах школы были распахнуты. Оттуда валил розовый пар и слышались голоса. По тракту один за другим прогремели три грузовика и тихо прокатил рейсовый автобус. Вовка совсем успокоился и, решив, что собака убежала, снова направился к дому.

На этот раз он заметил собаку издали. Еще от Карасевых. Вовка подумал зайти переждать к ним. Он подошел к калитке, потянул за кольцо, но дверь не поддалась. Ворота были закрыты на засов. Вовка постучал тяжелым кольцом в дверь, прислушался, но никто не отозвался.

Вовка хотел постучать в окно, но так и не смог придумать причины посещения. А сказать правду... Вовка представил, как завтра рыжие братья Караси будут врать, будто Вовка испугался какого-то щенка.

Наврут с три короба, насмешат всех, а он будет стоять, молчать и краснеть. И ведь не докажешь, что

врут. Перекричат братья. Их трое, а он один. Вовка представил это позорище и осторожно слез с заборчика.

Напротив Карасевых, через дорогу, в маленькой избенке жила бабушка Ионовна. Свет у нее в окнах не горел. Но Ионовна была очень стара. Электричества она боялась и свет включала редко.

Двора с высокой оградой и широкими воротами, как у Карасевых или у Вовкиного дома, Ионовнин домишко не имел. Потому Вовка, единым духом перемахнув улицу, вскочил сразу на крыльцо.

Он ткнулся плечом в дверь, но та не поддалась. Ткнулся еще, постучал кулаком, прислушался. За дверью в сенях, как и во всем доме, таилась тишина. Вовка подергал дверь за ручку, и она отозвалась глухим лязганьем. Только теперь заметил он большой замок, продетый в кольца. Вовка дернул за ручку еще раз. Замок качнулся, лязгнул по кольцам и гулко ударил в дверь.

Вовка прислонился к перилам крыльца. В доме у Карасевых окна светились голубым. Там смотрели телевизор. Чуть дальше, по той же Карасевской стороне, стояли еще два дома. В их окнах совсем не было света.

По этой стороне до самого Вовкиного дома тянулись огороды. Сначала маленький — бабушки Ионовны, потом, через забор, большой — Вовкиных родителей. А уже за огородом — Вовкин дом. Там все так же светились окна в комнате. Собаки на дороге не было. Вовка решил идти прямо домой. Да и впрямь, чего ее бояться, собаки-то? Не съест же она его. А если и схватит за валенок, так он ее палкой, палкой!

Вовка осмотрелся. Палка была тут как тут. Стояла в углу возле двери. С этим посошком старая Ионовна бродила по улице.

Батожок был гладкий, до блеска отполированный старушечьими руками, и это придало Вовке уверенности. Словно бы сама Ионовна стояла рядом.

Собака появилась, когда Вовка пробежал забор между огородами. Она вышла из-за сарая и остановилась. Положительно это была очень странная собака, и, пожалуй, Вовка не зря ее боялся. Она стояла не шелохнувшись, словно нарисованная, и в упор смотрела на Вовку. Не шевелились ни острые уши, ни провисший поленом хвост. Только в глазах теплились зеленые огоньки.

И тут Вовка понял, что страхи его были совсем не пустыми. Что это вовсе никакая не собака, а самый настоящий волк. От догадки сразу вдруг замерзли плечи и ноги стали мягкими. Вовка бы, наверное, тут и уселся, если бы не бабкин посошок.

Первым желанием было кинуться назад, в школу, к маме. Но тут Вовка вспомнил, что бежать ни в коем случае нельзя. Так говорил папа. Нельзя показывать зверю свою боязнь, говорил он. Зверь никогда не нападет на того, кто сильнее его. Но если почувствует твои страх и слабость — пиши пропало. Так говорил папа, а папа знает все.

И еще нельзя отводить взгляда. Нужно смотреть зверю прямо в глаза. Любой зверь боится человеческих глаз. Это тоже Вовка знал твердо. Вот только кто говорил, не помнил.

Вовка отступил на шаг, второй, пятый. Зверь стоял неподвижно. О том, что это не статуя, а живой волк, можно было догадаться лишь по облачку пара возле черной бульбочки носа да огонькам в глазах.

Не отрывая от волка взгляда, Вовка допятился почти до Ионовниного огорода. Все это время волк не шевелился. Вовка постоял немного, сурово хмуря брови и решительно глядя на волчью морду. Поглядев достаточно, чтоб внушить хищнику почтение и робость, он твердо повернулся и медленно направился по дороге.

Сейчас уже мерзли не только плечи. Спину и руки до локтей, даже живот, стянуло холодными противными пупырышками. Хотелось закричать во весь голос, броситься по дороге и бежать, бежать что есть сил. Но Вовка сдерживал себя и ступал нарочно медленно.

Со стороны могло бы показаться, будто идет мальчишка, идет себе, не торопится. И никого не боится. Это уж точно. Вон как прочно ставит ногу! А то, что голову втянул в воротник и спина прямая, словно кол проглотил, так это сзади и незаметно.

Вовка оглянулся. То, что он увидал, ошеломило. Волк, оказывается, бежал следом. Как будто он, волк, его, Вовки, совершенно не боялся.

Вовка остановился. Волк тоже. Вовка повернулся. Волк сел. Вовка шагнул навстречу — волк вскочил, но не убежал.

Вовка понял, что волк его и вправду не боится. И что спиной к нему поворачиваться нельзя. А задом далеко не уйдешь. Обязательно где-нибудь споткнешься, и тогда... Что будет после, было страшно и подумать.

Вовка глянул на Большую Медведицу. Ковш ее накренился еще сильнее. Так что если в нем что и было, то осталось только наполовину. Полярная звезда висела прямо над волком. Холодная и далекая, она отливала зеленью и казалась третьим волчьим глазом. Помощи от нее ждать было бесполезно.

В отчаянии и обиде Вовка закричал. Но крик застрял в горле, а наружу выполз какой-то сиплый хрип. Конечно же, никто, кроме волка, не услыхал на пустой холодной улице этого сипения. Тем более не мог его услышать дед за толстыми стенами избы.

Вовка осознал, что он совсем один и надеяться ему не на кого. Не на звезду же в самом деле.

Неожиданно для себя он поднял палку и шагнул к волку. И волк отпрыгнул назад! Он все-таки боялся больше, чем Вовка!

Тогда Вовка побежал. Он бежал на волка и грозил ему батожком. А волк, волк трусил впереди, и хвост его прилип к брюху.

Так они пробежали последний фонарь. До тропки к воротам оставалось шагов двадцать. Но свет лампочки туда едва достигал.

Чем дальше от фонаря, тем было темнее. Тем меньше оставалось у Вовки уверенности. Словно чувствуя это, волк бежал все медленнее и чаще оглядывался.

Вовка остановился на повороте. Здесь он должен был свернуть к воротам и показать спину. Тотчас же остановился и волк. Он повернулся и снова уставился тяжелым, немигающим взглядом, словно бы примериваясь, как поудобнее Вовку цапнуть.

Их разделяло шагов десять, и Вовке казалось, что он чувствует зверя. Ощущает то напряжение,

с которым волк ждет какого-то одному ему известного момента.

И тут Вовка абсолютно неожиданно для самого себя резко вскинул Ионовнин посошок, словно это была не мирная старушечья подпорка, а настоящее грозное ружье. Вскинул, как вскидывают к плечу винтовку, и громко крикнул: «Ба-бах!»

Волка будто огрели плетью. Он сиганул с дороги в снег, а Вовка пчелкой влетел в калитку ворот. Краем глаза он успел заметить длинную серую тень, вынырнувшую сбоку, из-за сарая, но уже громыхнула щеколдой калитка, а за ней бухнула дверь сеней.

— Деда, волки! — крикнул Вовка и, теряя валенки, помогая руками на узких крутых ступеньках лестницы, взлетел на печь. Только здесь, на горячих кирпичах, в душном закутке, где уютно пахло овечьей шерстью и сухарями, он мог чувствовать себя спокойно.

— Откуда им взяться, волкам-то? — рассмеялся дед.— Последнего с Пугачевым еще о прошлом годе подшибли. Собака, наверное.

— Волки, деда, волки! Не сомневайся! — Сердце мышонком трепыхалось под самым языком, и говорить Вовке было трудно.

— Да сходи ты, старый, посмотри. Даже если и собака, глянь, как ребенок перепугался,— вмешалась бабушка.

Дед пошуршал газетой, встал, надел валенки и снял со стены ружье. Он постоял немного, подумал и выдернул из патронташа два патрона. Слышно было, как проскрипели доски мостков от сеней до ворот, дзенькнули стекла в окнах от близкого выстрела.

Вовка полез с печи.

Пока вернулся дед, он успел раздеться и сидел на диване с котом Кузькой. Так же молча дед повесил ружье, снял валенки и сел рядом.

— Убил волка? А, деда, чего стрелял-то? — потянул его за рукав Вовка.

— Чего молчишь, старый? Кого стрелял? — вступила и бабушка.— Небось опять пугачевские кобели отвязались?

— Да нет.— Дед взял Вовку на колени.— Волки были.

— Убил? — выдохнул Вовка.— Неужто промазал?

— Ушли, не дождались. В воздух стрелял, для острастки.

— Почем тогда знаешь, что волки? — съехидничала бабушка.

— Волки ушли, следы остались,— усмехнулся дед.— Четыре штуки было. Трое за сараем в засаде, а один на дороге заманивал.

У бабушки в руках звякнули спицы. Клубок упал с коленей и покатился по половику. Кузька спрыгнул с дивана, оседлал клубок и уехал на нем в кухню.

Вовка прижался к деду. От его свитера сладко пахло пороховой гарью и ружейным маслом.

— Как же это ты, как умудрился, Вовка, ты наш, морковка,— приговаривал дед, гладя Вовку по голове. Шершавая дедова ладонь дрожала, и Вовка снова увидел холодную и злую звезду.

Только тут к нему пришла мысль, что ворота дома могли быть заперты на засов. Как у Карасевых.

И Вовка заплакал.

КУПОВА СОНЯ «У ЛУКОМОРЬЯ» 12 лет

Интересно, как бы ты поступил, прочитав вот такое объявление: «Издательство «Детская библиотека» приглашает на работу прозаиков, поэтов, типографов, полиграфистов, редакторов, рецензентов, корректоров, корреспондентов, журналистов в возрасте от 3 до 17 лет. Гонорары и зарплата не выплачиваются. Гарантируется солнечный микроклимат, новые друзья, раскрытие талантов»?

Пока ты размышляешь, расскажу, что получилось у читателей московской детской библиотеки № 3 имени Ломоносова. Именно там, в доме № 4 по улице Чехова, 18 ноября 1989 года открылось новое издательство.

Юные издатели собирались по субботам, приносили свои стихи, прозу, все вместе решали, кого издавать. Оказалось, что издать книгу не так-то просто. Текст — это еще не все. Хотя и сам текст доставляет немало хлопот не только автору, но и рецензенту, редактору, корректору. В издательстве — эра рукописной книги, поэтому текст необходимо аккуратненько переписать, не наделав при этом ошибок, проиллюстрировать, сброшюровать страницы. Всякая уважающая себя книга должна иметь не только обложку, но и титульный лист с указанием названия, сведений об авторе, иллюстраторе, месте и годе издания (если есть необходимость, можно написать предисловие, вступительную статью). Сколько вариантов формы книги можно придумать! Но будьте осторожны: все зависит от содержания и назначения книги.

Издатели «Детской библиотеки» уже выпустили около двадцати книжек, разных по форме (есть даже круглые, с открывающимися окошечками) и по содержанию: сборники стихов, комиксы, рассказы с продолжением. Сейчас самые интересные из них отправились за границу в далекое морское путешествие, которое нашему «Кораблику» не под силу: когда книжки вернутся, непременно побывают в кают-компании «Кораблика». А пока у нас на борту — новые стихи, которые собирается издавать «Детская библиотека».

Надежда ШАВЫРКИНА,
директор детской библиотеки имени М. Ломоносова.

Володя Титенков

Новогодняя фантазия

Тянет тягач елочку из леса,
Елка упирается,
Вырваться старается.
Все зверушки разбежались —
Гула испугались.
Если б не моторы,
Они бы помогли:
Елочку из леса
На санках привезли!

Володя Миронов

Прощание с деревней

Рано утром солнышко
Красное встает.
Петушок на крыше
Песенку поет.

Но уж этой песенки
Не услышать мне:
Не поют ведь песенок
Петушки в Москве.

Ожившая церковь

Как раньше было здесь красиво —
Ведь раньше церковь тут жила!
Теперь, заросшая крапивой,
Она как будто умерла.

И вот решили: вместо церкви
Построить школу для детей.
Не допустило этой жертвы
Большое множество людей.

Решили церковку поднять
И стали раны заживлять.

Вот стала церквушка жива,
Сияет златом голова,
И ходят люди на поклон
Под колокольный звон.

Как раньше...

Володя Титенков, Вася Козлов

Белые стихи

Под моей ногою
Стелется ковер.
Бел, как простыня,
Новогодний снег.
Стелется на крышах
Белым одеялом —
Кто-нибудь попробуйте
Полежать под ним!

Катя Розина

Осенний дождик

Мелкий дождик пробежался,
Да мороза испугался.
Оттого-то все капели
До одной заледенели.

Воробышек

В дали лесной, в кустах рябины
Сидел воробышек больной.
Со мной он познакомился весной.
В его воображеньи
Я с ним сейчас. Он не один.
Он крылышки больные опустил
И, встав на лапки, тихо загрустил.
Но я его не брошу. Я найду его.
Возьму в ладони друга своего.
Дохну на крылышки, теплом согрею их.

Тепла нам хватит на двоих.

Немало увлекательных и опасных приключений выпало на долю дельфинов Тристана и Генри, военнослужащих одной из западных держав, дельфинихи Павловой и мальчика Микко, чьим домом стала русская военная база. Несмотря на то, что у них разные начальники, нередко готовящие козни друг другу, дельфины и Микко — большие друзья и всегда готовы прийти на помощь тем, кто борется против бандита Красавчика Джимми и диктатора Фурникуле.

Чего только не случается в море с нашими героями! И хоть они многое умеют, не всегда все удается предвидеть. Поэтому и переживает инструктор боевых дельфинов котик Моржов, когда провожает в море своих подопечных.

Эдуард УСПЕНСКИЙ

ГОРОД на дне моря

Рисунки П. СЕВЕРЦОВА.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Тем, кто не любит смеяться, орать, подпрыгивать в такт музыке, петь, подпевать, играть на гитаре, рояле, табурете и кастрюле, дальше НЕ ЧИТАТЬ!

Закрыть глаза и не смотреть ни в коем случае, так как сегодня мы приглашаем всех остальных принять участие в конкурсе на САМУЮ ВЕСЕЛУЮ ШКОЛЬНУЮ ЧАСТУШКУ.

Желательно присылать только тексты, поскольку, как мы знаем, частушки поются повсюду на один и тот же мотив. Но если вам известна какая-то необычная по мелодии частушка, можете прислать и ноты. Мы тогда вначале в редакции сыграем (благо у нас есть пианино) и споем, а потом решим, стоит печатать или нет.

Обещаем держать всех читателей в курсе того, что будет происходить на конкурсе. А победителей, конечно же, ждут призы.

Ведущий «Сатирикончика».

ЭТО НАДО ЖЕ!..

Марина **ВИШНЕВЕЦКАЯ**

АЙ-АЙ-АЙ!

Перелетев на сосну, Дятел на миг приложил ухо к стволу и принялся привычно выстукивать его. Из-под коры вдруг донеслось:

— Кто там?

— Это я, Дятел,— удивленно ответил Дятел.

— А кто нужен? — спросил тот же голосок.

— Мне? Короед.

— Его нет дома.

— С... с кем же я говорю?

— С его женой.

— А-а,— кивнул Дятел и снова стал долбить.

— Нет, вы подумайте! Ему говорят: мужа нет! А он ломится!

Тоненький и негромкий голосок этот тем не менее всколыхнул всю округу.

Из листвы тут же высунулись Пеночка, Иволга, Сойка, Воробей, и все они дружно заявили Дятлу:

— О-ля-ля!

— Ай-яй-яй!

— Тц-т-цтц!

— Хох-ох-хох!

Дятел растерянно опустил голову, и его длинный клюв вновь уперся в ствол: тук!

— Мужа нет! — гневно отозвалась Короедка.

— А когда я смогу его застать? — смущенно промямлил Дятел.

— Попробуйте завтра.

Птицы многозначительно переглянулись.

На другой день, когда Дятел начал вновь выстукивать сосну, из листвы за ним уже следила дюжина глаз.

— Вам кого? — воскликнул тот же тоненький голосок.

— Мне — Короеда,— промямлил дятел, но тут же спохватился:— Или Короедку.

— Она больше здесь не живет! — беззастенчиво заявил знакомый голосок.

— Разве? Почему?

— И вы еще спрашиваете! После всего, что вы нам причинили!

На птиц, притаившихся в листве, эти слова произвели большое впечатление.

А потому весь день до заката они летали за Дятлом следом. Стоило ему хоть раз ударить по какому-нибудь стволу, птицы тут же принимались вздыхать и цокать:

— Ай-яй-яй!

— Хох-ох-хох!

— Тц-т-цтц!

В сумерках Дятел достиг опушки. С голодной тоской посмотрел на своих преследователей, попытался поймать муху, не смог и полетел прочь — за реку и холмы, к горизонту.

Долго-долго после этой истории птицы хвалили друг друга за принципиальность, мудрость и добропорядочность:

— Вот так-так!

— Ай да мы!

— О, ля-ля!

Радостный гвалт еще стоял над лесом, когда одно за другим стали рушиться на землю деревья, превращаясь в груды трухи.

Вжик, вжик, вжик!

Тим. СОБАКИН

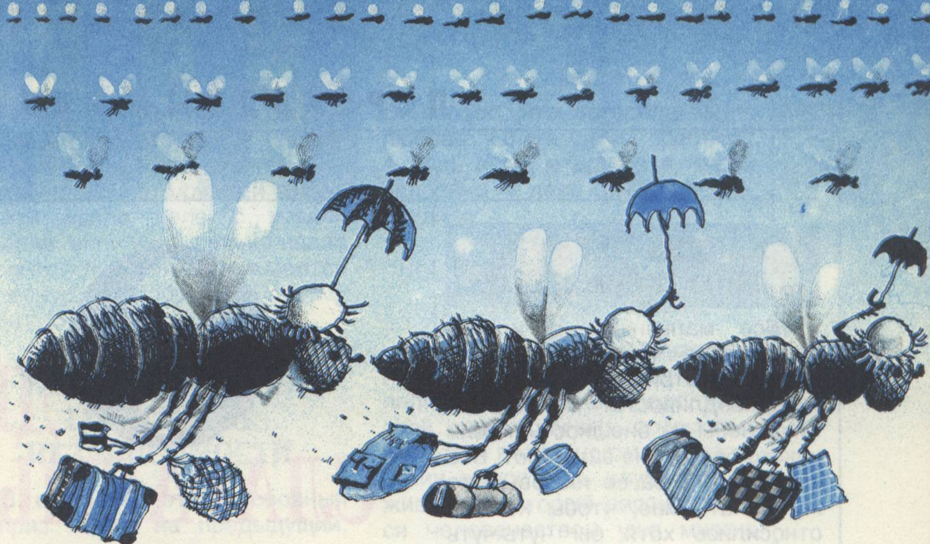
Перелетные мухи

Падаёт снег,
будто пух...
В воздухе вижу я стаю
проголодавшихся мух —
мухи на юг улетают.

Мухи покинули вдруг
комнаты,
кухни
и спальни —
и полетели на юг,
где кипарисы и пальмы.

Очаровательный юг!
Всюду белеют панамы.
Нет ни морозов,
ни вьюг —
есть виноград
и бананы.

Выправив тело и дух,
вспомнив ромашку и клевер,
стаи упитанных мух
вновь отлетают на север,
чтобы,
тревожа досуг,
нежно жужжать возле у х о в,
чтобы маханием рук
мы отбивались от м у х о в.

Из переписки с коровой

«Здравствуйте, тетя Корова!
Хоть Ваша жизнь нелегка,
Вы постоянно готовы
Родине дать молока.
Я без коровы скучаю —
вот навестить бы мне Вас!
Вместе бы выпили чаю,
вместе сплясали бы вальс...»

* * *

«Здравствуйте, дядя Собакин!
Пусть я живу нелегко,
только сумеет не всякий
Родине дать молоко!

Вы приходите к сараю —
чаем я Вас напою,
на барабане сыграю,
звонкую песню спою...»

Подарок

Я пил компот ананасовый.
Но вдруг
постучали в дверь...
Вошла Корова холодная
в распахнутом настежь пальто,
которое было без пуговиц.
Корова дрожала, как лист,
она ведь иголку с ниткою
в копытах держать
не могла.

И я привязывал пуговицы
веревками —
как умел,
хотя привязывать пуговицы
я никогда не умел.

Корова стояла голодная
и жадно глядела на стол.
Я вытащил из холодильника
свежего сена стог.

Ушла Корова усталая,
рогами кивнув слегка...
И мне в подарок оставила
полный стакан молока.

Рисунки А. МАРТЫНОВА.

О двух слагаемых любви и семи капризах

Люди, влюбившиеся в отрочестве, обычно захвачены не столько объектом своей симпатии, сколько сомнениями: действительно ли чувство, которое они испытывают, является любовью?

То, что названо здесь «капризами», на самом деле очень серьезные проблемы. Каждый из таких «капризов» всегда имеет далеко идущие драматические последствия.

КАПРИЗ ПЕРВЫЙ. САМОУТВЕРЖДЕНИЕ

«Все мальчишки в классе влюблены в Лену, а на меня никто не смотрит. Почему такая несправедливость? Я тоже не хуже Лены на внешность. А они никого больше не замечают. Все соревнуются за ее любовь. Что же делать мне, чтобы ко мне относились хотя бы чуть-чуть так же? Катя, 13 лет».

Скорее всего повальная влюбленность в этом классе — не любовь, а желание самоутвердиться за счет Лены. Добьется, допустим, кто-то из мальчишек благосклонного внимания девочки, и все. Как в тяжелой атлетике: поднял штангу, подержал над головой несколько мгновений и бросил. Вес взят. Иначе говоря, к объекту обожания в этом случае относятся, как к штанге. Но так хочется, чтобы и на тебя хоть кто-то обратил внимание, что позавидуешь даже штанге.

КАПРИЗ ВТОРОЙ. ЭКСПЕРИМЕНТ

«Я очень любила его. Но он сказал, что согласится на дружбу со мной, если я вступлю с ним в половой контакт. Я согласилась. Теперь я беременна. Что мне делать? Помогите! Оля, 13 лет».

Это похоже скорее на эксперимент под прикрытием любви, чем на действительную любовь. Когда в науке ученый экспериментирует на самом себе, это называется подвигом. Но ученый, рискуя, делает открытие. Здесь же ничего принципиально нового открыто не было. То, что после такого «экспериментального» полового контакта девочки-экспериментаторы становятся беременными, а мальчики-экспериментаторы резко теряют к ним всяческий интерес, подтверждалось уже не раз, о чем свидетельствуют многие ваши письма. Так что второй отроческий «каприз», маскирующийся под взрослую любовь, именуется «Экспериментом».

КАПРИЗ ТРЕТИЙ. ЛЮБОПЫТСТВО

Любопытство очень похоже на эксперимент, но несколько отличается от него.

«Я любила Сережу уже как целый месяц. Однажды решила пойти на встречу с ним вместе с подругой. А Сережа тоже пришел с приятелем. Мне приятель сразу понравился. Я теперь не знаю, кого и люблю. Ведь и Сережа не выходит у меня из головы. Помогите разобраться. Таня, 15 лет».

Писем с подобными ситуациями — море. И еще большее море любопытства к противоположному полу бушует в душе взрослеющего человека. Конечно, никакими рассказами любопытство не удовлетворишь. Дружить, общаться друг с другом — это единственный выход из положения, что Таня с успехом и делает. Вот только стоит ли называть свое любопытство любовью?

КАПРИЗ ЧЕТВЕРТЫЙ. РАЗМИНКА ЧУВСТВ

«В нашем классе все парни в кого-нибудь влюблены. И я чувствую, что мне тоже стоило бы влюбиться. Я поглядываю на одну девчонку из нашего двора, но она не смотрит на меня. Что мне делать? Алексей, 14 лет».

Стремление не отстать, желание оказаться не хуже других, быть, как все, действует в отрочестве на каждого человека со страшной силой. Эта сила настолько велика, что ее, если дело касается всеобщей жажды влюбляться, можно смешать и с любовью. «Не отстать» — это некоторая разминка своих чувств. Хотя нередко переживать такую разминку приходится серьезно.

КАПРИЗ ПЯТЫЙ. КОГДА ХОЧЕТСЯ НАРУШИТЬ ЗАПРЕТ

«У меня очень строгие родители. Они запрещают мне встречаться с Владиком. Он старше меня на целых три года. Я встречалась с ним просто так. А мама увидела случайно нас и запретила настрого. Но я теперь назло буду с ним встречаться. Мне он даже стал больше нравиться. Может быть, это любовь? Марина, 14 лет».

Может, конечно, и любовь. Но очень уж сильно это чувство связано с родительским запретом. Создается впечатление, что если бы мама не запретила дочке дружить с Владиком, то и чувство у Марины бы не окрепло. Родительские запреты, всяческие «нельзя» так иногда мучают, что можно и замуж выйти назло папе с мамой. Правда, если жить только назло кому-то, то жизнь оказывается чересчур недоброй. Поэтому стоит ли горячиться?

КАПРИЗ ШЕСТОЙ. ЗАВОЕВАНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

В общем-то этот любовный каприз похож на предыдущий, но...

«Я влюбилась в Алексея почти два месяца тому назад. Мы ходим вместе. Он честный и порядочный парень. Для меня главное, что я с ним чувствую себя совершенно самостоятельно. Но меня все дергают. Родители, учителя, подруги. То нельзя, это нельзя. Туда не ходи. Этого не делай. Учителя орут. Родители из дома не выпускают. Подруги сплетничают и все врут про меня. А он такой тихий. Делает все, что я ему говорю. С ним я себя ощущаю самостоятельной и взрослой, но никто не понимает, как это важно для меня. Антонина, 14 лет».

Возникает вопрос, что Тоня больше любит: свою независимость или Алексея? Не буду отвечать на него. Самостоятельные люди должны делать самостоятельные выводы.

КАПРИЗ СЕДЬМОЙ. ЛЮБОВЬ КАК ВОПРОС ПРЕСТИЖА

Престиж — это влияние, уважение, которым пользуется человек.

«Мы ходили с Олегом весь восьмой класс. У нас были очень чистые отношения. Все девочки относились ко мне с уважением. Мальчишки тоже совершенно не смеялись над нами. У меня был авторитет в классе, потому что у меня была любовь. А теперь Олег сказал, что ему все это надоело. Что мне теперь делать, ведь все надо мной будут смеяться? Лида, 15 лет».

Трудно, конечно, ответить, что теперь делать. Единственное, чего делать не надо, так это усиленно ждать насмешек. Ведь если мы чего-то очень сильно боимся, то именно это (в данном случае насмешки) может с нами и случиться. Остается вопрос, что потеряла Лида: любовь Олега или престиж? А ведь и то, и другое в жизни человека — дело отнюдь не последнее.

ДВА ПЕРВЫХ СЛАГАЕМЫХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Самой первой, изначальной причиной возникновения любви является желание продолжить свой род, получить потомство. Из этой потребности впоследствии вырос весь клубок переживаний, который распутывается человечеством уже многие тысячелетия.

Одно слагаемое любви — желание иметь собственного ребенка. Другое — тяга к очень доверительному, интимному, близкому общению с человеком другого пола, готовность открыться ему в самом сокровенном, в самом тайном и секретном.

Если к этим двум взаимным желаниям двух людей не примешивается ни один из семи отроческих любовных капризов, то чувство, которое эти люди испытывают друг к другу, действительно очень близко к настоящей любви. Но в отрочестве, как правило, искренне и доверительно общаться, откровенничать хочется с одним человеком, целоваться или даже быть в интимной близости — с другим, а находиться в одной компании — с третьим. Что же касается потребности в собственных детях... О ней в отрочестве както даже и не хочется серьезно задуматься, не правда ли?

А вот перечисленные семь любовных отроческих капризов властно заявляют о себе. Разве не так?

ТОЛЬКО ДЛЯ ВАШИХ РОДИТЕЛЕЙ

Если вы еще не рассказали сыну или дочери историю своей любви, благодаря которой ваш ребенок родился на свет, то сейчас, в период его первых отроческих влюбленностей, настало время это сделать. Авторитет ваш не только не пошатнется, но по-новому окрепнет. А вопросы, которые неизбежно задаст вам ваш юный слушатель, быть может, заставят вас несколько иначе взглянуть на свою собственную жизнь.

Герман Игоревич МАРАСАНОВ, психолог.

Фотография А. КРУПНИКОВА.

ИДЕЯ НАШЕГО ГОСТЯ

(Продолжение. Начало в № 12 за 1990 год).

Ребята! В № 12 за 1990 год «Факт» вел серьезный разговор об анекдотах с писателем Эдуардом Успенским. В новом году мы возвращаемся к этой теме. Слово ведущему «ФАКТ»а Андрею Муханову.

Давайте веселиться на всю катушку!

Хотя наша рубрика называется «Идея нашего гостя», мне самому пришлось походить по гостям. Может быть, Новый год виноват?.. Уже, как вам известно, был я у писателя Успенского, а потом явился к журналисту Владу Васюхину — ведущему передач «Игрофон» и «Вертикаль» в детской редакции Всесоюзного радио.

В «Игрофоне» Влад придумал раздел «Мой любимый анекдот». Стоит ли говорить, что на его рабочем столе вырос Эверест из ваших писем? Вот уж посмеялся Влад вдосталь! А самые удачные анекдоты прочитал в нескольких выпусках «Игрофона». В общем, именно он знает, какие анекдоты наиболее популярны сейчас у ребят.

— Скажи мне, Влад, смех — это хорошо? — начал я свое «гостевое» интервью.

— Это здорово! Жизнь у нас сейчас такая — обхохочешься... Но, к сожалению, лица моих соотечественников редко озаряются улыбкой: в очередях, например, не смеются — ругаются. Я боюсь, как бы через несколько лет Советский Союз не занесли в Книгу рекордов Гиннесса как самую угрюмую страну мира. Во всяком случае, наш «Игрофон» старается изо всех сил, чтобы новое поколение выбирало юмор!

— А расскажи несколько анекдотов, например, про Чебурашку? (Интересно — переплюнет ли Влад Успенского?)

— Можно я расскажу «бородатый» анекдот про апельсины?

«Приходит Чебурашка к крокодилу Гене: «Гена, пришла посылка, там десять апельсинов, каждому по семь».— «Как по семь? Всего же десять...» — «Ген, ты как хочешь, а я свои семь уже съел...»

— У тебя, Влад, наверное, школьная жизнь была веселой?

— В школе я был пионерским активистом, и мне хочется плакать, вспоминая время, потерянное на никому не нужные линейки и заседания совета дружины... Лучше я расскажу анекдот из нашей почты. «Корова лезет на березу. Береза: «Корова, ты зачем на меня лезешь?» Корова: «Яблоки есть!» Береза: «Так я же не яблоня». Корова: «А яблоки я с собой взяла!»

А вот еще анекдот, детсадовский. «Приезжает комиссия в детский сад, смотрит: все дети сидят с горшками на голове. Удивились члены комиссии, спрашивают у воспитателя: «Что случилось?» — «А это детки в Штирлица играют!» — «А почему горшки на голове?» — «Они под колпаком у Мюллера!..»

— Есть ли у тебя, Влад, дома животные? Львы, например...

— По зодиакальному гороскопу я сам Лев, а по восточному — Коза. Кстати, наступивший 1991 год — это мой год. Сейчас все поголовно увлекаются гороскопами, поэтому ваши читатели узнают обо мне по звездам больше, чем я расскажу... Животных, к сожалению, дома не держу. Вся полезная площадь занята в моем доме газетами и журналами. К тому же, если я заведу какую-нибудь зверюшку, придется меньше времени уделять любимой работе, а мне этого, ох, как не хочется... Понимаешь, Андрей, у меня масса недостатков, тяжелый характер, но мне почему-то многие завидуют: ах, ты всегда такой веселый! Господи, да вокруг столько сумрачных лиц, что если и я перестану улыбаться, пойдет дождь.

— Влад, а твоя идея? Не отвлекайся от главной мысли — «Идея нашего гостя».

— Где-то я прочитал, что в США проводится фестиваль... любителей чеснока! Вот бы придумать что-то подобное острое, вкусное, нетрадиционное и у нас? Надоели ведь пресные конкурсы красавиц, «два притопа, три прихлопа». Поэтому и мечтаю я сделать на радио и телевидении крутое развлекательное шоу для подростков. Давайте веселиться на всю катушку! Человек, смеющийся от души, не может быть злым, жадным, плохо учиться и делать пакости!

«ПАФ» № 1 этого года подготовили А. Черняховская, И. Андрианова, А. Муханов.

Рисунок А. ЕВГЕНЬЕВА.

Владимир АНИЩЕНКОВ

Каргопольская игрушечница

Многие века стоит на берегу реки Онеги прекрасный «град славный Каргополь». В летописи Спасо-Каргопольского монастыря писано, что чудские племена много разорения принесли мирным жителям. Не стерпел белозерский князь Вячеслав поругания родной земли, собрал дружину сильную и проучил обидчиков. А после возвращения из похода остановилась княжеская рать во поле на берегу Онеги, там, где река вытекает из озера былинного Лача. Поле это было покрыто воронами, «и как птица сия и поныне у простолюдинов именуется каргою, то и назвал князь оное Каргиным полем». Поставили здесь ратники острог-крепость «для удержания чуди в повиновении, стали заботиться об умножении нового населения». Было это в одна тысяча сто сорок шестом году. А два с лишним века спустя бились каргополы за землю русскую на Куликовом поле, и князь их Глеб Каргопольский стал одним из героев этой битвы.

В старину город славился обширными землями до самого Белого моря, самобытной культурой, торговлей, красотой же был он равен самым знатным городам России, с величественными белокаменными храмами, с крепкими высокими по-северному домами по набережью лесному, среди бескрайней широты Русского Севера, где небо такое открытое, что, кажется, весь белый свет возможно увидеть. Любуйся — не налюбуешься.

Заповедная Каргопольская земля — хранительница древней культуры, знаменита зодчеством изрядным, многими художествами и ремеслами. Гончарству здешнему насчитывают аж четыре тысячи лет. А там, где гончарство, там обычно и игрушечный промысел заводится. Вот об игрушке каргопольской, а вернее об одной только игрушечнице Ульяне Бабкиной, наш рассказ. Но почему же ей такая честь? Простая крестьянка, ничем с виду не примечательная, маленькая, сухонькая, разве что много общего в ней сыщется с нашими бабушками.

С малых лет сирота, да с младшей сестренкой на руках. Что и говорить, не сладкая жизнь. Тем и кормились, что игрушки глиняные делали на продажу, поскольку была Ульяна из семьи потомственного гончара и в наследство от родителей получила она не богатства, а игрушечное рукомесло, многовековое народное искусство.

Однако тяжелые, ой, тяжелые были те времена для рукодельников. Игрушки и те стали на станках штамповать, много и дешево, да только на одно лицо. Многие игрушечные промыслы тогда заглохли. И в Каргополе игрушечников становилось все меньше.

Одни угольки остались от промысла.

Не унималась лишь Ульяна. «Пока игрушки делаю — живу». Самая любимая из них — коровушка. Лепит Ульяна да приговаривает:

— Губы сделаю толстые, чтоб травку щипала, рот большой, чтоб весело мычала, реветь хочет, дак пускай ревит... Рога, словно два полумесяца. И вымечко полнехонько. У этой коровы молочка много — деткам на радость. Выкрашу ее бурой, а голова пусть светлой будет. Ножки почерню, копытца высветлю, на боках белые круги наведу, а в них

кресты алые. Красоху с крестом никто не достанет, эта корова знаменитая!

А следом и зайчик с гармошкой нарождается:

— Этот заюшка в лес ходил, цветочки рвал. Домой пришел веселый, вот и играет.

— А почему волк синий?

— Каким же его рисовать? Я по лесу иду, а он бегит мне навстречу. Поди-ка, шумлю, он и убег. Волк, знать, добрый был. Вот и крашу его синим. А этот черный. Он овечку ухватил, на плечо закинул и тащит. Я его прежде черным замарала, синей кистью звезды на спине навела — ночью ведь приходил разбойник.

Вот так лепила бабушка Ульяна игрушки под приговорки, а когда ребятишки соберутся вокруг нее, так и старину скажет наша сказительница. Тогда и игрушки другие вылепливаются — сказочный богатырь Полкан, олень «золотые рога», а там и сценки из жизни пойдут самые разные — пряха пряжу прядет, дровосек дрова рубит, а под праздник кадриль-плясовую пляшут парочки, баба полный поднос пирогов несет. И на каждую игрушку свой сказ.

Простое это кажется дело со стороны. А поди-ка попробуй. Сначала глину надо замесить, размять, чтобы ни одного камешка, ни комочка грубого не осталось, а была бы мягкая да лепкая. Возьмет тогда мастерица глину в руки, призадумается, а пальцы уже привычно вылепливают коня, либо любимую коровушку, или еще кого — не одну тысячу игрушек сотворили эти пальцы, огрубевшие от времени и от трудов. Выходят игрушки размером с Ульянину ладонь — округлые и мягкие по-домашнему. Тогда отправляет художница своих глиняных питомцев на верхнюю полку под потолком просыхать да знакомиться друг с дружкой. А через два дня приспеет время перебираться им в русскую печь на закалку. Как щи да каша поспеют, так и игрушкам пора вылезать — окрепли, можно наряжаться. Выбелит их Ульяна известкой с молоком, а как подсохнут, начнет расписывать. При этом долго не примеривается: какая краска притянет кисть, тою и одаривает. По игрушкам можно и думы ее, и настроение распознать. Даже время года на них видно. Весной цвета праздничные, много зелени, осенью золотистые, желтые да охристые, а зимой холодные — серые, черные.

Пришел черед узоры наводить, лица обозначивать. И здесь художница не раздумывает. Тычет, кажется, куда попало, а попадает как раз куда надо. Нос и рот обозначит на игрушке — и тоже у каждой свое настроение, свой характер. Словно детки, эти игрушки у Ульяны Ивановны. И жизнь у каждой из них своя. Которые ребятишкам в руки попадут на забаву, которым путь-дорога на выставки разные, даже заграничные, а которые в музеях приживутся.

С Ульяниных игрушек и началось возрождение старинного промысла. Учеников научила бобки-игрушки лепить, да односельчан, которые по тридцать лет не лепили, подзадорила снова взяться за глину. Ожил промысел. И пошла слава о каргопольской игрушке по всей земле, вслед за дымковской и филимоновской.

Не броская каргопольская игрушка, не кричит «Посмотрите, какая я», нет, а потихонечку, словно напевая, рассказывает она о красоте земли, породившей ее. О доброй и мудрой древней каргопольской земле.

Фотографии А. КРУПНИКОВА.

ВНИМАНИЕ, ЛЮБИТЕЛИ ФОТОГРАФИИ!

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР»
ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЛУЧШУЮ ФОТОРАБОТУ.
ТЕМА — «Я И МОИ ДРУЗЬЯ».

В конкурсе могут принять участие ребята в возрасте до 15 лет — и те, кто посещает кружки и студии, и те, кто занимается фотографией самостоятельно.

На конкурс принимаются черно-белые и цветные фотоснимки размером 18×24, а также цветные слайды.
Работы должны быть отправлены в редакцию не позднее 30 апреля 1991 года.
ПОБЕДИТЕЛЕЙ ЖДУТ ПРИЗЫ!
ЛУЧШИЕ РАБОТЫ
БУДУТ НАПЕЧАТАНЫ
В ЖУРНАЛЕ «ПИОНЕР».

Валентина ЩЕРБАКОВА

СУВЕНИР

Рисунки А. ОСТРОМЕНЦКОГО

Астравидео Центавра. Новости науки. Спецвыпуск.

...Кентавр, далекий наш предок, вымерший в глубокой древности, был, как известно, симбиозом живого разума и механической плоти. Не сохранилось, к сожалению, никаких изображений наших прародителей, внешний вид которых реконструирован учеными по дошедшим до нас легендам и мифам. И вот — сенсация! На дальней планете в системе Желтого Солнца обнаружены существа, чей облик и поведение до мельчайших деталей совпадают с реконструированным обликом кентавра! Всемирный совет ученых предполагает, что найдено важное подтверждение гипотезы вселенской экспансии жизни. Живое, распространившись во все уголки космоса, где-то выживало и совершенствовалось, достигая высших ступеней, в то время как в других регионах развитие было заторможено стабильностью условий окружающей среды. Очевидно, в таких регионах жизнь должна сохраняться в первозданном виде. Мы уверены, что с открытием живых кентавров завеса над прошлым нашей цивилизации чуть приподнимается. Вчера к Желтой звезде с целью изучения кентавров отправилась экспедиция ученых-историков. Пожелаем им успеха.

Старую черную кожаную куртку Санька выпросил у мамы, клятвенно заверив, что будет беречь эту реликвию, как честь смолоду, и никакими надписями и заклепками не испортит. Куртке было сто лет в обед, но мама, доставая ее из шкафа, медлила и вздыхала. Наверное, вспоминала, как двадцать лет назад на студенческой вечеринке молоденький, безумно стильный папа в этой самой куртке, тогда еще новенькой, хрустящей и блестящей, пригласил оробевшую маму на танец. Саньке-то эти сантименты до лампочки, куртка ему для дела нужна. За настоящую черную кожу любой уважающий себя рокер полжизни отдаст, не моргнет. Клепки и лейблы — это дело десятое, можно и без них, тем более что на шлеме он этими лейблами каждый квадратный сантиметр уклеил. И на бензобаке через трафарет нитрой написал «Night fantom» — очень гордое название, Генка перевел, это значит — «Призрак ночи». Санькин «Восход» — это, конечно, не Валеркина «Ява», но зато называется красиво. А ревет! За два квартала штукатурка с потолка падает. Так что рокер Алекс (так Санька сам себя окрестил) ничем не хуже собратьев своих по колесу, а прыгает на мотоцикле и восьмерки выделывает, что твой каскадер.

Астравидео Центавра. Новости науки. Спецвыпуск.

После сенсационного сообщения о находке в далекой системе Желтого Солнца зрители засыпали нас просьбами рассказать поподробней, что же именно обнаружено. Сейчас вы увидите запись, произведенную с борта патрульного астралета во время обследования планеты кентавров. Перед вами поверхность планеты, зонд расположен неподалеку от места прогулок кентавров. Разумная жизнь планеты представлена в довольно примитивных формах, наличие контактов с механизмами носит кратковременный характер. Это, как правило, одностороннее подчинение низшими мыслящими неразумных механизмов с целью выполнения общих транспортных функций на суше, в воздухе, в океанах. Подобные виды симбиоза достаточно распространены в обжитой части космоса и хорошо изучены. Ученые полагают, что кентавры, как новый биологический вид, возникли на этой планете относительно недавно, так как их популяции немногочисленны по сравнению с общей биомассой планеты, а появляются они только во время суток, соответствующее местной ночи... Вот волнующий момент! Вглядитесь! Прямо под зондом проносится, рыча, светящееся стадо! Это они! Их около двухсот. Как жаль, что зонд не может приблизиться к ним вплотную, не привлекая внимания. Но даже с такого расстояния видны отдельные особи. Как невыразимо прекрасен и благороден их облик! Сколько древней силы и юной грации! Воистину наши предки были красивейшей расой во вселенной...

Постовой регулировщик Алехин заступил на дежурство. Ночные смены он недолюбливал. Особенно если в ночь на воскресенье. Покоя никакого, движение плотное. Ну и рокеры, конечно. Вот и сегодня городские постовые передали, что обычная группа в двести ездоков выехала за город в северо-западном направлении. Значит, скоро будут здесь. Издали уже доносился, нарастая, слаженный рокот моторов. Вот грохочущая пестрая лавина пронеслась мимо.

Алехин только головой покачал. Останавливать и штрафовать за превышение скорости? Или за то, что прав нет? Ох-хо, он один, а их две сотни. Промелькнули патрульные машины автоинспекции. Они эту сумасшедшую колонну все равно сопровождают, разберутся.

Впереди, метрах в сорока от поста, три рокера затормозили у обочины. Ребята, переговариваясь, крутились около мотоциклов. Алехин не спеша подошел, козырнул.

— Нарушаем общественный порядок?

— Да ну! Катаемся просто.

— А если катаетесь, почему не со всеми?

— Так моторы же заглохли! — Невысокий рокер в куртке раздосадованно стянул с головы шлем.

— Все три заглохли? Странно...

— То-то и оно. Мой-то «Восход» еще понятно, но у Валерки-то «Ява», вещь безотказная, а тоже.

В этот миг мотоциклы двух приятелей невысокого рокера зафыркали. Он крутанул ручку, «Восход» послушно рыкнул, и вся троица сорвалась в темноту.

Аурл и Томт одновременно почувствовали радостное возбуждение, когда на экранах внешнего обзора увидели стадо. Космошлюп опустился неподалеку от места обычных ночных прогулок кентавров. Окруженный рассеивающим полем, он был неразличим для жителей планеты.

— Они! — Телепатический импульс Аурла нес благоговейный оттенок.

— Включаем паралазер.— Томт перевел рычажок прибора на одно деление: минимальная мощность, достаточная лишь для того, чтобы ненадолго остановить механическое сердце кентавра. Направленный на стадо луч зацепил отстающих. Три особи остановились у края тропы.

— Захватываем их, Аурл, скорее! — Томт горел азартом, как допотопный охотник за дичью.

— Нельзя. К ним движется другое существо, не кентавр, настроено явно враждебно. При захвате оно может попасть в садок вместе с кентаврами, а это дополнительный фактор угнетения психики.— Томт нетерпеливо вздохнул.

— Подождем следующего случая.

Постовой регулировщик Алехин продолжал нести службу. По ночному шоссе к городу катились рокеры. Алехин смотрел им вслед. Сегодня они ничего не вытворили. Значит, до конца дежурства можно дышать спокойно. Не доезжая до поста, три давешних рокера снова затормозили. Алехин слышал, как их

мотоциклы, закашлявшись, умолкли. Он хотел подойти — и не смог пошевельнуться, лишь остолбенело глядел издали, как из-за придорожных кустов вылетели еще два мотоциклиста. Впрочем, нет, они только похожи были на мотоциклистов, черные и блестящие головастые чудовища с огромными глазами и колесами в нижней части туловища. Они очертили кольцо вокруг рокеров на дороге, и словно плотная пелена опустилась сверху на ребят, укрыла их и подняла куда-то ввысь вместе с чудовищами.

— Аурл! — на всех диапазонах ликовал Томт.— Скорее! Не упускай их! Да сдвинь паралазер, фокус расширь, чтобы к ним никто не приблизился! Заходи справа! Включай захват-поле! Вот так! Взлетаем!

Сколько времени они находились в темном облаке, Санька определить не мог. Под ногами что-то мягко покачивалось, и это «что-то» было продолжением облака, а вовсе не привычным твердым битумом подмосковного шоссе. Дышалось, однако, легко, движений плотный туман не стеснял, хотя и перемещался куда-то, увлекая с собой недоумевающих рокеров. Затем движение и тряска прекратились, после слабого толчка темная пелена рассеялась. Друзья оказались внутри высокого прозрачного купола, как будто кто-то накрыл их громадной стеклянной полусферой. Снаружи, среди непонятных приборов сновали большеголовые существа, черная блестящая кожа — или одежда? — глаза навыкате. Они удивительно ловко раскатывали на трех колесах вместо ног.

Валерка и Генка оставили мотоциклы, подошли к стене, попробовали ее ладонями. Существа снаружи с интересом наблюдали. Санька тоже приблизился к стене, пнул ее ногой. Прозрачная оболочка прогнулась, спружинила и отбросила ногу обратно.

— Не поддается.— Генка и Валерка отнюдь не испугались. Да и никому в общем-то страшно не было. Просто интересно, что за чертовщина такая.

— В стену, значит, колотить бесполезно,— заключил Санька,— что будем делать?

— Чтобы знать, что делать, нужно сначала разобраться, куда мы влипли.— Генка всегда отличался трезвостью мышления.

— Давайте сообразим. Значит, мы ехали домой. Моторы заглохли, мы остановились, тут нас накрыла эта штуковина, и мы неизвестно где...

— И под колпаком.

— А снаружи трехколесные и лупоглазые катаются...

— На что это может быть похоже?

— На дурацкую фантастику, там такие вещи на каждом шагу, чуть что — либо во временнýю дыру проваливаешься, либо тебя пришельцы крадут.— Кто-кто, а Валерка в фантастике был подкован. Но Санька все-таки засомневался.

— Зачем это им красть тебя? Такой ты ценный, спасу нет.

— Для опытов каких-нибудь. Или в зоопарк.

— Как это в зоопарк?! — возмутился Генка.— Мы им что, звери, что ли?

— Может, они такие развитые, что ты для них вроде нашего суслика. Вот и поймали для коллекции. Я читал, одного парня в таком космическом зоопарке много лет держали. И еще девушка с ним была.

— Да, но если эти лупоглазые — пришельцы и если они нас украли, то мы не на Земле? — озадаченно спросил Генка.

— Понятное дело.— Валерка прямо лекцию по контактам читал.— Они нас к себе доставили. Хотя, может, еще не успели, может, мы на корабле ихнем, пока акклиматизируемся.

— А почему тогда они не разговаривают с нами? Язык, что ли, не освоят никак?

— Откуда я знаю, почему? — не выдержал Валерка.— Поди да спроси у них, есть контакт или нет контакта. Может, им с тобой и говорить-то не о чем.

— Слушайте, мужики,— Генка радостно потер руки,— в школу-то мы не пойдем в понедельник! Контрольную по физике писать не будем! Вот только родичи заволнуются.

— А наши братья по колесу умрут от зависти.

— Если узнают, где мы. Ты им телеграмму пошли, привет, мол, из космических глубин. Мы в плену у лупоглазых чудовищ. Собираемся объявлять голодовку: вернемся не скоро.

— Нет уж! — запротестовал Генка.— Насчет зоопарка мы с ними не договаривались, мы им не обезьяны какие-нибудь, публику здешнюю веселить. И вообще, мы просили нас ловить? Нет! Вот и пусть возвернут нас домой! Завтра воскресенье, меня Танька в кино ждать будет.

Санька взглянул на существ за стеной. Зоопарк... Может, и не зоопарк совсем. Вдруг они сообщить что-то хотят. Может, им помочь надо, а мы сидим и злимся. Раз они нами заинтересовались, значит, есть у нас что-то общее...

— Общий настрой не панический, но состояние все же угнетенное.— Телепатема Томта была окра-

шена в грустный цвет.— Видимо, к нашим условиям они не смогут адаптироваться.

— Увы, коллега,— Аурл указал на безжизненно лежащие в центре садка мотоциклы,— как быстро при перемене обстановки атрофируется механическая часть кентавра.

— Придется вернуть их в привычную среду обитания, пока они еще живы.

— Подожди, коллега, послушай!

— Кто вы? — Чужая мысль, слабая, но ясно различимая.— Что вам нужно от нас? Где мы?

— Это один из них! — оживился Томт.— Он мыслит на нашем уровне! Смотри, Аурл, вон тот, маленький, он направляется к нам?

Санька встал у стены и взглянул им прямо в глаза. Не человеческие глаза. Но и не звериные. Откуда-то к Саньке пришло знание. Нужно понять их, почувствовать, услышать, никакие они не чудовища. Они глядели на него через стену. Не было в них ни злобы, ни высокомерия, ни холодной отчужденности. Глаза их светились такой симпатией, таким любопытным задором, что Санька неожиданно для себя радостно улыбнулся: привет!

И услышал. Нет, не ушами услышал, а как будто в нем самом кто-то дружелюбно шептал: привет, не бойся, мы не причиним тебе вреда. Мы в восторге от тебя, мы восхищаемся тобой, мы хотим, чтобы тебе, чтобы всем вам было хорошо.

Санька догадался: телепатия. И беззвучно спросил:

— Мы не на Земле? Где мы? Зачем вы нас взяли сюда? И кто вы?

В голове его вновь зазвучала чужая мысль, окрашенная в цвет восторга:

— Мы жители системы Центавра, вы на нашем корабле. Мы извлекли вас из привычной среды обитания в надежде поселить вас в мемориальном комплексе наших прародителей. Есть предположение, что наши далекие предки были кентаврами, как и вы.

Санька перебил:

— Ваши предки были людьми?

— Нет, той же расой, что и вы, кентаврами. Союзом механической плоти и живого разума. Ведь вы слиты со своими механическими двигателями, вы одно целое с ними, как раз такими в древних мифах нашей системы описаны кентавры.

Санька сказал:

— Мы не сможем жить у вас. Мы должны вернуться на Землю.

— Да, обожаемый кентавр, мы уже поняли, что вы не сможете адаптироваться, ваш механический двигатель еще очень не развит, он атрофируется слишком быстро.

Санька сообразил, что речь идет о мотоциклах.

— Да, обожаемый кентавр. Ты видишь, мы похожи на вас, только наш механизм перемещения постепенно в ходе эволюции развился до трех колес, а в вашем еще только два.

Санька возразил:

— Да ну, на двух колесах нормально ездить, это на трех неудобно. Хотя не знаю, не пробовал. Смешно, наверное. А вашей цивилизации миллион лет или больше?

— Несколько миллионов. И вы когда-нибудь достигнете нашего уровня.

Санька вздохнул:

— Скорей бы. Вы нам хотите помочь в развитии, я так понял.

— Нет. Вмешательство в низшие эволюционно-экологические системы запрещено кодексом Галактического Интерсоюза. Каждый развивается самостоятельно. Думайте, растите, решайте свои проблемы.

— Жаль,— мысленно обиделся Санька,— хотелось бы сейчас.

— Сань,— Валерка и Генка покуривали у мотоциклов,— ты вроде договариваешься с лупоглазыми?

— Они с Центавра,— обернулся Санька,— извиняются, говорят, скоро поедем домой.

— Пусть поторопятся,— проворчал Генка,— надоело уже тут.

— Так и передам.— Санька вновь повернулся к центаврианам.

— Мои друзья просят поскорей вернуть их домой. Извините, у них свои дела. Кажется, вас понимаю только я.

— Мы и не ожидали контакта. Замечательно, что с тобой он получился. Жаль, что у нас не останется качественного снимка кентавра вблизи.

— Почему не останется? Вот они мы, снимайте.

— Нам нужен кентавр в движении. А вы уже ослаблены, ваши двигательные механизмы омертвели.

Санька засмеялся.

— Если за этим дело, то включайте вашу аппаратуру, снимайте на долгую память. Щас вам будет кентавр в движении!

— Ты шутишь, обожаемый кентавр?

— Не шучу.— Санька оседлал мотоцикл, завел и сделал пару восьмерок.

— Совсем сдурел,— комментировали его действия Валерка и Генка,— развлекаешь почтенных зрителей?

Аурл и Томт за стеной сияли от восторга.

— Матричный сканер уже включен. Полученную гиперграмму мы поместим в мемориальном комплексе.

— Тогда поехали.— Санька надел шлем и прикрикнул на Валерку с Генкой: — А ну, если не хотите кататься, уберите мотоциклы в сторону.

— Точно, с ума сошел,— буркнули те, но мотоциклы из центра откатили.

И Санька показал класс! Он выписывал невероятные кренделя и кривые, он крутился на одном колесе, переднем и заднем попеременно, он прыгал и поворачивал на бешеной скорости.

— Я не могу удержаться, коллега.— Телепатема Томта была окрашена в смущенно-раззадоренный цвет. Но Аурл уже и сам излучал мальчишеское озорство. Оба они вкатились в садок и принялись выделывать сложные па вокруг Саньки.

Валерка и Генка расхохотались и ринулись в общую компанию, оседлав мотоциклы.

— У нас и только у нас! — сквозь рев движков кричал Санька.— Советско-кентаврско-центаврский аттракцион фигурного катания! Большой парад-алле! Рокеры и кентавры! Сегодня и всегда!

А потом у Генки кончился бензин. Аурл и Томт испуганно заюлили вокруг остановившегося мотоцикла, в их телепатемах сквозило отчаяние.

— Твоему другу плохо, кентавр?

— Это мы виноваты, он умирает?

— Да нет,— засмеялся Санька,— просто кончился бензин, ничего, мы ему перельем, чтобы до дому добраться.

— Бензин? Горючая смесь, потребляемая механическим сердцем?

— Ну, можно сказать и так.

— Чтобы восполнить запасы бензина, вам нужно как можно скорее вернуться на Землю?

— Можете не торопиться,— покачал головой Санька,— успеем, еще не вечер. Поговорим лучше. Ведь мы теперь не скоро увидимся.

— Никогда, обожаемый кентавр.

— Ну вот! Не успели подружиться, и уже никогда не увидимся! Мне без вас, между прочим, скучно будет. Хоть иногда залетайте в гости.

— Тебе не будет скучно, обожаемый кентавр. Ты забудешь. Знать про нас вашей цивилизации пока недопустимо, слишком большая разница в интеллектах, вы еще слишком молоды для контактов. Поэтому вас троих придется освободить от памяти о событиях последних двух часов, того интервала времени, что вы находились здесь. Не бойся, мнемоглушитель действует безболезненно, никаких функций и рефлексов вы не утратите.

— Я не хочу забывать,— запротестовал Санька.— Подумаешь, цивилизация не доросла! Я-то уже дорос до контакта с вами.

— Тебя не будут понимать твои же соплеменники, когда ты заговоришь с ними о нас.

— А я и не собираюсь говорить с ними о вас. Пусть это моя тайна будет. Имею я право на тайну? Имею! А потом мое дело — помнить или забыть, а ваше дело — обеспечивать мою целость и сохранность, предки мы ваши или нет в конце концов? Так что никакого мнемоглушителя!

— Хорошо, обожаемый кентавр, пусть будет, как ты просишь. Но те двое забудут. Хочешь, мы на память усовершенствуем твой двигательный механизм? Он станет ближе к нашему.— В телепатеме сквозила горечь.

Санька тоже погрустнел.

— Сувенир с Центавра? Что ж, пусть будет сувенир.

Постовой регулировщик Алехин не мог понять, откуда взялась эта троица. Секунду назад их не было. А сейчас три рокера снова фырчали моторами. На том самом месте, откуда два часа назад исчезли. Алехин протер сонные глаза. «Надо будет в понедельник сходить к врачу, переутомляюсь я, видно, здорово, мерещится уже бог знает что». Привидения лихо покатились в сторону города, и остаток дежурства Алехин провел без сверхъестественных явлений.

Герой Социалистического Труда, почетный член Британского, Французского и Американского научных обществ, светило биотехники, академик Александр Витольдович Прохоров неторопливо возвращался домой с торжественного заседания по случаю его, Александра Витольдовича, и т. д. и т. п., шестидесятилетнего юбилея. Он завел термобиль в гараж — отличный широкий бокс в подвале дома. Термобиль был элегантен и послушен. Одна из самых первых разработок Александра Витольдовича, последующие были проще, надежнее, но термобиль дался тогдашнему молодому ученому особенно трудно, а потому и считался любимым детищем. Александр Витольдович захлопнул дверцу и прошел в глубь гаража, где помещался старый, но заботливо ухоженный мотоцикл «Восход». Мотоциклы давным-давно были сняты с производства, да и к этой машине, работай она, как ее забытые собратья, на бензине, топлива уже лет десять негде было достать: нефтепродукты канули в прошлое. По причине вытеснения двигателей внутреннего сгорания изобретенными академиком Прохоровым биодвигателями. Собственно, старенький «Восход» и был первой земной моделью биодвигателя. Только по сей день, как и сорок пять лет назад, об этом никто не знал, кроме Александра Витольдовича.

Он улыбнулся, вспомнив, как тогдашние его сверстники, «братья по колесу», недоумевали, почему это Санька бросил рокерство и засел за учебники. А он отмалчивался. Да и как он мог объяснить, что рокеры на трехколесных мотоциклах не ездят. И «Восход» его уже и мотоциклом назвать было нельзя.

Когда Санька садился за руль, машина слушалась беспрекословно, чутко реагировала на малейшее движение, и Санька сливался с ней так, что порой невозможно было различить, где начинается он и где кончается мотоцикл.

Александр Витольдович вновь усмехнулся. «Мотоцикл», которому за все сорок пять лет не понадобилось ни единой капли горючего! Которому для движения больше чем достаточно энергии сидящего в седле ездока. Он любовно погладил «Восход», тот заурчал. Извини, не сегодня, сказал Александр Витольдович и вышел на улицу. Звезды над его головой волшебно перемигивались. Такими они бывают только в детстве. Далеко, на мудрой планете, в Центральном реликтовом парке истории круглосуточно работал невиданный аттракцион. Развешанные тут и там шумоуловители доносили до восторженных зрителей надсадный рев древнего кентавра, симбиоза живого разума и механической плоти. Ошалело треща двигателем, кружа, выписывая восьмерки и сложные вензеля, перемежая прыжки с поворотами на месте, носился мотоцикл под управлением вихрастого мальчишки Саньки Прохорова, лихого рокера Алекса, призрака ночи.

РАЗ ТАРЕЛКИ, ДВА САЛФЕТКИ...

В Древней Греции и Риме не знали ни вилок, ни ножей. «Берите кушанья концами пальцев»,— учили там. Первые вилки появились во Франции во второй половине XVI века. И говорят, что причиной тому были кружевные воротники и манжеты, которые мешали есть руками. Понятно, что с вилкой было намного удобнее. Вилки эти были с очень короткой ручкой и с двумя зубцами. Приживалась новинка в Европе почти сто лет. А вместо тарелок использовали большой ломоть хлеба: в конце трапезы его отдавали беднякам. Говорят, что сам Иван Грозный не имел ни тарелки, ни ножа, а пользовался ими от сидящего подле боярина.

Правда, некоторые и сейчас считают, что можно есть где угодно и на чем угодно, хоть на старой рваной газете, лишь бы было что съесть. В любом случае, будь то обычный семейный обед, встреча близких друзей или праздничный ужин, стол должен быть сервирован красиво и удобно.

Каждый день вы пользуетесь обыкновенной клеенкой, скатертью из хлорвинила или из цветного льна. В праздник стол чаще накрывают белой скатертью. Средняя заглаженная складка ее должна проходить через центр стола. Салфетки можно сложить красиво «углом», бантом или заложить в кольцо. Они придают столу нарядный вид.

Чтобы правильно расставить тарелки и столовые приборы, придется вспомнить математику и рассчитать, сколько человек может поместиться за столом. Даже самые хлебосольные хозяева должны помнить, что каждый гость за столом занимает примерно полметра. И, хотя существует хорошая пословица «В тесноте, да не в обиде», лучше сделать так, чтобы гостям было удобно и приятно. Обратите внимание на рисунок, он поможет вам правильно сервировать праздничный стол.

ВКУСНЫЕ СОВЕТЫ

К праздничному столу всегда выбирают более изысканные, красиво оформленные блюда.

Салат из фруктов. Для него вам понадобится 4 яблока, 150 г мандаринов, 100 г чернослива, 50 г изюма, 100 г сметаны или майонеза.

Очистите яблоки и нарежьте крупной соломкой в 2—3 мм. Мандарины разделите на дольки, а крупные — разрежьте. Сушеный чернослив залейте водой, доведите до кипения, охладите в отваре и нарежьте дольками.

Изюм ошпарьте кипятком, удалите плодоножку и соедините с нарезанным черносливом. Все смешайте, заправьте сметаной или майонезом, посолите и посыпьте сахаром.

Уложите красиво горкой в салатник и украсьте фруктами.

Яйца с печенью трески. Сварите вкрутую 4 яйца, разрежьте вдоль и, вынув желток, наполните каждую половинку кусочком консервированной печени трески. Посолите и уложите на круглое блюдо.

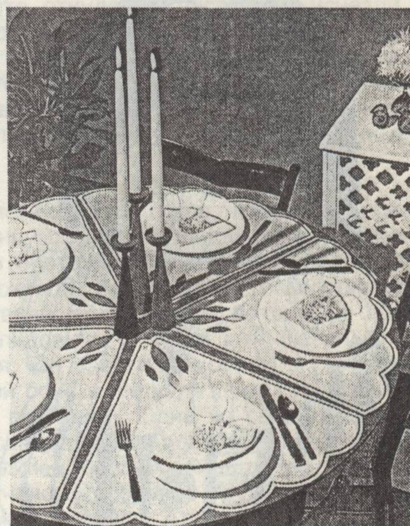
Желток разотрите с майонезом и полейте этой смесью приготовленные яйца. Затем украсьте фигурно вырезанными кусочками отварной моркови, свеклы, зеленым луком, зеленью петрушки.

Поджарка из свинины с яблоками. 500 г свинины нарезать небольшими кусочками, обжарить вместе с нарезанным кольцами луком (примерно 2 большие головки). Посыпьте сверху подсушенной мукой, все перемешайте и добавьте нарезанные брусочками яблоки. Залейте двумя стаканами воды и немного покипятите. На стол подавайте с жареным картофелем.

ТРЕУГОЛЬНЫЕ САЛФЕТКИ

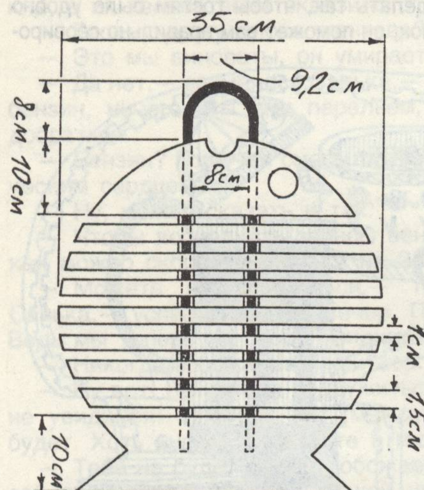
Вместо скатерти иногда накрывают стол салфетками — для каждого гостя своей. Такие салфетки могут быть, например, треугольными. Для работы нам понадобится 0,5 метра хлопчатобумажной или льняной ткани желтого цвета и несколько маленьких разноцветных обрезков для аппликации, а также мулине, сложенные в две нити, для отделки. Сначала нужно сделать выкройку салфетки на бумаге. Затем сложите ткань вдвое, положите на нее бумажную выкройку и аккуратно с изнаночной стороны приколите булавками. Выкраивая салфетку, оставьте припуски на швы примерно один сантиметр. Лоскуты-заготовки сметайте с изнаночной стороны, оставив сбоку часть непрошитой. Прострочите все на машинке, и через отверстие выверните салфетку на лицевую сторону. Опять сметайте ее по краям, прошив отверстие, и прогладьте горячим утюгом.

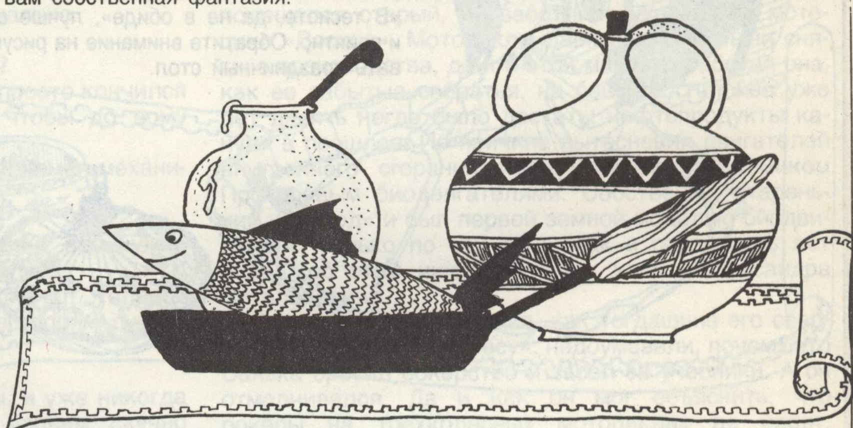

Из разноцветных обрезков вырежьте два красных и по одному зеленому и коричневому листику. Аккуратно приметайте к основе и обработайте «зиг-загом». По краю салфетку прострочите крупными стежками коричневого мулине.

Маленькую салфетку делают из остатков той же ткани. Хлопот с ней намного меньше, ее нужно сначала просто подшить вручную, а затем, как и большую, прострочить на машинке цветными нитками.

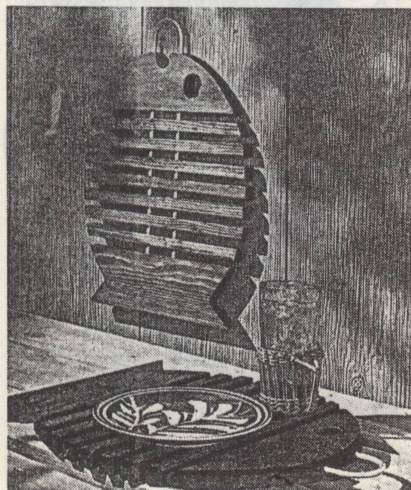
Салфетки необязательно должны быть желтыми, важно, чтобы отделка хорошо гармонировала с основой. Например, голубая — с синим, розовая — с красным, короче, так, как подскажет вам собственная фантазия.

ПОДСТАВКА-РЫБА

В любом доме найдутся деревянные дощечки, металлические трубочки, молоток, ножовка. А еще нужны клей, наждачная бумага, лак для мебели. Для нашей подставки-рыбы понадобятся две сосновые заготовки размером 2,5×10×30 сантиметров и семь 2,5×2,5×35 сантиметров, алюминиевая трубочка диаметром 6 миллиметров, длиной 90 сантиметров и пластмассовая — диаметром 9 миллиметров и длиной 20 сантиметров. Пластмассовую трубочку разрежьте на 14 одинаковых отрезков. Отметьте и просверлите сквозные отверстия для трубочек в «голове» и примерно до середины — в «хвосте». В «голове» рыбы просверлите еще одно отверстие — глаз. Причем постарайтесь не совместить его с отверстием для трубочки. То же проделайте и с семью мелкими заготовками. Отшлифуйте деревянные детали наждачной бумагой, покройте их лаком. Пока все будет сохнуть, займитесь алюминиевой трубкой. Наметьте середину ее и постарайтесь согнуть именно в этой точке. Чтобы сгиб получился красивым, обогните трубку вокруг металлической банки диаметром 8 сантиметров, придавая ей форму большой шпильки для волос. Проденьте согнутую трубку сквозь отверстия в «голове» рыбы. В каждую деталь средней части вложите короткие пластмассовые трубочки, а потом проденьте в них алюминиевую трубку. Проверьте, насколько трубка оказалась длиннее, чем вам нужно, и отрежьте ее ножовкой. Аккуратно заполните клеем все отверстия и наденьте «хвост» на концы алюминиевой трубки. Дайте клею высохнуть. Перенесите контур рыбы на деревянную заготовку и выпилите ножовкой. Края покройте лаком. Подставка готова.

Для тех, кто ищет друга не в соседнем классе, соседнем дворе или на соседней улице, а в дальних городах и странах, мы открываем наше «Адресное бюро».

Пишите письма, рассказывайте о своих увлечениях, склонностях, интересах, указывайте точный свой адрес, а мы будем ваши письма печатать. Правда, все адреса всех желающих переписываться не уместятся и на шестидесяти четырех страницах журнала. Поэтому мы будем отбирать самые интересные письма.

И еще два условия. Те, чьи адреса будут напечатаны в журнале, должны готовиться к потоку почты и постараться ответить, хотя бы коротко, на каждое пришедшее письмо. Кроме того, «претенденты» на место в нашем «Адресном бюро» должны указывать свой адрес точно, а о самих себе писать только правду. За ошибки в адресе и вранье редакция ответственности не несет.

300009, г. Тула, ул. Штыковая, д. 47, кв. 13. ДЕМИДОВОЙ Людмиле.

«Мне 12 лет. Я собираю календарики, открытки, наклейки».

211162, БССР, Витебская обл., г. Новолукомль, ул. Панчука, д. 8, кв. 10. ЖУРАВКО Ирине.

«Пусть мне напишут все, кто собирает фотографии и материалы о Саманте Смит. Я собираю уже год и многое знаю. Пишите».

454133, г. Челябинск, п. Аэропорт, д. 20, кв. 31. УПИР Олесе.

«Мне 14 лет. Я хочу иметь друга или подругу по переписке».

623300, Свердловская обл., Красноуфимский р-н, д. Животноводов, д. 5, кв. 2. ХОМУТИННИКОВОЙ Наташе.

«Мне 13 лет, я увлекаюсь очень многим, но самым любимым занятием считаю кулинарию».

306410, Курская обл., г. Щигры, ул. Комарова, д. 137, кв. 1. ГУЛИНОК Светлане.

«Мне 15 лет. Увлекаюсь лошадьми и конным спортом. Интересуюсь песнями Кости Пахомова и группы «Кино».

722122, Киргизская ССР, Сокулукский р-н, с/з Кирова, ул. Царенко, д. 3, кв. 2. ТЕПЛОВОЙ Элене.

«Мне 14 лет. Занимаюсь музыкой. Очень люблю животных и комнатные цветы. Также очень люблю писать письма».

288735, Винницкая обл., Могилёв-Подольский р-н, с. Черновцы, ул. Ленина, д. 89/9. СУПЕРСОН Алине.

«Мне 15 лет. Люблю читать художественную литературу, но больше всего я люблю читать про спорт, занимаюсь спортом и комнатными растениями. Характер у меня хороший, люблю хороших людей, уважаю старших».

680042, г. Хабаровск, ул. Известковая, д. 31 «А», кв. 143. КЕЙЗЕР Пете.

«Мне 10 лет. Я хочу переписываться с мальчиком моего возраста. Люблю музыку (современную), интересуюсь марками, животными».

225610, БССР, Брестская обл., г. п. Микашевичи, ул. Первомайская, д. 96, кв. 74. СИДЕЛЬНИК Наташе.

«Мне 13 лет. Собираю марки, переводилки и открытки».

613020, Кировская обл., г. Кирово-Чепецк, пр. Мира, д. 2, кв. 12. СИДОРОВОЙ Тане.

«Мне 13 лет. Хожу в художественную школу. Собираю календарики и наклейки. С удовольствием отвечу на письма сверстников».

334514, г. Керчь, ул. Борзенко, д. 25, кв. 63. ЕГОРОВОЙ Татьяне.

«Мне 13 лет. Люблю животных, хозяйничать и читать книги. Мои любимые предметы: химия и английский язык».

630129, г. Новосибирск, ул. Рассветная, д. 14, кв. 110. ЧЕРНЕНКО Антонине.

«Я увлекаюсь коллекционированием открыток, значков, календариков. Занимаюсь дзюдо и рукоделием. Хочу переписываться с ребятами 14—15 лет».

«Одна из самых древних, мудрых и читаемых книг — Библия.
Без знания Библии нельзя понять Шекспира и Пушкина, Гёте и Толстого, Рублева и Рафаэля, Моцарта и Рахманинова. Одним словом, без изучения Библии нельзя стать культурным человеком...
Пересказать Библию невозможно, ее надо читать — медленно, по фразе, по слову. В ней множество событий, советов, притч, преданий...
Так, в Библии рассказывается, как Бог спустился с неба к людям и вручил их вождю Моисею две скрижали — две каменные доски. На них были начертаны десять заповедей, то есть десять наказов людям».
Этими словами мы начали с шестого номера «Пионера» за 1990 год рассказ о десяти заповедях. Станислав Романовский рассказал уже о заповедях, начертанных на первой скрижали: «1. Я Господь Бог твой. Да не будет у тебя других богов, кроме Меня. 2. Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли, не поклоняйся им и не служи им. 3. Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно. 4. Помни день субботний, чтобы святить его: шесть дней работай и делай в них всякие дела твои, а день седьмой, суббота, Господу Богу твоему».
Теперь мы начинаем рассказ о заповедях, начертанных на второй скрижали.

Станислав РОМАНОВСКИЙ

Священные слова

Заповедь пятая гласит: «Почитай отца твоего и матерь твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле».

Любовь к отцу и матери была у всех народов законом жизни, залогом нравственного и физического здоровья человека и нации. Вспомним исповедь главного героя поэмы Лермонтова «Мцыри»:

«Я никому не мог сказать
священных слов «отец» и «мать» *.
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих **сладостных имен** * —
Напрасно: **звук их был рожден**
Со мной*. Я видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ — могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! Теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я, как жил в земле чужой,
Умру рабом и сиротой».

Эти слова принадлежат Мцыри, равно как и поэту Лермонтову, который рано остался без матери и всю жизнь остро переживал свое сиротство... Мцыри умирает, оттого что волею судьбы был навсегда отлучен от родины и никому не мог сказать священных слов «отец» и «мать».

...На вологодском севере между двумя синими озерами на зеленом холме белеет собор Рождества Богородицы. К нему приезжают со всего света, чтобы увидеть найденные росписи великого художника Дионисия (годы жизни приблизительно 1440—1507) и его сыновей Владимира и Феодосия. Сегодня я расскажу вам об одной из них. Она называется «Ласканье ребенка».

Родители Иоаким и Анна ласкают доченьку свою Марию. На ней белая рубашечка. Мария хочет обнять обоих: щечкой и правой ручкой касается лица матери, а левой дотрагивается до отца; и по всем трем идет одно тепло.

Фреска эта сияет природными красками при входе, на наружной стене собора. Она вся лучится радостью и издалека и вблизи передает эту радость людям.

Главной, то есть самой почитаемой, иконой Руси была «Владимирская Божья Матерь». Она привезена к нам из Византии в 1136 году. Поэтическое предание считает, что икону эту природными красками на кипарисовом дереве написал один из евангелистов — Лука.

На ней изображена Мария, та самая, чей краешек детства запечатлен на фреске Дионисия, с сыном своим Иисусом.

С какой печалью и милосердием она глядит на нас! В этих очах с красными от недавних слез слезницами — великая мольба: «Люди, будьте добрее!» Мария предвидит судьбу своего сына — его гибель ради спасения людей. А сын, еще не зная истинную причину скорби матери, изо всех детских сил старается утешить ее.

Он прижался к матери, всматривается в ее очи и как бы говорит:

— Мама, я с тобой! Я не дам тебя в обиду. Поделись со мной своей печалью.

А как они прекрасны оба, мать и сын, в своей взаимной любви!

У матери — благородное лицо; огромные очи, над которыми, как птицы, парят крылатые брови; на ее одеждах — две небесные звезды.

А третья звезда — ее сын. Его одежды сияют золотом; и обликом своим, изгибом тела он похож на ясный месяц.

В этой иконе нет ничего воинственного. Вся она — прекрасная песнь материнской и сыновней любви. Но именно «Владимирскую» наши предки брали в самые трудные битвы и с ней побеждали захватчиков. «Владимирская» помогала победить потому, что воины, молясь на нее перед битвой, видели в лике Марии лик своей матери. А мать проводила в поход и благословила на справедливую победу. И еще: воины видели в ней лик матери-Родины, которую надо спасать, ибо больше спасти ее некому.

Люди, облеченные неограниченной властью, во все века старались у своих соотечественников лю-

* Подчеркнуто мною. С. Р.

бовь к родителям заменить почитанием собственной персоны.

Гитлер объявил себя кузнецом и отцом немецкой нации.

Сталин — отцом всех народов.

В жизни отцами они были никакими; семьи ни у того, ни у другого, по сути, не было; первый уговорил свою жену покончить с собой; второй без уговоров довел до самоубийства.

Не умея воспитать и одного ребенка, диктаторы брались воспитывать миллионы людей, требовали любить их пуще родного отца и родной матери и у детей поощряли доносы на родителей.

Так возникла трагическая фигура Павлика Морозова. В реальной действительности Павлик не писал доносов на отца. Таким в угоду вождю его сделали услужливые журналисты. Появился выдуманный Павлик Морозов, сотворенный кумир, доносчик и отцеубийца. Ему стали подражать. Выдуманный доноситель породил множество настоящих доносителей. Дети разных возрастов, от пионерского до комсомольского, стали писать доносы на родителей.

В них родители объявлялись врагами народа. За что?

За мелкие житейские обиды, наверное, неизбежные в любой семье, за устные замечания в адрес правительства.

По этим доносам родителей арестовывали, сажали за колючую проволоку, а то и расстреливали.

Детей же хвалили, как героев, и премировали путевками в Артек.

Дети искренне верили, что поступают правильно и что вождь, которого они видели только на портретах; им роднее родных.

Много позднее, став взрослыми, эти люди поняли, какой страшный — смертный! — грех они взяли на душу, погубив самых близких и действительно родных людей — отца и мать.

...Фюрер и вождь померли, а семья выжила.

Семья — родовое гнездо, тысячелетиями воспитывающее Человека, Народ, Человечество.

Недавно в нашей стране произошло отрадное событие. Впервые был поставлен бронзовый памятник не полководцу, не вождю, не покорителю космоса...

Памятник Матери.

Крестьянке Епистимье Федоровне Степановой. Она вырастила десятерых сыновей людьми совестливыми и трудолюбивыми.

Когда на нашу Родину напали фашисты, Епистимья Федоровна, как это делали матери во все века, благословила сыновей своих на правый бой с недругом.

Все до единого сыновья ее, верные материнскому благословению, сражались, как герои, и все отдали свои жизни за Родину...

Безмерно горе матери Епистимьи; и никто не может утешить в скорби ее, только она сама может сказать себе:

— Для меня они не умерли. Они живы в сердце моем. Дети мои, не для смерти я растила вас!

Не для смерти растят детей все матери. И давно пора отказаться от памятников выдающимся убийцам или изобретателям страшного оружия, или чиновникам, а ставить памятники Матерям, называть в их честь новые города на земле и звезды на небе.

Бронзовая Мать Епистимья в крестьянском платке похожа на Богородицу на главной нашей святыне — иконе «Владимирской».

На постаменте словно начертано: «Почитай отца твоего и матерь твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле».

Не убий!

Одним из самых любимых святых на Руси был Николай-Угодник — покровитель простого люда, земледельцев, мореходов, купцов, или гостей по-старинному. Он приходил на помощь в самую трудную минуту. Вот он изображен на фреске Дионисия. Николай-Угодник отводит меч, занесенный палачом над невинно осужденными. Рука у святого тонкая, вроде бы слабая, но невинных людей она спасла от смерти, потому что на его стороне — правда.

Здесь с поэтической силой воплощена заповедь «Не убивай!», или по-старинному «Не убий!».

На фреске милосердие торжествует, палачество побеждено.

А в жизни?

В жизни было по-всякому.

Палачей на Руси презирали всегда.

В прошлом веке, когда суд однажды вынес смертный приговор революционерам, долго не могли найти палача. Никто не хотел убивать, потому что наши соотечественники с молоком матери впитали наказ:

— Не убий!

Положение изменилось в страшную сторону во времена Троцкого и Сталина, когда древние заповеди были объявлены устаревшими и контрреволюционными.

У меня на родине в Елабуге в тюрьме работала неприметная женщина. Умерла она сравнительно недавно, в преклонном возрасте, и на смертном одре покаялась:

— Я убийца, я палач. Когда велели, стреляла в затылок заключенным. За каждого казненного получала 25 рублей старыми...

Это два рубля пятьдесят копеек новыми...

Надо ли говорить, что человеческая жизнь не имеет цены, что все золото мира не стоит жизни одного человека?

В Библии есть загадочное описание Бога:

— Из уст его исходил острый с обеих сторон меч.

Некоторые живописцы понимали это описание буквально и изображали отточенные лезвия в устах Бога.

На самом же деле, уподобляя язык обоюдоострому мечу, Библия говорила приблизительно следующее:

— Слово — грозное оружие. Не менее грозное, чем боевой меч. Оно может и убить, и воскресить.

В самом деле...

Когда умерла великая французская певица Эдит Пиаф, об этом сообщили ее близкому другу. Он умер. Его убило слово: человека не подготовили к страшной вести...

Я знаю случай, когда человек, которому нахамили в очереди, не выдержав унижений, пришел домой и покончил жизнь самоубийством.

Его убило жестокое грязное слово; и те, кто произнес его,— убийцы!

Но слово обладает не только разрушительной силой. В нем содержится огромная целебная, воскресительная сила; и она может творить чудеса.

Я был знаком с 90-летней травницей из Набережных Челнов Ольгой Егоровной Карповой. Она врачевала и простых людей, и директора знаменитого КамАЗа; и он удивлялся:

— Кремлевская больница не помогла. А бабушка Оля помогла. Почему?..

— Я лечу только травами и молитвой,— отвечала травница.— Больше у меня ничего нет.

У меня сильно болела рука. Ольга Егоровна осмотрела ее и сказала:

— Эту-то я и без трав вылечу.

И принялась мять мою руку от плеча к кисти, править ее и при этом пришептывать:

— Жилушки... Уж как я жилушки-то люблю... Бабушка Соломоньюшка, помоги жилы выправить... Пальчики — светлы пташечки...

Рука у меня прошла за один сеанс; и вылечило ее вместе с умелым массажем прежде всего ласковое слово. Именно оно — то обнадеживающее доброе слово, от которого многие наши люди отвыкли давно.

Потому, дорогие мои читатели, при всех обстоятельствах говорите людям только взвешенные, чуткие слова. И никогда не желайте несчастья, тем более смерти, чтобы не нарушить заповедь:

— Не убий!

Заповедь эта запрещает убивать не только другого человека, но и себя самого, ибо в природе никто и ничто не кончает жизнь самоубийством — ни растения, ни животные, ни звезды на небе. Древняя эта заповедь запрещает и медленное самоубийство — водкой, наркотиками или другими излишествами. Недаром в старину самоубийц и умерших от пьянства не отпевали и хоронили безо всяких почестей в отдельной части кладбища, а то и за его пределами.

Заповедь «Не убий!» побуждает ценить жизнь как величайший дар в себе и в других.

А как быть с животными и растениями?..

...В древнерусских летописях я читал про голубую лошадь:

«А если я пришлю сошники*, тогда вы им дайте моих **голубых коней**, не запрягая в сохи».

Голубые лошади встречаются и на древних иконах. А вот в жизни сегодня их нет. Куда они умчались — загадочные голубые скакуны, на которых почитали за честь ездить русские князья?

Они были убиты неразумным человеком, вместе с другими дивными животными, такими, как мамонт... как огромная и доверчивая, как ребенок, стеллерова корова. Она водилась в морских водах у Камчатки и Чукотки и из-за ее обильного и вкусного мяса была в XVIII веке истреблена человеком до последней коровушки.

По недоброй людской воле исчезли с лица Земли и редкие растения.

Человечество стало беднее и духовно, и материально оттого, что лишилось ценнейших творений при-

* Сошник — соха, выкованная из цельного куска железа и надетая на деревянную основу.

роды и было вынуждено завести Красную книгу. В книге этой описаны животные и растения, взятые под охрану. На них, как и на человека, распространяется библейская заповедь:

— Не убий!

Границы этой заповеди расширяются.

— Не убий меня! — просит человека великая Волга, замученная плотинами и отходами.

— Не убий и нас! — вторят ей дали Украины и Белоруссии и воздух, напитанный ядами Чернобыля.

А если вспомнить, какой была планета Земля и какой она стала за последнее столетие, когда люди стали устраивать костры из икон и книг, рушить зеленые своды леса, играть с атомным огнем, то мы услышим голос нашей планеты:

— Люди, одумайтесь и не убивайте меня. Я — Земля, я — ваша мать. Если я погибну, то погибнете и вы — все до единого.

Что же делать?

Заповедь «Не убий!» запрещает быть пособником темных разрушительных сил, к которым я отношу невежество.

Вот знаменитая икона «Чудо Георгия о Змие». Не о змее, а о Змие, то есть о Драконе, или о Змее Горыныче. Злой Змей жил в озере; и запуганные люди, нарушая заповедь «Не убий!», приводили ему на съедение себе подобных. Люди надеялись задобрить его, а Горыныч и не собирался задабриваться. Аппетиты у Змея росли, и он потребовал в жены прекрасную царевну Елисавету... Тогда витязь Георгий вступил со злодеем в сражение, одолел его и освободил красавицу.

На этой иконе у Георгия юный, одухотворенный и несколько грустный лик; белый, как свет, конь с умной и лукавой физиономией; щит, как красное солнышко с семью лучами, восходит из-за спины героя. Рука Бога из космоса, слева вверху, благословляет Победу.

Дракон же, с зубастой пастью, из которой пышет пламя, сказочно страшен и немножко смешон, как все драконы в мире.

Георгий — это свет Доброты и Знаний.

Змей Горыныч — тьма Зла и Невежества.

Добро побеждает Зло; Знания победят невежество; и наша планета Земля, краешек которой изображен в правом нижнем углу иконы, как освобожденная царевна, воспрянет к жизни и станет еще пленительнее.

Сдано в набор 05.11.90.
Подписано к печати 20.11.90.
Формат 60×84⅛. Бумага офсетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44.
Усл. кр.-отт. 31,16. Учетно-изд. л. 9,00.
Тираж 875 000 экз. Заказ № 3036.
Цена 70 коп.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Вниманию взрослых авторов!

Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

21-14

70 коп.

Индекс 70694.

Если вы почему-либо
не успели выписать
наш журнал с 1 января — не беда!
Подписаться на «Пионер»
можно с любого месяца.
Стоимость подписки: на три месяца —
2 руб. 10 коп., на полгода — 4 руб. 20 коп.,
на девять месяцев — 6 руб. 30 коп.
По желанию можно подписаться
и на любой иной срок.
Цена одного номера журнала — 70 копеек.

Фотография П. МОКРОУСОВА.

ISSN 0130—8009. Пионер. 1991. № 1. 1—64.

С утра, схватив рубашку и носки,
Я объявляю подписной аврал:
Хоть разорвусь сегодня на куски,
Но я успею выписать журнал!

Ведь выписать надежней, чем купить!
Представлю, что плачу за знания налог!
Вдруг напечатают, кто моду ввел курить
И где и как изобрели сапог...

В журнале будет все: и как гранят алмаз,
И как без мамы вырастить редис,
И новый фантастический рассказ,
И сказка тоже новая — «Пять крыс».

А на обложке расцветет пион...
И пусть без дела полежит подушка:
Меня ждет Ося Б. и шахматный салон,
«Зеленая карета» и лягушка.

Читая «Пионер», любая пионерка,
А может, даже каждый пионер
Сумеют сшить наряды без примерки,
Как Домовенок и Матроскин, например.

Костя САРАТОВСКИЙ, 10 лет.